

ISSN 1993-3959

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР

ИММ

4/2022

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР**Российский междисциплинарный журнал
социально-гуманитарных наук**

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.

Реестровая запись 30 июля 2020 г. ПИ № ФС 77-78825

*Журнал включен ВАК РФ в Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора
наук (ред. 22.10.2021 г.) по историческим наукам, по научным специальностям:
5.6.1 — Отечественная история, 5.6.2 — Всеобщая история*

2022**Издается 4 раза в год****№ 4****Основан в 2001 г.****Проблемным советом РФ «Интеллигенция. Культура. Власть»****Учредитель ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»****Редакционная коллегия:**

доктор исторических наук, доцент **В. Л. Черноперов** (*главный редактор*)

доктор исторических наук, профессор **С. М. Усманов**

(*заместитель главного редактора*)

доктор исторических наук, профессор **Г. А. Будник**

доктор исторических наук, доцент **В. В. Комиссаров**

доктор исторических наук, профессор **И. К. Лапшина**

кандидат исторических наук **А. К. Калинин**

кандидат исторических наук, доцент **Н. Г. Юркин**

(*ответственный секретарь*)

Международная редакционная коллегия:

доктор исторических наук, профессор **Г. В. Корзенко**,

Институт истории Национальной академии наук Беларуси (Минск)

доктор исторических наук, профессор **Р. А. Михнева**,

Варненский свободный университет «Черноризец Храбър», Болгария (Варна)

главный редактор «Русского альманаха» **З. Паункович**, Сербия (Белград)

доктор исторических наук, профессор **Р. Юрковский**,

Варминско-Мазурский университет, Польша (Ольштын)

Точка зрения авторов публикаций может не совпадать с мнением редакционной коллегии.

Перепечатка без разрешения редакции журнала «Интеллигенция и мир» не допускается.

Электронная копия журнала размещена на сайтах

www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru, journal.ivanovo.ac.ru, www.cceol.com

INTELLIGENTSIA AND THE WORLD

Russian Interdisciplinary Journal of Humanities

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media
(Registry entry ПИ № ФС 77-78825 on 30.07.2020)

*The journal is peer-reviewed and recommended by the Supreme Attestation Commission
of the Russian Federation to publish main results of Doctors
and Candidates of Sciences dissertations (issued on 22.10.2021 г.)
on historical sciences, on scientific specialties:
5.6.1 — National history, 5.6.2 — General history*

2022

4 issues a year

№ 4

Founded in 2001

by the Council “Intelligentsia. Culture. Power” of the Russian Federation

Founded by Ivanovo State University

Editorial Board:

Assoc. Prof. **Vasily Chernoperov**, Dr. of Sc. (History) (*Editor-in-Chief*)
Prof. **Sergey Usmanov**, Dr. of Sc. (History) (*Deputy Editor-in-Chief*)
Prof. **Galina Budnik**, Dr. of Sc. (History)
Assoc. Prof. **Vladimir Komissarov**, Dr. of Sc. (History)
Prof. **Irina Lapshina**, Dr. of Sc. (History)
Alexander Kalinin, Cand. of Sc. (History)
Assoc. Prof. **Nikolay Yurkin**, Cand. of Sc. (History) (*Secretary of the Board*)

International Editorial Board:

Prof. **Georgy Korzenko**, Dr. of Sc. (History),
Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus (Minsk)
Prof. **Rumyana Mikhneva**, Dr. of Sc. (History),
Varna Free University “Chernorizets Khrabar”, Bulgaria (Varna)
Zorislav Paunkovic, Editor-in-Chief of the “Russian almanac”, Serbia (Belgrade)
Prof. **Roman Jurkowski**, Dr. of Sc. (History),
University of Warmia and Mazury, Poland (Olsztyn)

The authors' views may differ from the viewpoint of the Editorial Board.
No reprints without the Editorial Board permission allowed.

The e-copy of the issue can be accessed at
www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru, journal.ivanovo.ac.ru, www.ceeol.com

Subscription index
in the “Press of RF” catalogue
41533

© Ivanovo State University, 2022

Редакционный совет:

Ю. М. Воронов	Ивановский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
О. В. Золотарев	Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина
И. В. Кондаков	Российский государственный гуманитарный университет (Москва)
Г. Н. Кочешков	Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского
И. В. Купцова	Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
В. А. Мансуров	Институт социологии РАН (Москва)
И. И. Осинский	Бурятский государственный университет (Улан-Удэ)
С. Н. Полторак	Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича
Д. И. Польшвинный	Ивановский государственный университет
В. А. Порозов	Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
Е. М. Раскатова	Ивановский государственный университет
А. В. Ренников	Всероссийский научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела (Москва)
В. Г. Рыженко	Омский государственный университет
И. В. Сибиряков	Южно-Уральский государственный университет (Челябинск)
Г. С. Смирнов	Ивановский государственный университет
Ф. Х. Соколова	Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова (Архангельск)
А. А. Соловьев	Костромской государственный университет

Editorial Board:

Yu. M. Voronov	Ivanovo Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
O. V. Zolotarev	Pitirim Sorokin Syktyvkar State University
G. N. Kocheshkov	Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky
I. V. Kondakov	Russian State Humanitarian University (Moscow)
I. V. Kuptsova	Lomonosov Moscow State University
V. A. Mansurov	Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences
I. I. Osinsky	Buryat State University (Ulan-Ude)
S. N. Poltorak	Bonch-Bruевич St. Petersburg State University of Telecommunications
D. I. Polyvyanny	Ivanovo State University
V. A. Porozov	Perm State Humanitarian Pedagogical University
E. M. Raskatova	Ivanovo State University
A. V. Repnikov	All-Russian Scientific and Research Institute for Records and Archives Management (Moscow)
V. G. Ryzhenko	Omsk State University
I. V. Sibiriyakov	South Ural State University (Chelyabinsk)
G. S. Smirnov	Ivanovo State University
F. Kh. Sokolova	Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk)
A. A. Soloviev	Kostroma State University

СОДЕРЖАНИЕ

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

- Литовченко Е. В., Семичева Е. А.* Переписка в поздней античности: о роли некоторых курьеров Сидония в функционировании «эпистолярной сети» (по письмам IV. 4, IV. 7, IV. 12) 9
- Турыгин А. А.* Немецкая медицина, стоматология и пангерманизм 25

ЛИЧНОСТЬ В ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

- Зябликов А. В.* Мемуары князя В. А. Друцкого-Соколинского как источник для изучения истории Костромской земли 44
- Жиркова М. А., Капустина О. В.* Интеллигент в советской пенсионной системе начала 1930-х гг.: «пенсионная история» А. А. Достоевского 69
- Масленникова О. Н., Назаров В. И.* Homo Agens: с правом на счастье (интервью О. Н. Масленниковой с профессором Ивановского государственного университета В. И. Назаровым) 90

ДИСКУССИЯ

- Лю Цзяминь.* Новейшие оценки китайскими экспертами концепции «Один пояс — один путь» и ее реализации на киргизском и казахстанском направлениях 101

ДЕБЮТ

- Панов С. В.** Война и мир во взглядах польской национал-демократической интеллигенции (на примере З. Балицкого и Р. Дмовского) 115

ИЗ АРХИВНЫХ ФОНДОВ

- Черноперов В. Л.** Круглый стол «Интеллигенция и интеллигентность в наше время» в редакции газеты «Прямая речь» 6 декабря 1994 года 125

ПО СЛЕДАМ ПРОЧИТАННОГО

- Соловьев А. А.** Активисты-общественники — создатели элементов гражданского общества. *Рец. на кн.: Балдин К. Е. У истоков гражданского общества в российской провинции: общественные организации Иваново-Вознесенска (конец XIX — начало XX в.). Иваново: Иван. гос. ун-т, 2021. 268 с.* 157

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Будник Г. А., Усманов С. М.** Международная научно-теоретическая конференция по проблемам роли интеллигенции и интеллектуалов России и мира в XXI столетии 168
- Содержание журнала за 2022 год* 177
- Информация для авторов* 185

CONTENTS

FROM THE HISTORY OF THE INTELLIGENTSIA

- Litovchenko E. V., Semicheva E. A.* Correspondence
in late antiquity: on the role of some couriers of Sidonius
in the functioning of the “epistolary network”
(from letters IV. 4, IV. 7, IV. 12) 9
- Turygin A. A.* German medicine, dentists and Pan-germanism 25

PERSONALITY IN THE DISCOURSE OF INTELLIGENTSIA STUDIES

- Zyablikov A. V.* Memoirs of Prince V. A. Drutskoy-Sokolinsky
as a source for studying the history of the Kostroma land 44
- Zhirkova M. A., Kapustina O. V.* An intellectual in the Soviet
pension system of the early 1930s: “pension history”
of A. A. Dostoevsky 69
- Maslennikova O. N., Nazarov V. I.* Homo Agens: with the right
to happiness (interview of O. N. Maslennikova with Professor
of Ivanovo State University V. I. Nazarov) 90

DISCUSSION

- Liu Jiamin.* The latest assessments by Chinese experts
of the “One Belt, One Road” concept and its implementation
in the Kyrgyz and Kazakh directions 101

DEBUT

- Panov S. V.* War and peace in the views of the Polish National Democratic intelligentsia (on the example of Z. Balitsky and R. Dmovsky) 115

FROM ARCHIVAL FUNDS

- Chernoperov V. L.* Round table “Intelligentsia and Intelligence in our time” in the editorial office of the newspaper “Priamaia rech” on December 6, 1994 125

READING AND DISCUSSION

- Soloviev A. A.* Public activists — creators of civil society elements. *Review on the book: Baldin K. E. At the origins of civil society in the Russian province: public organizations of Ivanovo-Voznesensk (late XIX — early XX century). Ivanovo: Ivanovo State University, 2021. 268 p.* 157

SCIENTIFIC LIFE

- Budnik G. A., Usmanov S. M.* International scientific and theoretical conference on the role of intelligentsia and intellectuals of Russia and the world in the XXI century 168
- List of articles published in the Journal in 2022* 177
- Information for authors* 185

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

FROM THE HISTORY OF THE INTELLIGENTSIA

Интеллигенция и мир. 2022. № 4. С. 9—24.

Intelligentsia and the World. 2022. No. 4. P. 9—24.

Научная статья

УДК 930.2(37).08

DOI: 10.46725/IW.2022.4.1

ПЕРЕПИСКА В ПОЗДНЕЙ АНТИЧНОСТИ: О РОЛИ НЕКОТОРЫХ КУРЬЕРОВ СИДОНИЯ В ФУНКЦИОНИРОВАНИИ «ЭПИСТОЛЯРНОЙ СЕТИ» (по письмам IV. 4, IV. 7, IV. 12)

Елена Викторовна Литовченко

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет, Белгород, Россия,
litovchenko@bsu.edu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1203-6049>

Елена Александровна Семичева

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет, Белгород, Россия,
semicheva@bsu.edu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8969-0022>

Аннотация. В статье предпринята попытка анализа переписки как самого востребованного в позднеантичном обществе средства коммуникации, в контексте ее эволюции в «эпистолярную сеть», которая в качестве корреспондентов включала представителей интеллектуальной элиты Латинского Запада IV—VI вв., поддерживавших связи посредством регулярного обмена письмами. В зарубежной и отечественной

историографии вопросы способов связи, в частности, выбора курьеров, остаются на периферии исследовательского интереса. Авторский перевод и анализ содержания отдельных посланий Сидония Аполлинария, представлявшего верхушку позднеримского нобилитета V в. н. э., позволяет не только понять мотивацию позднеантичной интеллектуальной элиты в выборе посредников, но и реконструировать некоторые механизмы функционирования «эпистолярных сетей» позднеантичного мира. Используя микроисторический подход, авторы статьи приходят к выводу, что письма демонстрируют диаметрально противоположное отношение к курьерам, которое обусловлено социальными и культурными различиями между ними. При этом целью нескольких посланий Сидония было не столько получение или сообщение сведений, сколько установление и поддержание каналов связи с важными корреспондентами. Эпистолярная сеть давала возможность влиять на социальное окружение или демонстрировать свою влиятельность, представив «почтальона» человеку своего круга. Это было особенно ценно в трансформирующейся социальной и политической среде позднеантичного Запада в период его заката в 470-е гг., когда практически утрачивают свое значение привычные статусные маркеры, прежде всего, имперские посты, и привилегированное положение можно было подтвердить социальными связями с себе подобными. Постоянно циркулирующая корреспонденция как занятие, свойственное только людям высокообразованным, была способом ощутить свою исключительность, прочувствовать некоторую устойчивость привычного образа жизни на фоне общей нестабильности политической ситуации.

Ключевые слова: поздняя античность, эпистолография, эпистолярная сеть, интеллектуальная элита, Сидоний Аполлинарий, курьеры

Благодарности: исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 22-28-00284 «Социальные сети как механизм влияния в общественно-политической и духовной жизни латинского Запада в IV—VI вв.» URL: <https://rscf.ru/project/22-28-00284>.

Для цитирования: Литовченко Е. В., Семичева Е. А. Переписка в поздней античности: о роли некоторых курьеров Сидония в функционировании «эпистолярной сети» (по письмам IV. 4, IV. 7, IV. 12) // Интеллигенция и мир. 2022. № 4. С. 9—24.

**CORRESPONDENCE IN LATE ANTIQUITY: ON THE
ROLE OF SOME COURIERS OF SIDONIUS IN THE
FUNCTIONING OF THE “EPISTOLARY NETWORK”
(from letters IV. 4, IV. 7, IV. 12)**

Elena V. Litovchenko

Belgorod National Research University, Belgorod, Russia,
litovchenko@bsu.edu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1203-6049>

Elena A. Semicheva

Belgorod National Research University, Belgorod, Russia,
semicheva@bsu.edu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8969-0022>

Abstract. The article deals with the analysis of correspondence as the most demanded means of communication in Late Antique society, in the context of its evolution into an “epistolary network”, which included representatives of the intellectual elite of the Latin West of the 4th—6th centuries as correspondents, who maintained contacts through a regular exchange of letters. The author’s translation and analysis of the content of personal epistles of Sidonius Apollinaris, who represented the top of the Late Roman nobility, allows to understand the motivation of the Late Antique intellectual elite in choosing the mediators and to reconstruct some of the functioning mechanisms of the “epistolary networks” of the Late Antique world. On the base of microhistorical approach, the authors conclude that the letters demonstrate opposed attitude towards couriers, which is due to social and cultural differences between them. At the same time, the purpose of Sidonius’ letters was not so much to communicate, but to maintain channels of communication with important correspondents. The epistolary network made it possible to demonstrate one’s influence introducing the “postman” to another person. This was especially valuable in the transforming social and political situation of the Late Antique West during its decline in the 470s, when the usual status markers, primarily imperial posts, practically lose their significance, and social ties specifically could confirm a privileged position. The constantly circulating correspondence, as an occupation peculiar only to highly educated people, was a way to feel one’s exclusivity, to feel some stability of the usual way of life against the background of the general instability of the political situation.

Keywords: Late Antiquity, epistolography, epistolary network, intellectual elite, Sidonius Apollinaris, couriers

Acknowledgments: The study was supported by the Russian Science Foundation 22-28-00284 “Social networks as a mechanism of influence in the socio-political and spiritual life of the Latin West in the IV—VI centuries”. URL: <https://rscf.ru/project/22-28-00284>.

For citation: Litovchenko, E. V and Semicheva, E. A. (2022), ‘Correspondence in late antiquity: on the role of some couriers of Sidonius in the functioning of the “epistolary network” (from letters IV. 4, IV. 7, IV. 12)’, *Intelligentsia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 4: 9—24 (in Russ.).

Введение

Актуальность. Проблема «маленького человека» на сегодняшний день занимает одно из ведущих мест в гуманитарных исследованиях. Во многом такая ситуация стала возможной благодаря развитию «микроистории» как направления исторического знания (Д. Леви, К. Гинзбург, Ж. Ревель, В. Ульрих) [История ментальностей..., 1996]. Микроисторики акцентируют внимание на судьбах конкретных индивидов на фоне исторических событий, что позволяет раскрыть существовавшие для индивида поведенческие альтернативы, выявить его личный выбор, мотивы этого выбора, его последствия. Полнота подобных микроданных помогает персонифицированно проследить и изменение индивида, и связь таких изменений с окружающей социальной средой. Основными источниками при таком методологическом подходе становятся «эго-документы» — биографии, мемуары, дневники и письма, которые дают возможность понять человека и его поступки в конкретной ситуации, выявить то, что отличает его повседневность от жизни и поведения других, находящихся в тех же обстоятельствах. Это, в свою очередь, обеспечивает устойчивый интерес к эпистолярному жанру, который был необычайно развит в период поздней античности, поскольку именно переписка фиксирует движения души человека, а также события повседневности, связанные с самыми разными субъектами окружающего писателя социума.

Историографический обзор. Сидоний Аполлинарий (ок. 430 — ок. 486), представлявший верхушку позднеримского

нобилитета, сын, внук и правнук префектов, который также добился этой высочайшей должности, но впоследствии оставил светскую службу и посвятил себя Церкви, — один из признанных авторитетов латинской риторической словесности — автор коллекции из 147 сохранившихся посланий.

На фигуре этого яркого представителя позднеантичной интеллектуальной традиции латинского Запада и его обширном эпистолярном наследии концентрируется внимание отечественных и зарубежных антиковедов на протяжении нескольких последних десятилетий. В коллективной монографии под редакцией британско-нидерландского научного дуэта Гэвина Келли и Йупа ван Ваардена раздел, в котором собраны все исследования (как зарубежные, так и отечественные) по Сидонию Аполлинарию, изданные с XIX по XXI вв., насчитывает почти шесть десятков страниц [The Edinburgh Companion..., 2020: 737—796]. Востребованность письменного наследия Сидония объясняется как тем обстоятельством, что автор жил в переходную эпоху, и его судьба представляла собой одну из моделей «выживания» в транзитивный период, так и содержанием его стихов и писем, по которым реконструируется повседневность поздней античности. При этом исследовательский фокус преимущественно направлен на анализ содержания сочинений (поэзии и писем) на фоне транзитивных процессов V в. В силу популярности нашего автора среди исследователей делать подробный историографический обзор в рамках статьи считаем нецелесообразным, заметим лишь, что интересующих нас аспектов проблемы отчасти касались Эндрю Джиллет, который демонстрирует более общий подход к теме, рассматривая роль и функции официальных посольств в позднеримский и постримский периоды исключительно в политическом контексте [Gillett, 2003], и Ральф Матизен в статье, посвященной краткому обзору персоналий, которых Сидоний использовал в качестве курьеров [Mathisen, 2020]. В работе последнего курьерам посвящена одна страница издания, третья часть которой отведена статистическим данным о количестве и социальном составе посылных, поэтому о сравнительном анализе отношения к людям, доставлявшим письма, речь не идет.

Постановка вопроса. Нам представляется принципиально важным, что переписка, которая в позднеантичном обществе

являлась самым востребованным средством коммуникации, эволюционировала в структурированное целое, своеобразную «эпистолярную сеть», и в этом смысле обладает большим потенциалом в выявлении среды и механизмов социального влияния. Остающиеся до настоящего времени на периферии исследовательского интереса вопросы предпочитаемых авторами писем способов связи, в частности, курьеров, представляют относительно новый аспект «сидониевых штудий», что, с учетом авторского анализа содержания отдельных посланий, позволяет не только понять мотивацию позднеантичной интеллектуальной элиты в выборе посредников, но и реконструировать механизмы функционирования «эпистолярных сетей» позднеантичного мира.

Методология и методы исследования

В соответствии с заявленной проблематикой работа основана на комплексном подходе к анализу источников и микроисторическом подходе, в рамках которого в исследовательском фокусе находятся не макрообъекты и не крупные исторические деятели, а субъекты локальной истории, из действий которых складывается, в конечном итоге, общая целостная картина бытия изучаемой эпохи. В работе применены историко-сравнительный и ретроспективный методы.

В качестве основного источника используются письма Сидония Аполлинария, опубликованные на латинском языке под редакцией К. Лютйохана и Б. Крюша [*Apollinaris Sidonii Epistolae ...*, 1887]. В русле комплексного подхода к источникам мы обращались к эпистолярным коллекциям позднеантичных авторов, предшественников, современников и последователей Сидония: Квинта Аврелия Симмаха (ок. 345 — 402) [*Q. Aurelii Symmachi Quae supersunt ...*, 1883], Руриция Лиможского (ок. 440 — ок. 510) [*Ruricii Epistularum libri duo ...*, 1891], Авита Вьеннского (ок. 450 — ок. 518) [*Alcimi Edicii Aviti Viennensis episcopi Opera quae supersunt ...*, 1883] и Эннодия (ок. 473 — 521) [*Ennodius Magnus Felix. Opera omnia ...*, 1882], изданных в сериях «Памятники германской истории» и «Корпус латинских церковных писаний».

Основная часть

Для доставки своих сообщений Сидоний прибегал к помощи курьеров, знакомых ему и достаточно надежных людей, чтобы можно было доверить им личные письма. Вопрос доверия в те беспокойные времена был очень важен, поскольку существовала вероятность «перехвата» письма, поэтому в позднеантичных посланиях зачастую довольно сложно найти точное описание конкретных исторических событий, в большинстве случаев это туманные намеки или завуалированные фразы, по которым можно только догадываться, о каких обстоятельствах идет речь. Например, одно из писем Авита (ок. 450 — ок. 518) к брату Аполлинарию содержит такие намеки на некоторые исторические события. Он пишет: «...Я подозреваю, что теперь до твоих ушей также дошло, что те люди, которые, ... опустошали наши территории, ушли» (Avit. Ep. 87)¹, имея в виду остготов, разорявших долину Роны, без упоминания названия самого народа. Другой пример дает нам Руриций из Лиможа (ок. 440 — ок. 510): подразумевая вторжение франков в Вестготское королевство, он лишь упоминает о «временных беспорядках» (*tumultibus temporis*) (Ep. II. 41). Эннодий (ок. 473 — 521) в своей переписке освещает события «Лаврентиевой схизмы» (498—506), вуалируя их метафорами. Автор представляет общую картину жизни Рима, охваченного волнениями опасных «врагов» и «несчастьями, о которых все сожалеют» (Ennod. Ep. I. 3). В письме Констанцию упоминаются «драки, проистекающие из дьявольского вдохновения» (Id. Ep. II. 19), а также «раскольнические суждения» (Ibid.) В целом, книги I и II изобилуют намеками на «несчастья нашего времени» (Id. Ep. II. 18) и «катастрофы, вызванные врагами» (Id. Ep. II. 10), которые Эннодий, при этом, никак не идентифицирует.

Сложности в доставке корреспонденции, напротив, прямо отмечаются многими позднеантичными авторами. Так, Авит упоминает о том, что одна из книг его посланий стала достоянием общественности после того, как была перехвачена в процессе доставки (Ep. 43 и 51). В те времена и даже раньше это было обычным делом: Симмах (ок. 345 — 402) жаловался, что люди воруют его корреспонденцию на ее пути к получателям (Symm. Ep. II. 12;

¹ Здесь и далее перевод наш, если не указано иное.

II. 48), а Сидоний писал, что его письма перехватывают на дорогах вестготы (Sid. Ep. IX. 3; IX. 5), также и Авит обвинил остготов в том, что они похитили письмо бургундского короля Сигизмунда к императору Анастасию (Ep. 94). Этот риск заставлял эпистолографов оставлять за рамками письма такие детали, которые могли повредить репутации или, хуже того, привести к обвинению в предательстве. В подобных ситуациях авторы писем наиболее важную информацию предпочитали передавать «на словах». В письме епископу Евфразию Руриций пишет: «Но что касается реальной потребности или того, что, в частности, мне кажется, должно быть сделано, я добросовестно сообщил устно через вашего дьякона...» (Rur. Ep. II. 29). Поэтому выбор проверенного человека представлялся важным, а некоторые люди использовались в подобном качестве неоднократно.

Двое из таких персонажей рассматриваются в четвертой книге посланий Сидония. Курьеры, подвизавшиеся на этой службе, как правило, нуждались в какой-либо помощи автора писем, чаще всего в его рекомендациях, или могли быть его клиентами. По большей части курьерами были представители низших сословий позднеримского общества, хотя среди почтальонов Сидония встречаются и люди благородного происхождения. Ральф Матисен указывает 27 носителей писем галло-римского аристократа и епископа, 14 из которых — безымянные, называемые просто *gerulus litterarum* (письмоносец) или *oblatores apicum* (даритель письма) [Mathisen, 2020: 67]. Последнее название связано с отношением к письму, как к дару: для Руриция «послание ... это дар для получателя без потери для дарителя...» (Rur. Ep. II. 5); получение письма для Эннодия — это подарок (*munera*), а возможность, предоставляемая носителем писем, — «высшая из радостей» (Ennod. Ep. VI. 2).

При этом в некоторых письмах курьеры удостоены довольно развернутого описания, как, например, некий Аманций, купец из Оверни, который, в силу специфики своей деятельности, часто путешествовал и мог доставлять послания. Судя по сдержанному неодобрению, выражаемому благородным Сидонием, Аманций был пройдохой (Сидоний называет его мошенником (*praestigiator*): Ep. VI. 8), но его полезность нивелировала в глазах галло-римского нобили отрицательные черты. Однако прямо

посвящены самим курьерам, а не личным делам автора посланий, письма IV. 4 и IV. 7, анализ которых предпринят в данной статье.

Первое письмо Сидония (Ер. IV. 4), датированное 472 г., адресовано родственникам — брату Симплицию и дяде Аполлинарию. Его цель — представление курьера, не раз доставлявшего письма Сидония ранее (например, Ер. IV. 6, 1). Сидоний демонстрирует максимальное расположение к этому человеку, называя его другом и братом. Общее прошлое, наполненное элементами аристократического *otium*, позволяет предполагать с большой долей вероятности, что Фаустин представлял сенаторскую аристократию, а после принятия христианства обрел сан священника (Ibid.). Вот что пишет о нем епископ Клермона:

«Сидоний приветствует своих Симплиция и Аполлинария.

[1] Наконец, я посылаю обещанного Фаустина, которого вы ожидаете; он — отец семейства благородного происхождения и человек, которого признают одним из славнейших [мужей] нашего Отечества. Многие годы я считаю его своим братом, по общности чувств он — друг мне. Как часто мы проводили время вместе, перемежая веселье серьезными делами! Как часто в далекие дни нашей юности мы вместе играли в мяч и в кости, соревновались в прыжках, беге, охоте или плавании, всегда [оставаясь] честными соперниками, т. к. [являлись] близкими друзьями. Он старше меня, но ненамного; эта разница [в возрасте такого свойства, что] не обязывала меня уступать ему, при этом не заставляла его подражать; он также более обаятелен, вызывая [тем самым] не только почтение, но и любовь [окружающих]. С годами и его обращением к Христу моя прежняя любовь к нему превратилась в благоговение. [2] Это человек, посредством которого я приветствую вас с горячим желанием увидеть вас очень скоро, если даст Бог и позволит состояние общественных дел. Если мое желание не докучает вам, дайте мне знать с этим же посыльным, в каких местах вы ожидаете оказаться и когда. Я твердо намерен освободиться от всех трудностей и препятствий, [создаваемых] собственными делами, и позволить себе привилегию долгих и сокровенных часов в вашем обществе, если только особые обстоятельства не нарушат моих планов, как, я боюсь, [все же], может произойти. [3] Возможно, вам тоже стоит обсудить [мое предложение] с братом Фаустином в свете

возможных событий. Я сделал его своим полномочным представителем, потому что люблю его и знаю, что он отвечает мне взаимностью. Если он оправдает мое доверие, то я буду очень благодарен. Окружающие глубоко уважают его, и, возможно, он ничего не теряет от того, что не является [на самом деле] образцом совершенства. Будьте здоровы» (Sid. Ep. IV, 4).

На наш взгляд, показательным, что письмо фактически посвящено курьеру и его в высшей степени благожелательным оценкам, поскольку содержательно оно несет в себе лишь информацию о возможных и желаемых встречах с адресатом в будущем. Вероятно, целью этого послания является не столько получение или сообщение сведений, сколько установление нового канала связи с важным корреспондентом.

Второе послание без даты (Ep. IV. 7) адресовано, опять же, брату Сидония — Симплицию. В целом, это также один из типичных образцов рекомендательного письма, хотя в этом случае автор решительно настроен против посланника. Он не называет его имени, только указывает, что этот человек — почтальон (*baiulus apicum*). Такое пренебрежительное отношение курьер заслужил своей невоспитанностью, говорящей о его низком социальном происхождении, а также тем, что не имел понятия о связывающих Сидония и его адресата родственных и дружеских узах.

«Сидоний приветствует своего Симплиция.

[1] “Ты подгоняешь бегущего²”, — обычный ответ человека, который хотел сделать то, о чем его не просили, но хотели бы попросить. Ты спрашиваешь, к чему я употребил это выражение? Посыльный, доставивший эти строки, настаивает на рекомендательном письме от меня, тогда как, когда я узнал, куда он собирается, мне следовало самому просить его о милости сделать это прежде, чем он [сам] произнесет это, обрекая его не столько из уважения к нему, сколько из моих теплых чувств [по отношению] к тебе. Что же касается прочего, мой посланник считает, что, оказывая мне услугу, он заслужит [возможность] поворота [своих дел] к лучшему. Он достиг того, чего хотел, но никогда и не помышлял, насколько крепка та связь, которая объединяет тебя и меня.

² Здесь аллюзия на древнеримскую поговорку «*Addere calcaria sua sponte currenti*» (букв. подгонять того, кто и так бежит), т. е. прибегать к ненужному вмешательству. См.: [Дворецкий, 1976: 281].

[2] Хотя я и нахожусь вдали, я могу вообразить себе его ступор по прибытии, когда он обнаруживает, что нет никакой необходимости в рекомендациях, и на самом деле просить их было излишним, т. к. тот простой факт, что он прибыл от меня, уже гарантирует ему радушный прием. Я могу видеть все так, как если бы я там находился: новизна всего для человека, чей ум не слишком остер; смущение постороннего, приглашенного в чужой дом, или нервничающего гостя, вовлекаемого в беседу, или сельского парня, которого зовут поучаствовать в изысканном увеселении, или бедного человека, посаженного за роскошный обеденный стол. На самом деле, это выглядит странно для человека [родом] из мест, где плохо приготовленная пища и слишком много лука составляют единственную еду, обнаружить себя на благородном приеме, так, как будто он всю жизнь, подобно Апицию, едал на византийских пирах. [3] Во всяком случае, какими бы ни были его заслуги или значимость, он как нельзя лучше помог мне выплатить мой долг дружбы. Люди такого типа часто остаются за рамками описания [в письмах], в то же время друзья, которые, подобно нам, для общения друг с другом обращаются к эпистолярному жанру, потеряли бы шанс писать, если бы они слишком шепетильно относились к субъектам, доставляющим их послания адресату. Будь здоров» (Sid. Ep. IV, 7).

Таким образом, в рассматриваемых случаях Сидоний демонстрирует нам диаметрально противоположное отношение к курьерам. Первого он называет по имени (Фаустин) и фактически посвящает ему львиную долю текста, второго даже не считает нужным именовать. Для аристократии позднеантичного периода неверное толкование социальной связи между двумя людьми, в данном случае незнание о существующей между автором и адресатом прочной дружбе, было серьезной ошибкой. Таким образом, недовольный этим, Сидоний приглашает читателей посмеяться вместе с ним над культурной неполноценностью писмоносца. Пайдейя Сидония проявляется здесь в контрасте тона между описанием гипотетического грубого поведения курьера и изощренностью намеков на Апиция³ и утонченные византийские пиры. И, хотя,

³ Марк Гавий Апиций, известный римский гурман (I в. н. э.), автор трактата “*De re coquinaria*”.

в целом, оба письма являются типичными образцами рекомендательных писем, каковые были распространены в период поздней античности, разница между отношением к двум посланникам обусловлена социальными и культурными различиями между ними: Фаустин одного круга с Сидонием, что объясняет общность их интересов, второй курьер — «простоватый деревенский парень», и, конечно, ничего общего, кроме разовой доставки послания дорогому родственнику, между ним и утонченным аристократом Сидонием быть не может.

Возвращаясь к вопросу о доверии и о надежности посыльного, обратим внимание еще на одно письмо нашего автора — IV. 12, датируемое тем же 472 г. и адресованное любимым родственникам Сидония — Симплицию и Аполлинарию. Данное послание призвано наладить коммуникацию, прерванную по вине курьера. В первом фрагменте письма речь идет о ситуации, в которой Сидоний узнает о потере ответных писем его родственников. Сидоний с его сыном читали вслух «Третейский суд» (*Epitrepontes*) Менандра, когда «внезапно появился раб с хмурым лицом» (Sid. Ep. IV. 12, 2). Встревоженный, Сидоний спросил: «Что случилось?» «Чтеца⁴, — отвечает, — по имени Констант, посланного с поручениями к господам Симплицию и Аполлинарию, только что видел у входа. Он говорит, что доставил Ваши письма, но потерял ответы, переданные ему для Вас». [3] Как только я услышал это, штормовое облако раздражения повисло на чистом небосводе моей радости; неудача настолько рассердила меня, что в течение нескольких дней я был безжалостен и запретил этому болвану [Константу] показываться мне на глаза. Я хотел, чтобы он прочувствовал свою вину, пока не вернет мои письма все до одного, не говоря уже о ваших ... [4] Однако через некоторое время мой гнев мало-помалу ослабел; я сам послал за ним и спросил, было ли ему доверено передать что-либо на словах, кроме писем. Он был испуган и готов был ползать у моих ног, осознавая свою вину, он заикался и не мог смотреть мне в глаза, но все-таки ему удалось вымолвить: «Ничего». Сообщение, в котором я должен был получить так много наставлений

⁴ Имеется в виду низший клирик, читающий вслух выдержки из Писания во время литургии.

и приятных вещей; все это содержалось на утерянных страницах. Поэтому для вас ничего не остается, как снова обратиться к своим табличкам, раскрыть свои пергаменты и написать все заново. С философским спокойствием я снесу эту неудачу до того часа, пока эти строки не дойдут до вас, и вы узнаете, что ваши уже никогда не дойдут до меня»⁵.

При анализе текста интерес представляет тот факт, что хозяин писем не пытается выяснить, при каких обстоятельствах случилось это происшествие. Вместо этого два абзаца посвящены демонстрации досады и гнева благородного господина, что, во-первых, свидетельствует о тревоге или даже страхе от того, что коммуникация может прерваться в любой момент, а также о том, что утрата посланий была делом, в общем-то, обычным для того времени, как мы уже отмечали выше. Для автора важны не причины инцидента, а поддержание связи.

Первое обстоятельство, которое может показаться пустячным, на самом деле, имеет огромное значение: постоянно циркулирующая корреспонденция в то время была не просто способом узнать, что с близкими людьми все в порядке, но и ощутить посредством литературной переписки свою исключительность, потому что это занятие было свойственно только людям высокообразованным, а также прочувствовать некоторую стабильность привычного образа жизни (хотя бы в преданности утонченной литературе!) на фоне общей нестабильности политической ситуации.

Эпистолярная сеть, включавшая представителей интеллектуальной элиты, не просто позволяла держаться вместе, но и давала возможность влиять на социальное окружение или демонстрировать свою влиятельность, представив «почтальона» человеку своего круга, рекомендовав его другому *viro bono* «со связями». Это было особенно ценно в трансформирующейся социальной и политической среде позднеантичного Запада в период его заката в 470-е гг., когда практически утрачивают свое значение привычные статусные маркеры, прежде всего, имперские посты, и привилегированное положение можно было подтвердить социальными связями с себе подобными.

⁵ Полный перевод данного письма см.: [Литовченко, 2021: 200—203].

Заключение

Таким образом, эпистолярная сеть включала не только адресантов и адресатов, но и курьеров, как посредников между ними, а также широкую публику, поскольку чтение вслух полученных посланий, часто в большой компании, было одним из видов досуга аристократов. Роль курьеров трудно переоценить: фактически, благодаря их посредничеству, эпистолярная сеть функционировала. Часть посредников в доставке писем, имеющих более высокое происхождение, включалась в ближний круг; менее привлекательные или достойные фигуры также были полезны не только собственно доставкой корреспонденции, но и тем, что служили своего рода выигрышным фоном для благородного аристократа.

Конвергенция действующих лиц эпистолярных сетей и их связей посредством деятельности курьеров является важной особенностью позднеантичной социальной коммуникации. Они обеспечивали систематический обмен письмами, тем самым, способствуя не только постоянному общению, но и обеспечению социальной идентичности.

Список источников

- Дворецкий И. Х.* Латинско-русский словарь. М.: Русский язык, 1976. 1096 с.
История ментальностей и историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах / сост. Е. М. Михина. М.: Рос. гос. гуманитарн. ун-т, 1996. 254 с.
- Литовченко Е. В.* Сидоний Аполлинарий. Письма (I. 1; II. 8; IV. 12). Перевод // Классическая и византийская традиция: материалы науч. конф. «Классическая и византийская традиция» / под ред. Н. Н. Болгова. Белгород, 5 окт. 2011 г. Белгород: НИУ «Белгород. гос. ун-т», 2011. С. 200—203.
- Alcimi Edicii Aviti Viennensis episcopi Opera quae supersunt / rec. R. Peiper // Monumenta Germaniae Historica. Auctores Antiquissimi. T. VI, p. 2. Berlin: Weidmann, 1883. 376 p.
- Apollinaris Sidonii Epistolae et carmina // Monumenta Germaniae Historica. Auctores Antiquissimi. T. VIII / eds C. Luetjohann and B. Krusch. Berlin: Weidmann, 1887. 484 p.
- Ennodius Magnus Felix. Opera omnia // Corpus Scriptorum Ecclesiarum Latinarum. Vol. V—VI / ed. G. Hartel. Vienna: C. Gerold, 1882. 722 p.

- Gillett A. *Envoys and Political Communication in the Late Antique West*, 411—533. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 335 p.
- Mathisen R. W. *Sidonius' People // The Edinburgh Companion to Sidonius Apollinaris* / eds G. Kelly, J. van Waarden. Edinburgh: The Edinburgh University Press, 2020. P. 67—68.
- Ruricii *Epistularum libri duo // Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum Latinorum*. T. XXI. *Fausti Reiensis et Ruricii Opera* / ed. A. Engelbrecht. Lipsiae: B. G. Teubneri, 1891. P. 349—442.
- The Edinburgh Companion to Sidonius Apollinaris / eds G. Kelly, J. van Waarden. Edinburgh: The Edinburgh University Press, 2020. 856 p.
- Q. Aurelii Symmachi *Quae supersunt* / ed. O. Seeck // *Monumenta Germaniae Historica. Auctores Antiquissimi*. T. VI. Berlin: Weidmann, 1883. 355 p.

References

- Dvoretzkiy, I. H. (1976), *Latinsko-russkii slovar'* [Latin-Russian Dictionary], Russkii iazyk, Moscow, Russia.
- Engelbrecht, A. (ed.) (1891), 'Ruricii Epistularum libri duo', in *Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum Latinorum, t. XXI, Fausti Reiensis et Ruricii Opera*, B. G. Teubneri, Lipsiae, Germany: 349—442.
- Gillett, A. (2003), *Envoys and Political Communication in the Late Antique West, 411—533*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Hartel, G. (ed.) (1882), 'Ennodius Magnus Felix. Opera omnia', in *Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum Latinorum, vol. V—VI*, C. Gerold, Vienna, Austria.
- Kelly, G and Waarden, J. van (eds) (2020), *The Edinburgh Companion to Sidonius Apollinaris*, The Edinburgh University Press, Edinburgh, UK.
- Litovchenko, E. V. (2011), 'Sidonius Apollinaris. Letters (I. 1; II. 8; IV. 12). Translation', in Bolgov, N. N. (ed.), *Klassicheskaya i vizantijskaya traditsiya: materialy nauchnoi konferentsii* [Classical and Byzantine tradition, proceedings of the scientific conference], Belgorod, Russia, 5 October 2011, NIU "Belgorodskii gosudarstvennyi universitet", Belgorod: 200—203.
- Luetjohann, C. and Krusch B. (eds) (1887), 'Apollinaris Sidonii Epistolae et carmina', in *Monumenta Germaniae Historica. Auctores Antiquissimi, t. VIII*, Weidmann, Berlin, Germany.
- Mathisen, R. W. (2020), 'Sidonius' People', in Kelly G and Waarden, J. van (eds), *The Edinburgh Companion to Sidonius Apollinaris*, The Edinburgh University Press, Edinburgh, UK: 67—68.

- Mikhina, E. M (comp.) (1996), *Istoriia mental'nostei i istoricheskaia antropologiiia. Zarubezhnye issledovaniia v obzorakh i referatakh* [History of mentalities and historical anthropology. Foreign research in reviews and abstracts], Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet, Moscow, Russia.
- Peiper, R. (ed.) (1883), Alcimi Ecdici Aviti Viennensis episcopi Opera quae supersunt, in *Monumenta Germaniae Historica. Auctores Antiquissimi, t. VI, p. 2*, Weidmann, Berlin, Germany.
- Seek, O. (ed.) (1883), Q. Aurelii Symmachi Quae supersunt, in *Monumenta Germaniae Historica. Auctores Antiquissimi, t. VI*. Weidmann, Berlin, Germany.

Статья поступила в редакцию 01.08.2022; одобрена после рецензирования 22.08.2022; принята к публикации 25.08.2022.

The article was submitted 01.08.2022; approved after reviewing 22.08.2022; accepted for publication 25.08.2022.

Информация об авторах / Information about the authors

Е. В. Литовченко — доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории, Педагогический институт, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Россия.

Е. А. Семичева — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории, Педагогический институт, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия.

E. V. Litovchenko — Doctor of Science (History), Associate Professor, Head of the Department of World History, Pedagogical Institute, Belgorod National Research University, Russia.

E. A. Semicheva — Candidate of Science (History), Associate Professor, Associate Professor of the Department of World History, Pedagogical Institute, Belgorod National Research University, Russia.

Интеллигенция и мир. 2022. № 4. С. 25—43.
Intelligentsia and the World. 2022. No. 4. P. 25—43.

Научная статья

УДК 616.31(091)(430).08

DOI: 10.46725/IW.2022.4.2

НЕМЕЦКАЯ МЕДИЦИНА, СТОМАТОЛОГИЯ И ПАНГЕРМАНИЗМ

Александр Александрович Турыгин

Костромской государственный университет, Кострома, Россия,
aturigin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0758-6422>

Аннотация. В настоящее время история медицины стала одним из наиболее перспективных научных направлений. Ее междисциплинарный характер дает возможность, в частности, по-новому взглянуть на легитимацию отношений господства и формирование спектра идентичностей профессиональных медицинских сообществ. Представленная статья продолжает изыскания в этом направлении. Ее цель — показать становление в Германии стоматологии как самостоятельной профессии в неразрывной связи с политическим развитием страны в конце XIX — начале XX в. Методологической основой исследования выступают историзм, системность и объективность.

В результате исследования автор пришел к следующим выводам. До того как стать профессией и приобрести академический статус, стоматология развивалась на уровне частных практик, которые не только фиксировали растущий спрос на специальные медицинские услуги, но и последовательно формировали представление о социальной значимости тех, кто ею занимался. Но как только начался процесс профессионализации, стоматологии потребовалась политическая поддержка, которая бы позволила легитимировать и официально закрепить ее новый статус. По этой причине немецкие стоматологи обратились к современным политическим трендам, которые в конце XIX — начале XX в. оказались неразрывно связаны с национализмом, а также теми консервативно-монархическими элитами, которые обладали властью в рейхе.

Стоматологи Германии добивались влияния в интересах профессии как посредством коллективной самоорганизации и через собственные публикационные органы, так и проявлением частных инициатив, соответствующих индивидуальным политическим предпочтениям и позициям. При этом некоторые стоматологи увлеклись националистическими и антисемитскими идеями, что привело их в Пангерманский союз, исповедовавший крайне правую идеологию.

Ключевые слова: медицина, политика, национализм, стоматология, Пангерманский союз, профессионализация, политические ориентации стоматологов в Германской империи, расовая гигиена, агитация, профессиональная конкуренция

Для цитирования: Турыгин А. А. Немецкая медицина, стоматология и пангерманизм // Интеллигенция и мир. 2022. № 4. С. 25—43.

Original article

GERMAN MEDICINE, DENTISTS AND PAN-GERMANISM

Alexander A. Turygin

Kostroma State University, Kostroma, Russia,
aturigin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0758-6422>

Abstract. Currently, the history of medicine has become one of the most promising scientific directions. Its interdisciplinary nature makes it possible, in particular, to take a fresh look at the legitimization of domination relations and the formation of a spectrum of identities of professional medical communities. The presented article continues research in this direction. It aims to show the formation of dentistry in Germany as an independent profession in inseparable connection with the political development of the country in the late XIX — early XX century. The methodological basis of the research is historicism, consistency and objectivity.

As a result of the research, the author came to the following conclusions. Before becoming a profession and acquiring academic status, dentistry developed at the level of private practices, which not only recorded the growing demand for special medical services, but also consistently formed an idea of the social significance of those who were engaged in it. But as soon as the process of professionalization started, dentistry began to need political

support that would legitimize and formalize its new status. Dentistry in Germany turned to modern political trends, which in the late XIX — early XX century were inextricably linked with nationalism, as well as those conservative-monarchical elites who had power in the Reich.

Dentists in Germany sought to influence political decision-making in the interests of the profession both through collective self-organization and through their own publishing bodies, and through the manifestation of private initiatives corresponding to individual political preferences and positions. At the same time, some dentists were carried away by nationalist and anti-Semitic ideas, which led them to the Pan-German League, which professed an extreme right-wing ideology.

Keywords: medicine, politics, nationalism, dentistry, Pan-German League, professionalization, political orientations of dentists in the German Empire, racial hygiene, agitation, professional competition

For citation: Turygin, A. A. (2022), ‘German medicine, dentists and Pan-germanism’, *Intelligentsia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 4: 25—43 (in Russ.).

Введение

Актуальность. Связь между медициной и политикой представляет собой одну из ключевых тем относительно недавно сформировавшейся истории медицины. Междисциплинарная открытость и широкие границы за несколько десятилетий превратили историю медицины в перспективное исследовательское поле, в котором стали активно применяться теории и подходы современной антропологии, демографии, психологии или лингвистики. На примере дискурса колониализма история медицины продемонстрировала возможности для понимания новых контекстов исторического развития общества, выйдя за рамки традиционного восприятия медицины как науки и главной задачи ее истории — накопления медицинского знания. Она предложила новый взгляд на легитимацию отношений господства и формирование спектра идентичностей профессиональных медицинских сообществ.

Историография вопроса. Вопросы, ставшие актуальными благодаря научным исследованиям по истории медицины, в немецкой историографической традиции подробно освещены

в трудах Уты Фреверт [Frevort, 1987], Герты Гёккеньян [Göckenjan, 1985], Альфонса Лабиша [Labisch, 1992] и Пауля Вайндлинга [Weindling, 1989]. Несмотря на различия в деталях, упомянутых авторов объединяет одна общая точка зрения, которая предполагает связь медицины, а точнее, медицинской профессионализации с политическими процессами. В более широком смысле эта связь представляет ориентир в изучении немецкой истории от наполеоновских войн до Первой мировой войны. Наиболее очевидной она становится при изучении политических предпочтений врачей, в которых отчетливо проявились потребности в институализации новых отраслей немецкой медицины. С этой точки зрения интерес представляет исследование профессиональной медицинской коммуникации Тобиаса Вайднера [Weidner, 2012], являющееся частью проекта историков Билефельдского университета «Политическое как коммуникативное пространство».

Изучение политических ориентаций немецких стоматологов в конце XIX — начале XX в. представляет собой относительно новое проблемное поле, находящееся в тени более масштабных проектов о связях врачей с национал-социализмом. Их частью стал проект «Стоматология и стоматологи при национал-социализме» (2017—2020), который возглавил доктор Маттиас Кришель из университета Дюссельдорфа. Несмотря на глубокую проработку вопроса о связи стоматологов с национал-социализмом, проект практически полностью упускает важный эпизод в истории становления немецкой стоматологии рубежа XIX — начала XX в. Именно тогда были сделаны шаги в сторону профессионализации этой области медицины. Стоматология тогда рассматривалась вне медицины. Стоматологическую помощь в основном оказывали дантисты с ремесленным и техническим образованием, как правило, не имевшие медицинского образования, или реже хирурги общей практики. Большинство людей зависели от непрофессиональных умельцев, которые часто предлагали свои услуги на ярмарках и рынках. Научное понимание стоматологии было связано с появлением зубных инфекций, приводивших к проблемам со здоровьем. Это актуализировало необходимость получения специального медицинского образования, в том числе высшего, связанного с научной стоматологией.

Поскольку вопрос о специальном образовании был тесно связан с политикой, от немецких врачей потребовалось немалое количество усилий в области политической коммуникации и участия в деятельности политических партий.

Постановка вопроса. В данной статье сделана попытка, опираясь на источники и довольно немногочисленные труды историков (Доминик Гросс [Groß, 1994], Мартина Вальтер [Walther, 1988], Райнер Херинг [Hering, 2003]), показать становление в Германии стоматологии как самостоятельной профессии в неразрывной связи с политическим развитием страны в конце XIX — начале XX в.

Представляя собой довольно узкую профессиональную группу участников Пангерманского союза в 1914—1918 гг., стоматологи оказались во власти больших социальных, экономических и политических изменений, происходящих на фоне войны и после её завершения. Опасения утраты независимости и статуса профессии в связи с высокой конкуренцией со стороны дантистов, не имевших специального медицинского образования, но предлагавших населению дешёвые услуги, стали лейтмотивом политической активности стоматологов. Эти опасения усиливались в связи с активизацией деятельности государственных компаний медицинского страхования, которые намеревались получить прибыль, выполняя посреднические обязательства между населением и стоматологами, находящимися на государственной службе.

В связи с такой постановкой проблемы, мы выделяем следующие исследовательские задачи:

— сформулировать главные мотивы вступления стоматологов в Пангерманский союз, представлявший одно из самых громких и влиятельных агитационных объединений накануне и в годы Первой мировой войны (его программа была экспансионистской, милитаристской, националистической и определялась расистскими и антисемитскими стереотипами мышления);

— рассмотреть и проанализировать на основании воспоминаний немецких стоматологов (Иды Фройденхайм, Ханса Флиге, Рихарда Айнхауэра, Фридриха Крона и др.) мотивы их участия в политической жизни, а также в какой степени непосредственная социальная среда влияла на размах и спектр их деятельности;

— выявить формы общественно-политической активности стоматологов, определявшиеся целями и задачами Пангерманского союза.

Методология и методы исследования

Методологическую основу исследования составили историзм, системность и объективность при обосновании тенденций общественно-исторического развития Германии, интеллектуальной и политической атмосферы, в которой происходило становление немецкой стоматологии.

Теоретико-методологическая основа исследования учитывает специфику предмета исследования, который позволяет сочетать междисциплинарную проблематику и интеллектуальную историю.

Основная часть

На вторую половину XIX в. приходится становление в Германии профессиональной стоматологии. За это время из категории «искусства» с неакадемической подготовкой специалистов, их низким социальным статусом и ограниченным спросом на специальные медицинские услуги, стоматология утверждается в качестве профессии, вопреки существующей конкуренции со стороны хирургов общей практики или фармакологов. В 1869 г. на территории Северогерманского союза были введены общие Правила стоматологического осмотра, а спустя два года после образования Германской империи практикующим стоматологам был открыт доступ к специальному университетскому обучению [Groß, 1994: 211]. Предпосылкой для получения государственной лицензии на осуществление стоматологической практики становятся двухлетний университетский курс и подтверждение опыта стоматологической работы. Институты и специальные стоматологические отделения первыми открываются в университетах Берлина в 1884 г., Фрейбурга и Карлсруэ в 1900 г.

О значимости новой профессии и укреплении социального статуса стоматологов красноречивее всего высказался Карл Зауэр (1835—1892), выступавший за повышение стандартов стоматологической подготовки и постепенный подход к академизму. На ежегодном собрании Центральной ассоциации немецких

стоматологов в Бремене в 1879 г. он представил результаты опросов неспециалистов, занимающихся стоматологическим лечением и вынужденных совмещать свою практику с основной профессией. К числу таких «основных профессий» в порядке уменьшения популярности были отнесены: цирюльник, парикмахер, трактирщик, путешественник по Китаю, ювелир, дочь парикмахера, помощник художника, продавец книг, администратор больницы, клерк районного суда, актер, ветеринар, подмастерье токаря, трубочист, хирург, вдова актера, оперный певец и инвалид [Groß, 2016: 96]. К этому времени Зауэр уже был решительным сторонником профессионализации стоматологии, способствуя повышению квалификации дантистов, имевших лицензию просто лечить зубы [Groß, 2017: 44—47]. Стоматология должна была расширить возможности врачей, став самостоятельной «отраслью медицины и областью знаний, специализирующейся на лечении всей полости рта» (Определение «стоматологии», ставшее общепризнанным, было дано венгерским врачом Иосифом Аркови в работе «Диагностика стоматологических заболеваний» в 1885 г.) [Huszár, 1971: 313].

Профессионализации стоматологии предшествовала активная борьба за академическое равенство. Она была связана с господствовавшим ранее представлением о стоматологии как особом виде «искусства». Это означало, что обучаться стоматологии можно было только на философском факультете, окончание которого давало возможность получить степень «доктора философии» (*Doctor philosophiae*), но, разумеется, только при изменении объекта исследования, соответствующего общему профилю [Groß, 2006: 78].

Под влиянием студенческих протестов и при участии *Центральной ассоциации немецких стоматологов* 17 августа 1909 г. специальность «стоматология» была переведена с философского факультета на медицинский, что, казалось бы, сделало получение докторской степени вполне возможным [Grzelkowski, 1998: 45]. Однако теперь проблема состояла в том, что на медицинских факультетах отказывались признавать стоматологию в качестве отдельной науки, закрепив за ней статус специальной медицинской практики. Центральной ассоциации немецких стоматологов и ее президенту Отто Валькхофу (1860—1934) пришлось побороться

за право присуждать научные степени «доктора стоматологии» (*Doctor medicinae dentariae*) вместо «доктора зубной хирургии» (*Doctor chirurgiae dentariae*). Вопрос о научных степенях был решен в 1918 г., а уже в 1919 г. состоялись первые защиты научных диссертаций по стоматологии. 23 января 1923 г. министерский указ предоставил стоматологам доступ к процессу абилитации. Итогом становится возросшая популярность стоматологии. Если в 1920 г. в Германии было зарегистрировано 4459 стоматологов, то в 1925 г. их число выросло до 9137 человек [Groß, 2006: 83]. Таким образом, стоматология наконец-то была признана полноценной научной дисциплиной.

Стремление закрепить приобретенный с таким трудом научный статус стоматологии привело к увеличению количества защищенных диссертаций. В них, как показывает исследование Керстин Мевальд, главным образом делалась попытка научного обоснования экспериментальной практики с применением современных инновационных технологий (изобретение бормашины Моррисона с ножным приводом (1871), технология использования антисептики с фенолом Витцеля (1874), теория Миллера об этиологии кариеса (1882), открытие и применение рентгена (1895), разработки в области пломбирования зубов, конструкций зубных протезов, электродвигателя для бормашины (1911) и др.) [Mewald, 2012]. Причем в отличие от исследований по хирургии или фармакологии, участниками медицинских экспериментов становились в первую очередь люди, а не животные (это объяснялось специфическим устройством черепа и полости рта человека).

Если посмотреть на распределение присвоенных докторских степеней, можно увидеть, что на клинические исследования приходилось 50 % всех докторских степеней, 28 % были экспериментальными исследованиями и 20 % были основаны на анализе специальной литературы. Доля экспериментов на животных была самой низкой среди остальных медицинских наук — 2 % [Ibid.: 55]. Темы первых научных диссертаций по стоматологии были разнообразны, так как охватывали все области медицины. Хотя это и наносило ущерб самой стоматологии, тематика исследований оставалась тесно связанной с научным прогрессом того времени: «Аномалии зубов у психически неполноценных» (Вальтер Ноймеркер, 1920), «Сравнительные исследования

состояния черепа и зубных рядов» (Ханс Хельго Риге, 1921), *«Историко-критическое изложение патологии и терапии чувствительного дентина на основе новейшей немецкой литературы»* (Юлиус Тугендрайх, 1921), *«Отношения размеров зубов в нормальном и аномальном черепах»* (Элиас Бём, 1922), *«Зубы Новой Померании. Вклад в антропологию Новой Померании и одонтографию человеческих рас»* (Отто Янцер, 1922), *«О связи психических дефектов и аномалий в полости рта»* (Отто Штарклоф, 1922), *«О лечении зубов у первобытных народов»* (Мартин Веге, 1923) [Ibid.: 79—85] и др.

Успеху стоматологии сопутствовал подъем расовой гигиены, с которой, по крайней мере, в первых научных диссертациях, обнаружались общие точки соприкосновения.

До того как стать «политическим проектом национал-социализма по очищению народного тела от нежелательных групп населения» [Harten, Neirich, Schwerendt, 2006: 4], расовая гигиена становится популярным исследовательским направлением, аккумулируя разрозненные гипотезы из области евгеники (о мерах социальной политики и политики в области здравоохранения, направленных на укрепление наследственного здоровья и подавление наследственных заболеваний), социал-дарвинизма (оправдание законом естественного отбора существования физически способного человека по отношению к более слабому), расовой антропологии (обоснование паталогических и непаталогических фенотипов человеческих рас) и фолькшистских учений (о связи всех немцев узами кровного, духовного и культурно-исторического родства).

Под влиянием расовой гигиены австрийский химик Франц Хайзер (1871—1945), активно печатавшийся в немецкой прессе, развивал в 1906 г. мысль о связи здоровья с политическими успехами: «Перенапряжение предпринимательства настолько обессилило американца, что сегодня он столкнулся с банкротством своей жизненной силы; он должен запретить употребление алкоголя и сладостей, подобных успокаивающему яду, собрать армию дантистов, чтобы остановить выпадение зубов, что, по мнению доктора А. Харпфа, является верным признаком дегенерации» [Jung, 2000: 115]. Адольф Харпф писал: «Белых в Северной Америке поглощает не что иное, как беспокойство и поспешность жизни,

которые переросли в чрезмерную энергию с их преждевременным истощением сил, истощением жизни в молодом возрасте, которое затем проявится у следующего поколения как общее расовое вырождение. Его самой явной внешней характеристикой является ухудшение зубов <...> Кариес белых североамериканцев, который в течение долгого времени способствовал развитию стоматологической технологии в Северной Америке, которая шла в ногу с культурным вырождением расы и, как следствие, потребностью во врачах во все времена» [Harpf, 1914: 10].

Интерес стоматологов к теориям расовой гигиены открыл им дорогу в Пангерманский союз, программные документы которого были связаны с защитой и сохранением здоровья немцев¹. По мнению лидера Пангерманского союза Генриха Класса (1868—1953), величие немецкого народа напрямую «зависело от гарантий физического и нравственного здоровья на все времена» [Claß, 1917: 12].

За период с 1914 по 1921 г. врачи разных специализаций составляли от 6 до 9 % членов Пангерманского союза [Hofmeister, 2012: 77]. Помимо таких известных представителей профессии, как бактериолог Макс фон Грубер (1853—1927), физиолог Адольф Фик (1829—1901), патолог Отто Любарш (1860—1933), врач-антрополог Людвиг Вилсер (1850—1923), членами Пангерманского союза были стоматологи, имевшие ученые степени: Ханс Флиге (1890—1976), Рихард Айнхауэр (1885—1941), Фридрих Крон (1879—1965) и др.

Мартина Вальтер убедительно доказывает в своем исследовании, что в связи с развитием расовой гигиены врачи в целом проявляли сильную симпатию к Пангерманскому союзу [Walther, 1988]. Для стоматологов, увлекшихся расовой гигиеной, мотивы вступления в Пангерманский союз были связаны с военной риторикой, активно развиваемой его лидерами. Это было продиктовано, *во-первых*, популярностью самой расовой гигиены, которая строилась на теориях естественного отбора. Следуя им, война могла очистить немецкое общество от слабых и неполноценных членов. Этот активно развиваемый военной пропагандой тезис

¹ Alldeutsche Blätter. 23. Jahrgang. № 37. 1913 // Mitteilungen des Allgemeinen Deutschen Verbandes. 1902. 01.01. — 1917. 29.12. S. 299.

оспорила Сюзанна Михль, недавнее исследование которой показало, что уже в ходе Первой мировой войны некоторые врачи разочаровались в собственных взглядах, так как «избирательный эффект войны оказался обратным — уничтожены были не самые слабые (они остались дома!), а самые здоровые, смелые и лучшие» [Michl, 2007: 62].

Во-вторых, война способствовала подъему экспериментальной стоматологии. Конечно, особые требования, предъявляемые войной к медицине, привели к дальнейшему развитию широкого спектра медицинских процедур и исследований, например, переливания крови, протезирования, пластической хирургии, а также исследований воздействия на здоровье газа или инфекций. Война, понимаемая как «широкомасштабный эксперимент», позволила врачам расширить эмпирическую базу своих научных исследований. Пангермански ориентированный Карл Мензе (1861—1938) писал, что «на наших глазах происходит величайший эксперимент, который может придумать воображение. Люди из самых разных зон сталкиваются друг с другом, живут и борются в самых неблагоприятных гигиенических условиях. Народы земного шара проводят такой масштабный эпидемиологический эксперимент, о котором даже и не снилось тем, кто когда-либо практиковал серьезное эпидемиологическое исследование» [Eckart, Gradmann, 1998: 206; Mense, 1915: 1]. Берлинский врач Вильгельм Хофман, редактор одного из выпусков журнала «*Медицинский опыт во время мировой войны*», отметил значимость «военного эксперимента» для медицины: «Новые открытия ранее неизвестных инфекционных агентов повысили значимость немецких исследований» [Die deutschen Ärzte..., 1920: 127].

Специфической чертой молодой и самостоятельной стоматологии была связь эксперимента с конкретным человеком. Если инновации хирургии или фармакологии преимущественно связывались с предварительными экспериментами на животных, то из-за своеобразия устройства костей черепа у человека, открытия стоматологии можно было сделать только с помощью эксперимента, проводимого на людях. Ввиду того, что одним из самых распространенных увечий войны оказались челюстно-лицевые травмы («сломанные рты»), с началом боевых действий во многих больницах стоматологов оказалось больше, чем планировалось

изначально. Так, в одной из больниц Страсбурга в 1914 г. было зарегистрировано 11 стоматологов и 11 зубных техников. За один год, с августа 1914 г. по август 1915 г., стоматологи больницы Бреслау вылечили более 10000 пациентов на 40000 встреч. Было выполнено 10554 экстракции (удалений) и поставлено 7604 пломб. Стоматологам даже было предписано умерить свой пыл по той причине, что после операций солдат мог отправиться на поправку домой, когда в нем существовала потребность на фронте [Hesse, Lapaга, 2004: 91, 93].

В-третьих, не менее важным мотивом, побуждающим стоматологов присоединиться к Пангерманскому союзу, являлась возможная публикационная и агитационная поддержка пытающейся профессионально самоутвердиться научной отрасли. Причиной стали, в первую очередь, оживленные дискуссии среди врачей по поводу правительственных мер, связанных с обеспечением медицинского страхования. В 1883 г. при канцлере Отто фон Бисмарке (1815—1898) в Германской империи было введено обязательное страхование. Этот глава правительства хотел улучшить положение рабочих, хитроумно выводя их из-под влияния социал-демократической агитации, и стремясь привязать их ближе к монархически-консервативному государству. Постепенно ориентированное на рабочих и служащих с низкими доходами обязательное медицинское страхование стало расширяться, охватывая всё большие слои населения. Впоследствии это привело к конфликту с врачами и первым крупным забастовкам (1913, 1923 гг.). Причиной сопротивления врачей были практически монопольные права, предоставленные правительством медицинским страховым компаниям, с которыми немцы напрямую заключали соответствующие договоры, в обход профессиональных медицинских ассоциаций и профессиональных объединений. В результате частых инфляций медицинские страховые компании неоднократно сталкивались с трудностями при оплате врачам, отчасти потому что сами они получали взносы работодателей ежеквартально и, следовательно, без учета уровня инфляции. По этой причине медицинские работники угрожали забастовками, поскольку тоже страдали от последствий инфляции, особенно когда их коллеги занимались независимой практикой.

Предметом особых дискуссий с участием стоматологов стала разработка нового правительственного проекта страхового кодекса (*Reichsversicherungsordnung*). Он был принят 19 июля 1911 г., вступив в силу 1 января 1912 г. Камнем преткновения для стоматологов был 123-й параграф, который позволял застрахованным лечиться не только у стоматологов, но и у зубных техников [Groß, 1994: 291]. Зубные техники получили лицензию на лечение пациентов, не имея при этом законченного университетского образования. Их услуги обычно были на 10—15 % дешевле услуг стоматологов. Конечно, стоматологи протестовали против этого параграфа, который фактически уравнивал их с зубными техниками.

В-четвертых, Пангерманский союз активно развивал антисемитскую пропаганду («Мы боремся с евреями, — писал пангерманец Карл Вольф, — когда они притворяются немцами» [Namann, 1996: 29]). Эта проблема интересовала этнически немецких врачей потому, что они на фоне утверждения стоматологии в качестве молодой науки, оказались в условиях высокой конкуренции с еврейскими дантистами.

С открытием немецких университетов для еврейских студентов в XVIII в. число еврейских врачей в Германии резко возросло. Только в Пруссии в конце 1880-х гг. их количество увеличилось до 59 % от общей численности врачей [Jütte, 2014: 13]. Если для еврейских студентов светское образование в целом и степень в области медицины в частности считались входным билетом в гражданское общество, открывало возможности для социального признания и продвижения, то для этнических немцев это оборачивалось высокими баллами на вступительных экзаменах. В конце XIX в. еврейскими врачами были сделаны значительные научные открытия, превратив их в первопроходцев во многих областях медицины. Такие открытия делались чаще всего в частных еврейских клиниках.

Несмотря на эти достижения и юридическое равенство, имевшее место после 1871 г., в немецком обществе сохранялась скрытая враждебность к евреям. Помимо традиционного христианского антииудаизма, в конце XIX в. возник агрессивный расовый антисемитизм, который также был направлен против «иудаизации» медицинской профессии.

На фоне роста популярности стоматологии предметом критики дипломированных специалистов и этнических немцев становятся частные практики еврейских дантистов и клиники еврейских зубных техников [Maretzky, Venter, 1974: 146]. Как правило, они получали лицензии и начинали работать не в государственных больницах, а на себя, имея возможность самостоятельно влиять на ценовую политику. Заработная плата работников государственных медицинских учреждений по закону 1911 г. определялась с учетом политики медицинских страховых компаний.

Заключение

С точки зрения этики представители любой профессии должны стремиться к тому, чтобы постоянно отражать и пересматривать свое положение и значимость в обществе. До того как стать профессией и приобрести академический статус, стоматология развивалась на уровне частной практики, которая не только фиксировала растущий спрос на специальные медицинские услуги, но и последовательно формировала представление о социальной значимости тех, кто ею занимался. Но как только начинается процесс профессионализации, стоматология начинает остро нуждаться в политической поддержке, которая бы позволила легитимировать и официально закрепить ее новый статус. На этом пути, как показывает история профессии, часто возникали сложности, иногда переходящие в конфликты. Чтобы оказаться в политическом фокусе, немецкие стоматологи обратились к современным политическим трендам, которые в конце XIX — начале XX в. оказались неразрывно связаны с национализмом, а также теми консервативно-монархическими элитами, которые обладали властью в рейхе. Примером того, как стоматологи пытались стать частью политики рейха, является переписка доктора Густава Гессе (1876—1945) из Йены с ведомством о национализации стоматологического института в 1919 г. Показательно, что инициатива исходила от самих ученых, стремящихся решить финансовые и социальные проблемы института с помощью политиков.

Влияния на принятие политических решений в интересах профессии стоматологи добивались как посредством коллективной самоорганизации, объединившись, например, в «Немецкое

общество ортодонтии» и «Генеральную ассоциацию немецких стоматологов» (“*Deutsche Gesellschaft für Orthodontie*”, “*Centralverein deutscher Zahnärzte*”), или через собственные публикационные органы: «Журнал для стоматологов» и «Стоматологический еженедельник» (“*Korrespondenzblatt für Zahnärzte*”, “*Zahnärztliches Wochenblatt*”), так и проявлением частных инициатив, соответствующих индивидуальным политическим предпочтениям и позициям. Результатом активного участия стоматологов в политике становится принятие ряда законов, регулирующих новый статус профессии в обществе и академической среде, в частности. Эти законы открыли доступ к профессии для женщин, совпав с прогрессивным движением женщин за равноправие с мужчинами. Ида Фрейденайм, одна из первых женщин в профессии, написала об этом соответствующее эссе «Женщина-стоматолог» [Freudenheim, 1904: 4].

Некоторые стоматологи не смогли не поддаться искушению увлечься актуальными для их времени трендами, как произошло с расовой гигиеной. На этом поприще стоматологи становятся активными членами Пангерманского союза. Их мотивы варьировались от возможностей использования широкой агитационной сети печатных изданий, которыми располагал Пангерманский союз, до желания преодолеть конкуренцию в профессии со стороны частных практик еврейских врачей-дантистов.

Список источников

- Claß H.* Zum deutschen Kriegsziel. Eine Flugschrift. München: J. F. Lehmann, 1917. 80 S.
- Die deutschen Ärzte im Weltkriege: Ihre Leistungen und Erfahrungen / Hrsg. von W. Hoffmann. Berlin: E. S. Mittler und Sohn, 1920. S. 97—181.
- Eckart W. U., Gradmann C.* Medizin im Ersten Weltkrieg // Der Tod als Maschinist — Der industrialisierte Krieg 1914—1918 / Hrsg. von R. Spilker u. B. Ulrich. Osnabrück; Bramsche: Rasch Verlag, 1998. S. 203—215.
- Freudenheim I.* Die Zahnärztin. Aussichten, Leistungen und Forderungen in diesem Beruf. Leipzig: Bange's Verlag, 1904. 45 S.

- Frevert U.* Geteilte Geschichte der Gesundheit. Zum Stand der historischen Erforschung der Medizin in Deutschland, England und Frankreich // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 28 Januar 1987.
- Göckenjan G.* Kurieren und Staat machen. Gesundheit und Medizin in der bürgerlichen Welt. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1985. 435 S.
- Groß D.* Beiträge zur Geschichte und Ethik der Zahnheilkunde. Würzburg: Verlag Königshausen und Neumann, 2006. 324 S.
- Groß D.* Carl Sauer — Widersacher der Dentisten // Zahnärztliche Mitteilungen. 2017. № 107. S. 44—47.
- Groß D.* Die Entwicklung des Zahnarztberufs. Genese des zahnärztlichen Verbandswesens // Zahnärztliche Mitteilungen. 2016. № 106. S. 94—100.
- Groß D.* Die schwierige Professionalisierung der deutschen Zahnärzteschaft (1867—1919). Europäische Hochschulschriften. Geschichte und ihre Hilfswissenschaften. Bd. 609. Frankfurt am Main: Verlag Peter Lang, 1994. 515 S.
- Grzelkowski E.* Carl Friedrich Ferdinand Busch (1844—1916) — der erste Direktor des Zahnärztlichen Institutes der Friedrich-Wilhelms-Universität zu Berlin: Ph. D. (Medicine) Thesis. Berlin: Humboldt-Universität, 1998. 154 S.
- Hamann B.* Hitlers Wien. Lehrjahre eines Diktators. München; Zurich: Piper Verlag, 1996. 642 S.
- Harpf A.* Amerika und die Religion der Zukunft. Kulturvergleichende Fernsichten. Graz: Verlag der k. k. Universitätsbuchhandlung Leuschner und Lubensky, 1914. 175 S.
- Harten H. C., Neirich U., Schwerendt M.* Rassenhygiene als Erziehungsideo- logie im Dritten Reich. B.: Akademie Verlag, 2006. 546 S.
- Hering R.* Konstruierte Nation. Der Alldeutsche Verband 1890 bis 1939. Hamburg: Hans Christian Verlag, 2003. 600 S.
- Hesse P., Laparra J-C.* Les chemins de la souffrance. Le service de santé allemande, Saint-Mihiel, Hauts de Meuse, Woëvre, Metz, 1914—1918. Louviers: Ysec, 2004. 281 p.
- Hofmeister B.* Between Monarchy and Dictatorship: Radical Nationalism and Social Mobilization of the Pan-German League, 1914—1939: Ph. D. (History) Thesis. Washington, DC, 2012. 568 p.
- Huszár G.* Die internationale Bedeutung der Budapester zahnärztlichen Schule // Orvostorteneti kozlemenyek. 1971. № 57—59. S. 311—318.
- Jung W.* Ideologische Voraussetzungen, Inhalte und Ziele außenpolitischer Programmatik und Propaganda in der deutschvölkischen Bewegung der Anfangsjahre der Weimarer Republik — Das Beispiel

- Deutschvölkischer Schutz und Trutzbund: Ph. D. (Philosophy) Thesis. Göttingen, 2000. 473 S.
- Jütte R.* Medizin und Judentum. Historische Grundzüge // Jüdische Ärztinnen und Ärzte im Nationalsozialismus. Entrechtung, Vertreibung, Ermordung / Hrsg. von T. Beddies, S. Doetz, Ch. Kopke. B.; Boston: De Gruyter Oldenbourg, 2014. S. 6—15.
- Labisch A.* Homo Hygienicus. Gesundheit und Medizin in der Neuzeit. Frankfurt am Main; N. Y.: Campus Verlag, 1992. 340 S.
- Maretsky K., Venter R.* Geschichte des deutschen Zahnärzte-Standes. Köln: Bundesverband der Deutschen Zahnärzte, 1974. 294 S.
- Mense C.* Zum neuen Jahre // Archiv für Schiffs- und Tropen-Hygiene. Bd. 19. 1915. S. 1.
- Mewald K.* Die Dissertationen der Zahnärzte an der Medizinischen Fakultät Jena im Zeitraum 1919—1945: Ph. D. (Medicine, dent.) Thesis. Leipzig, 2012. 132 S.
- Michl S.* Im Dienste des Volkskörpers. Deutsche und französische Ärzte im Ersten Weltkrieg // Kritische Studien zur Geschichtswissenschaft. Bd. 177. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2007. 307 S.
- Walther M.* Ärzte und Zahnärzte im Alldeutschen Verband und in dessen Tochterorganisationen (1890—1939): D. S. (Dental Surgery) Thesis. Mainz, 1988. 120 S.
- Weidner T.* Die unpolitische Profession. Deutsche Mediziner im langen 19. Jahrhundert. Frankfurt am Main: Campus Verlag, 2012. 447 S.
- Weindling P.* Health, race and German politics between national unification and Nazism, 1870—1945. Cambridge: University Press, 1989. 660 p.

References

- Claß, H. (1917), *Zum deutschen Kriegsziel. Eine Flugschrift*, J. F. Lehmann, München, Germany.
- Eckart, W. U. and Gradmann, C. (1998), 'Medizin im Ersten Weltkrieg', in Spilker, R. and Ulrich, B. (Hrsg.), *Der Tod als Maschinist — Der industrialisierte Krieg 1914—1918*, Rasch Verlag, Osnabrück; Bramsche: 203—215.
- Freudenheim, I. (1904), *Die Zahnärztin. Aussichten, Leistungen und Forderungen in diesem Beruf*, Bange's Verlag, Leipzig, Germany.
- Frevort, U. (1987), 'Geteilte Geschichte der Gesundheit. Zum Stand der historischen Erforschung der Medizin in Deutschland, England und Frankreich', *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, 28 Januar, Germany.

- Göckenjan, G. (1985), *Kurieren und Staat machen. Gesundheit und Medizin in der bürgerlichen Welt*, Suhrkamp Verlag, Frankfurt am Main, Germany.
- Groß, D. (2006), *Beiträge zur Geschichte und Ethik der Zahnheilkunde*, Verlag Königshausen und Neumann, Würzburg, Germany.
- Groß, D. (2017), ‘Carl Sauer — Widersacher der Dentisten’, *Zahnärztliche Mitteilungen*, Nr. 107: 44—47.
- Groß, D. (2016), ‘Die Entwicklung des Zahnarztberufs. Genese des zahnärztlichen Verbandswesens’, *Zahnärztliche Mitteilungen*, Nr. 106: 94—100.
- Groß, D. (1994), *Die schwierige Professionalisierung der deutschen Zahnärzteschaft (1867—1919). Europäische Hochschulschriften. Geschichte und ihre Hilfswissenschaften*, Bd. 609, Verlag Peter Lang, Frankfurt am Main, Germany.
- Grzelkowski, E. (1998), *Carl Friedrich Ferdinand Busch (1844—1916) — der erste Direktor des Zahnärztlichen Institutes der Friedrich-Wilhelms-Universität zu Berlin*, Ph. D. (Medicine) Thesis, Humboldt-Universität, Berlin, Germany.
- Hamann, B. (1996), *Hitlers Wien. Lehrjahre eines Diktators*, Piper Verlag, München, Zurich, Germany, Switzerland.
- Harpf, A. (1914), *Amerika und die Religion der Zukunft. Kulturvergleichende Fernsichten*, Verlag der k. k. Universitätsbuchhandlung Leuschner und Lubensky, Graz, Austria.
- Harten, H. C., Neirich, U. and Schwerendt, M. (2006), *Rassenhygiene als Erziehungsideologie im Dritten Reich*, Akademie Verlag, Berlin, Germany.
- Hering, R. (2003), *Konstruierte Nation. Der Alldeutsche Verband 1890 bis 1939*, Hans Christian Verlag, Hamburg, Germany.
- Hesse, P. and Laparra, J-C. (2004), *Les chemins de la souffrance. Le service de santé allemande, Saint-Mihiel, Hauts de Meuse, Woëvre, Metz, 1914—1918*, Ysec, Louviers, France.
- Hoffmann, W. (ed.) (1920), *Die deutschen Ärzte im Weltkrieg: Ihre Leistungen und Erfahrungen*, Ernst Siegfried Mittler und Sohn, Berlin: 97—181, Germany.
- Hofmeister, B. (2012), *Between Monarchy and Dictatorship: Radical Nationalism and Social Mobilization of the Pan-German League, 1914—1939*, Ph. D. (History) Thesis, Washington, DC, USA.
- Huszár, G. (1971), ‘Die internationale Bedeutung der Budapester zahnärztlichen Schule’, *Orvostorteneti kozlemenyek*, Nr. 57—59: 311—318.
- Jung, W. (2000), *Ideologische Voraussetzungen, Inhalte und Ziele außenpolitischer Programmatik und Propaganda in der deutschvölkischen Bewegung der Anfangsjahre der Weimarer Republik — Das Beispiel Deutschvölkischer Schutz — und Trutzbund*, Ph. D. (Philosophy) Thesis, Göttingen, Germany.

- Jütte, R. (2014), 'Medizin und Judentum. Historische Grundzüge', in Beddies, T., Doetz, S. and Kopke, Ch. (Hrsg.), *Jüdische Ärztinnen und Ärzte im Nationalsozialismus*, De Gruyter Oldenbourg, Berlin, Boston, Germany, USA: 6—15.
- Labisch, A. (1992), *Homo Hygienicus. Gesundheit und Medizin in der Neuzeit*, Campus Verlag, Frankfurt am Main, N. Y., Germany, USA.
- Maretzky, K. and Venter, R. (1974), *Geschichte des deutschen Zahnärztle-Standes*, Bundesverband der Deutschen Zahnärzte, Köln, Germany.
- Mense, C. (1915), 'Zum neuen Jahre', *Archiv für Schiffs und Tropen-Hygiene*, Bd. 19: 1.
- Mewald, K. (2012), *Die Dissertationen der Zahnärzte an der Medizinischen Fakultät Jena im Zeitraum 1919—1945*, Ph. Dr. (Medicine, dent.) Thesis, Leipzig, Germany.
- Michl, S. (2007), 'Im Dienste des Volkskörpers. Deutsche und französische Ärzte im Ersten Weltkrieg', *Kritische Studien zur Geschichtswissenschaft*, Bd. 177, Vandenhoeck & Ruprecht, Göttingen, Germany.
- Walther, M. (1988), *Ärzte und Zahnärzte im Alldeutschen Verband und in dessen Tochterorganisationen (1890—1939)*, D. Sc. (Dental Surgery) Thesis, Mainz, Germany.
- Weidner, T. (2012), *Die unpolitische Profession. Deutsche Mediziner im langen 19. Jahrhundert*, Campus Verlag, Frankfurt am Main, Germany.
- Weindling, P. (1989), *Health, race and German politics between national unification and Nazism, 1870—1945*, University Press, Cambridge, UK.

Статья поступила в редакцию 25.02.2022; одобрена после рецензирования 21.03.2022; принята к публикации 23.03.2022.

The article was submitted 25.02.2022; approved after reviewing 21.03.2022; accepted for publication 23.03.2022.

Информация об авторе / Information about the author

A. A. Турыгин — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории, Институт гуманитарных наук и социальных технологий, Костромской государственной университет, Россия.

A. A. Turygin — Candidate of Science (History), Associate Professor, Associate Professor of the Department of History, Institute of Humanities and Social Technologies, Kostroma State University, Russia.

ЛИЧНОСТЬ В ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

PERSONALITY IN THE DISCOURSE OF INTELLIGENTSIA STUDIES

Интеллигенция и мир. 2022. № 4. С. 44—68.

Intelligentsia and the World. 2022. No. 4. P. 44—68.

Научная статья

УДК 930.2(470.11)

DOI: 10.46725/IW.2022.4.3

МЕМУАРЫ КНЯЗЯ В. А. ДРУЦКОГО-СОКОЛИНСКОГО КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ КОСТРОМСКОЙ ЗЕМЛИ

Алексей Вячеславович Зябликов

Костромской государственный университет, Кострома, Россия,
a.zyablikov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2054-0066>

Аннотация. В статье анализируются страницы воспоминаний В. А. Друцкого-Соколинского, посвященные истории и культуре Костромской земли. Уточняются и дополняются биографические сведения об авторе, который в течение шести лет (1907—1913) служил в Костроме в должности советника губернского правления. Выявляются бытовой, этнографический, нравоописательный, биографический и общественно-политический пласты этого источника, рассматриваются основные темы

© Зябликов А. В., 2022

и персоналии, привлекающие внимание автора. Констатируется, что важная особенность воспоминаний В. А. Друцкого-Соколинского заключается в органичном соединении опыта повседневной жизни костромского обывателя с мнением чиновника, хорошо знающего административно-хозяйственные, правовые и общественные реалии губернской жизни. Автор имеет свои политические убеждения, свое мнение о различных аспектах действительности, однако это не делает взгляд мемуариста одномерным и тенденциозным. Отмечаются особенности текста как важного источника для изучения культуры повседневности. Выявляются ценностные и мировоззренческие ориентиры, которые раскрываются в авторских нарративах и отчетливо характеризуют умустрой русского аристократа. Исследуется связь повествовательно-описательной манеры автора с традициями русской словесности. Отмечается несомненный литературный талант автора, который для воссоздания исторической фактуры отдает предпочтение бытовой зарисовке и нравоописательному очерку.

Ключевые слова: мемуарная литература, исторический источник, жизненное пространство, провинция, Кострома, крестьянство, чиновничество, земство, промышленники-старообрядцы

Для цитирования: *Зябликов А. В.* Мемуары князя В. А. Друцкого-Соколинского как источник для изучения истории Костромской земли // Интеллигенция и мир. 2022. № 4. С. 44—68.

Original article

MEMOIRS OF PRINCE V. A. DRUTSKOY-SOKOLINSKY AS A SOURCE FOR STUDYING THE HISTORY OF THE KOSTROMA LAND

Aleksej V. Zyablikov

Kostroma State University, Kostroma, Russia,
a.zyablikov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2054-0066>

The article analyzes the pages of V. A. Drutsky-Sokolinsky's memoirs devoted to the history and culture of the Kostroma land. The biographical information about the author, who for six years (1907—1913) served in Kostroma as an adviser to the provincial government, is being clarified and supplemented. The household, ethnographic, moral, biographical and socio-political

layers of this source are revealed, the main themes and personalities that attract the author's attention are considered. It is stated that an important feature of the memoirs of V. A. Drutsky-Sokolinsky lies in the organic connection of the experience of everyday life of the Kostroma philistine with the opinion of an official who knows well the administrative, economic, legal and social realities of provincial life. The author has his own political beliefs, his own opinion about various aspects of reality, but this does not make the memoirist's view one-dimensional and tendentious. The features of the text as an important source for studying the culture of everyday life are noted. The author identifies the value and ideological guidelines that are revealed in the author's narratives and that clearly characterize the mindset of the Russian aristocrat. The connection of the author's narrative and descriptive manner with the traditions of Russian literature is investigated. The undoubted literary talent of the author, who prefers household sketches and a moral essay to recreate the historical texture, is noted.

Keywords: memoir literature, historical source, living space, province, Kostroma, peasantry, bureaucracy, zemstvo, Old Believer industrialists

For citation: Zyablikov, A. V. (2022), 'Memoirs of Prince V. A. Drutskoy-Sokolinsky as a source for studying the history of the Kostroma land', *Intelligentsia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 4: 44—68 (in Russ.).

Введение

Актуальность. Мемуарная литература — важный источник изучения истории и культуры Костромской земли. Воспоминания Л. А. Колгушкина [Колгушкин, 1992: 21—25], З. Г. Френкеля [Френкель, 2009], А. В. Лаговского [Лаговский, 2015], обращенные к событиям начала XX в., воссоздают костромскую жизнь в ее бытовом, нравоописательном и общественно-политическом измерении. Изысканной художественностью отличаются мемуары Вс. Н. Иванова [Иванов, 1987]. В воспоминаниях бывшего товарища министра внутренних дел В. Ф. Джунковского сановная бесстрастность соединяется с фотографической дотошностью повествователя [Джунковский, 1997]. Особое место в этом ряду свидетельств занимают мемуары князя В. А. Друцкого-Соколинского, изданные тремя томами в Орле в 1994—2000 гг.: «Да благословенна память. Записки русского дворянина (1880—1914)», «На службе Отечеству. Записки русского губернатора

(1914—1918)», «Моя радость и грусть. Записки русского эмигранта (1920—1943)». Внушительная их часть посвящена воспоминаниям о службе в Костроме. Эти свидетельства нуждаются в источниковедческом осмыслении.

Постановка вопроса. Целью исследования является характеристика содержательной основы мемуарного источника, выявление его тематических пластов, основных проблем и персоналий, способов воссоздания автором исторической фактуры; анализ приемов погружения в провинциальную повседневность начала XX столетия.

Методология и методы исследования.

Исследование основывается на диалектическом понимании истории и социокультурных процессов, на общенаучных и общелогических методах познания. Используются биографический, историко-сравнительный, идеографический и ретроспективный методы.

Основная часть

Владимир Андреевич Друцкой-Соколинский родился в Петербурге 5 июля 1880 г. в семье чиновника военного министерства. В 1901 г., окончив Императорское училище правоведения и получив чин титулярного советника, князь начал службу чиновником в министерстве юстиции. В 1903—1905 гг. он служил в переселенческом управлении под началом А. В. Кривошеина. В 1905 г. В. А. Друцкой-Соколинский получил назначение в Привислинский край на должность правителя канцелярии Петроковского губернатора М. В. Арцымовича. После перевода последнего в тульскую губернию князь служил под началом нового петроковского губернатора А. О. Эссена. Служба в Привислинском крае пришлось на непростые годы первой русской революции, и молодой чиновник стал свидетелем забастовок в крупных фабричных центрах Польши, шахтерских волнений, революционного брожения и бомб, бросаемых в полицейские патрули и участки. В мае 1907 г. В. А. Друцкой-Соколинский добился перевода в Кострому, где в должности советника губернского правления прослужил 6 лет. В мае 1913 г. сразу после завершения торжеств, посвященных 300-летию династии Романовых, князь был назначен

вице-губернатором Могилевской губернии. В 1914 г. губерния стала прифронтовой, и на плечи нового вице-губернатора легли многие тяжкие заботы. В Могилеве, где поначалу находилась ставка Верховного главнокомандующего, В. А. Друцкому-Соколинскому довелось общаться с высшими сановниками Империи, в том числе и с императором. Николай II, обративший внимание на честного и расторопного чиновника, в августе 1916 г. назначил его губернатором Минской губернии. Таким образом, 36-летний князь В. А. Друцкой-Соколинский стал самым молодым губернатором в Российской Империи, которая, увы, уже стояла на пороге исторической катастрофы. В марте 1917 г. В. А. Друцкой-Соколинский был отстранен от должности Временным правительством. В мае 1917 г. князь совершает головокружительный карьерный пируэт: минский губернатор, камергер, кавалер орденов Св. Владимира 4-й ст. и Св. Анны 2-й ст. превратился в рядового 2-го запасного тяжелого артиллерийского дивизиона. Потом была служба в Смоленском военно-окружном суде, женитьба на Лидии Николаевне Стош (8 июля 1918 г.), арест Чрезвычайной Комиссией, работа в советском военно-цензурном отделе, переход демаркационной линии в местечке Горяны осенью 1918 г. В годы Гражданской войны В. А. Друцкой-Соколинский стал горячим сторонником Белого движения. В 1920 г., после разгрома белых армий, бывший минский губернатор был вынужден покинуть Родину. Живя в Европе, он написал объемные воспоминания — подробнейшую летопись своей жизни, наполненную интересными фактами и глубокими раздумьями о причинах крушения императорской России. Князь В. А. Друцкой-Соколинский умер в Италии в 1943 г., он так и не увидел свои сочинения напечатанными.

История появления В. А. Друцкого-Соколинского в Костроме такова. Служба в Привислинском крае очень скоро стала в тягость молодому чиновнику. Причиной тому не столько тяжелые общественно-политические обстоятельства, связанные с революционным брожением 1905—1907 гг., сколько духовная оторванность от родной земли. Отправляясь в западные пределы Империи, князь даже не мог предположить, насколько чужим окажется для него жизненный уклад благообразной Польши. В какой-то момент чиновника петроковской губернской канцелярии стало

слегка раздражать всё: и черепичные крыши домов, и теснота городов, даже «химический состав воздуха», даже безбородые вокзальные носильщики. Кстати, русские служащие неохотно ехали в Привислинский край, хотя они получали от государства такие же преференции, как, скажем, те, кто служил в сибирской глухомани. Кроме того, ждавшие их должности были, говоря современным языком, коррупционно привлекательными. В карманах уездных и губернских чиновников оседало огромное количество доходов (естественно, нелегальных!), получаемых за выдачу заграничных паспортов, видов на жительство и различных свидетельств, а также при организации торгов и заключении контрактов с магистратами. В. А. Друцкой-Соколинский признавался, что «болезненное сознание» того, сколь страшен соблазн взятки, сколь просто скомпрометировать здесь свою репутацию, стало одной из главных причин, побудивших искать способ покинуть Царство Польское.

В феврале 1907 г., оказавшись по делам в Петербурге, В. А. Друцкой-Соколинский познакомился с генерал-майором А. П. Веретенниковым, недавно (декабрь 1906 г.) получившим назначение губернатором в Кострому. Вероятно, князь поделился с костромским губернатором своей печалью. А. П. Веретенникову, человеку крайне правых взглядов, не могло не импонировать желание молодого чиновника перебраться в одну из коренных русских губерний. Генерал-майор немедленно предложил ему свою помощь, и 4 мая 1907 г. В. А. Друцкой-Соколинский Высочайшим приказом был назначен советником костромского губернского правления. Князь не скрывал своего восторга по поводу нового назначения, хотя это вызвало явное недовольство петроковского губернатора А. О. Эссена, не желавшего расставаться с толковым и добросовестным помощником. Впрочем, А. О. Эссен в конце концов смирился с решением подчиненного и даже преподнес ему на прощание чиновничий мундир с шитьем V класса. Ирония судьбы заключается в том, что во второй половине XX в. советская Кострома стала побратимом польского Петрокова (Петркува-Трыбунальски), чего, конечно, князь Друцкой-Соколинский предполагать не мог.

28 мая 1907 г. В. А. Друцкой-Соколинский прибыл в Кострому, в которой до этого никогда не был. Князь вспоминает, как в дороге (он добирался ночным поездом из Москвы), его охватило

предвкушение счастья и чуда, которое сулила встреча с лесной северной Русью и красавицей-Волгой. Утром в волнении он смотрел из вагонного окна на редкие, но отличающиеся своею «домовитою зажиточностью» костромские деревни, на ближние к губернскому центру города и поселки — и ощущал нарастающую радость. Вряд ли такое воодушевление при встрече с провинциальным русским городом можно считать каноническим для столичного аристократа. Этот восторг не был поколеблен даже тогда, когда поезд остановился, как показалось новоприбывшему чиновнику, прямо посреди векового березового леса, а вошедший носильщик на недоуменный вопрос: «Что это?» — ответил: «Это, барин, Кострома». В начале XX в. железнодорожный вокзал находился на правом берегу Волги, в Никольской слободе. Спустившись на извозчике к паромной переправе, князь увидел Волгу и раскинувшуюся на ее левом берегу древнюю Кострому: утопающие в зелени дома, белокаменный кремль на городском валу, золотые купола соборов, колокольни. «Могучим спокойствием, — пишет мемуарист, — веет от огромной реки, дремлющей силой и девственно наивной красотой <...>. Дышу полной грудью, вбирая в себя нежную водяную прохладу, обогретую жгучим солнцем, и гляжу, гляжу, не имея сил оторваться от грандиозной картины совершенного творенья Божьего <...>».

Дышу, гляжу — и счастье и радость на сердце... Вот она, Родина моя, моя Россия!» [Друцкой-Соколинский, 1996: 216—217].

Какие же черты определяют своеобразие «Записок русского дворянина» как исторического источника? Во-первых, соединение опыта повседневной жизни костромского обывателя с мнением последнего в губернии чиновника. Во-вторых, наличие нарратива, позволяющего выявить ценностные основания и внутренние личностные установки одного из представителей образованного сословия России. В-третьих, несомненный литературный талант автора, пишущего прозрачно и безыскусно, но при этом, не упуская интересных деталей и сочных подробностей. В-четвертых, открытый, лишенный опустошающей рефлексии и самоцельного обличительства взгляд на жизненные реалии. Мемуариста можно было бы даже заподозрить в некотором прекрасодушии, если бы не вяжущее ощущение искренности и мировоззренческой цельности автора, его порядочности и профессионализма. Мемуары

В. А. Друцкого-Соколинского отличаются высокой степенью интеграции субъекта в описываемое жизненное пространство, искренним уважением и доверием к нему.

Маленькая провинциальная Кострома легко вписывается в стереотипное представление о захолустной дореволюционной России, о купеческом «темном царстве». Образы несчастной Катерины Кабановой, бросающейся с волжского берега, и Ларисы Огудаловой, истекающей кровью, заслоняют в нашем восприятии, скажем, кустодиевскую Волгу, где праздник тела плавно перетекает в праздник души. Пессимизма добавил и В. В. Розанов, чьи слова о дождливом и тоскливом костромском детстве так охотно цитируются сегодня. Но вот свидетельство В. А. Друцкого-Соколинского: «В течение всей моей службы в провинции я нигде не видел кругом себя более веселой и широкой жизни, как в Костроме...» [Там же: 268]. Эта жизнь была «не только не утомительна, не скучна и не мертвяща, но, напротив того, это была действительно жизнь и, притом, интересная и разнообразная, полная впечатлений...» [Там же: 279]. Кострома под пером мемуариста предстает как домовитый, хлебосольный, бесконечно уютный и родной мир. Понятно, что такое настроение отчасти рождено ностальгическими переживаниями мемуариста. Он и сам чувствовал, что изображаемые им картины покрыты «какой-то розовой снисходительностью, ласково улыбающейся нежностью» [Там же: 233], но эта очевидная идеализация совсем не затуманивает и уж тем более не деформирует описываемые явления и события.

Воспоминания В. А. Друцкого-Соколинского фиксируют восприятие различных сторон костромской жизни. Чрезвычайно интересен бытовой срез. В воспоминаниях много ярко прописанных деталей, образующих фон костромского бытия: гостиницы, трактиры, меблировка комнат, сервировка стола, освещение улиц, прислуга, охота. Мы видим пароход «Бычков», который, пыхтя, тащит за собой паром. Мы слышим музыку и запах стеариновых свечей в танцевальной зале, где по офицерам Краснинского и Солигаличского резервных полков ведут прицельный огонь глазки местных барышень.

Повышенное внимание В. А. Друцкой-Соколинский, человек не маленькой комплекции и большой гурман, уделяет гастрономической культуре. Вот описание рядового обеда в ресторане

гостиницы «Кострома», где сослуживцы решили попотчевать вновь прибывшего коллегу эксклюзивными костромскими разносолами: «Тут была и зернистая икра с зеленым луком, и копченая стерлядь, и налим с грибами, и раки, варенные в пиве, и грузди соленые со сметаной, и пирожки с молоками, и редька в сметане, и еще Бог ведает какие прелести. Все было чрезвычайно вкусно, в большинстве ново для меня, а главное, что меня подкупило, это какое-то гостеприимство, не ресторанный угодливость, а именно хозяйское хлебосольство, точно я был в частном доме, точно я не платил за свой завтрак» [Там же: 230]. А уж костромской хлебный квас с хреном князь полюбил навсегда и все годы службы в Костроме предпочитал его любым другим напиткам, включая красное и белое вино. На костромской земле князь впервые отведал знаменитую ястычную икру, которая даже на Волге была редка и дорога. Мы узнаем о застольной традиции замораживать шампанское до полутвердого состояния и о том, что назывался этот неперменный атрибут костромского ужина «шампанское в иголочку» [Друцкой-Соколинский, 2000: 68]. Интерес автора к гастрономической тематике (с неизменно раблезианским размахом) в какой-то момент может показаться назойливым, но простим мемуаристу его маленькую слабость. В конце концов, на Руси всегда любили хорошо покушать.

Примечательно восприятие В. А. Друцким-Соколинским костромских достопримечательностей. Так, памятник Сусанину работы В. И. Демут-Малиновского показался заезжему петербуржцу неудачным, «убогим», однако все же рождающим чувство «умиления» при воспоминании о подвиге крестьянина. Знаменитая пожарная каланча не вызвала у князя никакого умиления, зато здание окружного суда (дом Борщева) названо «прелестным». Этот же эпитет отнесен к шатровой колокольне церкви (видимо, Воскресенской «на площадке», уничтоженной в советское время) в начале Русиной улицы. А вот стоящая рядом водоразборная башня, «идиотская, неуклюжая», пробудила настоящее эстетическое возмущение автора.

Поначалу В. А. Друцкой-Соколинский поселился в гостинице «Большая Московская» на Павловской улице (ныне проспект Мира), потом снял на Русиной улице двухэтажный особняк, куда перевез из Орловской губернии семью: мать и двух сестер —

Татьяну и Елену. Позже, сменив несколько квартир (одна из них — в доме Карцовых в Гимназическом переулке, ныне улица Лермонтова), В. А. Друцкой-Соколинский обосновался в доме Акатовых на Ильинской улице (ныне ул. Чайковского), где прожил 3 года. На втором этаже дома размещался гражданский (дворянский) клуб, в буфете которого князь иногда заказывал вкуснейшие пироги с грибами или рыбой. Часть дома сдавалась под Костромской губернский статистический комитет, что тоже было на руку князю, впоследствии ставшего членом означенного ведомства. Ильинская улица была, по костромским меркам, местом бойким и оживленным. По соседству с квартирой чиновника находились два кинотеатра: «Современный театр» М. С. Трофимова и «Palais Théâtre» С. К. Бархатова. Рядом — летний ресторан, площадка для оркестра, бульвар, по которому любили прогуливаться костромичи. Неподалеку — номера Вигилянской, трактир и меблированные комнаты И. С. Кострова, транспортная контора Н. И. Кутилина. Впрочем, такое соседство не доставляло хлопот петербуржцу В. А. Друцкому-Соколинскому, который, видимо, не слишком стремился к уединенной жизни затворника и мыслителя.

Не менее любопытен этнографический и нравоописательный срез костромской жизни. Мемуарист отмечает, что костромские крестьяне сильно отличаются от землепашцев черноземных губерний: своим «крупным, кряжистым и осанистым» видом, аккуратной небедной одеждой они скорее напоминают зажиточных однодворцев или сельских торговцев. Автор отмечает открытость и бесхитрость работающих костромских обывателей, их сдержанное, тактичное любопытство, их склонность к неторопливому разговору, умение сдобрить его шуткой. Исключением являются домнинские белопащцы — потомки Ивана Сусанина: освобожденные от всех податей и выведенные из подчинения местной администрации, земляки народного героя, по свидетельству В. А. Друцкого-Соколинского, были знамениты как «плохие хозяева, отъявленные лентяи и буйные пьяницы» [Друцкой-Соколинский, 1996: 319].

Духовное и нравственное здоровье костромичей основывается на их глубокой религиозности, лишенной всего показного и экзотично-мракобесного. Это было тихое и светлое молитвенное

умиление, превращавшее каждую церковную службу в праздник души. В. А. Друцкой-Соколинский, ввиду наложенной на него после развода с женой семилетней епитимьи, не мог ходить к причастию и очень страдал от этого. После снятия епитимьи князь погружается в церковную жизнь, как в животворный освежающий источник. Он старается не пропускать службы, свое говение переживает как светлое преображение души. Духовником В. А. Друцкого-Соколинского стал протоиерей Михаил Орлов, настоятель церкви Иоанна Богослова на Каткиной горе (ныне здание планетария на ул. Горной). Самые одухотворенные и поэтические строки воспоминаний посвящены описанию таинства причащения в маленьком костромском храме. «Я был сам не свой, я не чувствовал себя, — признается мемуарист, — я был в высшем счастье, в блаженстве <...>. Таких минут я больше никогда в жизни не переживал» [Там же: 267]. Можно сказать, что под пером В. А. Друцкого-Соколинского Кострома выступает как некий эталон и квинтэссенция православной церковности.

Выразительны портреты представителей старообрядчества — льняных фабрикантов Григория Клементьевича Горбунова (Нерехтский уезд) и Мефодия Сосипатровича Сидорова (Кинешемский уезд), которые, не отличаясь религиозной толерантностью по отношению к никонианцам, смогли образцово наладить дело на своих предприятиях. Промышленники-старообрядцы дают пример нынешнему поколению предпринимателей в части социальной ответственности бизнеса. Созданным при фабриках Сидорова и Горбунова школам, больницам и рабочим домам, по свидетельству мемуариста, могла бы позавидовать столица. А владелец ситценабивной мануфактуры в Родниках Николай Михайлович Красильщиков даже создал при своей фабрике театр. В. А. Друцкой-Соколинский отмечает, что в миллионере Красильщикове русская сентиментальность и артистизм соединились с американской деловитостью и энергией. 19 мая 1913 г, когда в Кострому прибыл Николай II, Г. К. Горбунов и Н. М. Красильщиков были представлены императору как предприниматели, пожертвовавшие самые крупные суммы на возведение и обустройство Романовского музея, а М. С. Сидоров — как человек, принесший в дар новому музею коллекцию портретов царствовавших особ из династии Романовых [Празднование трехсотлетия царствования

Дома Романовых в Костромской губернии 19—20 мая 1913 г., 1914: 81, 84]. Днем позже, осматривая павильоны земской выставки, император обратил внимание на текстильную продукцию, выпускаемую фабрикой М. С. Сидорова. В частности, Николай II поинтересовался тем, кто создает эскизы тканевых рисунков. Польщенный вниманием государя промышленник, не скрывая гордости, сообщил, что все рисунки оригинальны и выполняются в художественной мастерской при фабрике [Там же: 191].

По свидетельству мемуариста, в Костроме бурлила и светская жизнь. Что там Париж эпохи Оноре де Бальзака! Балы и приемы в Костроме следовали один за другим. Их королевами были жены здешних чиновников и крупных предпринимателей. Холостые господа (к каковым принадлежал и сам мемуарист) шли нарасхват и по очереди приглашались на завтраки и обеды. Дружеские ужины в костромских ресторанах нередко затягивались до утра, но никогда не превращались в нечто недостойное или безобразное. Очагами светской жизни в Костроме были Дворянское собрание, драматический театр, дома губернатора А. П. Веретенникова, городского головы В. А. Шевалдышева, председателя окружного суда Я. Я. Чемодурова, прокурора Н. Л. Шкотта, товарища прокурора П. П. Воинова, секретаря акцизного управления Бельченко. С появлением в Костроме нового губернатора П. П. Шиловского в моду вошли вечера камерной музыки (новый глава губернии оказался прекрасным пианистом и скрипачом), а приемы по размаху и великолепию приблизились к столичным: «котильон, цветы из Ниццы, буфет с шампанским и ананасами, ужин на маленьких столиках, меню на французском языке, лакей в чулках и сам хозяин в придворном вицмундире...» [Друцкой-Соколинский, 1996: 275].

Некоторые сюжеты из жизни костромского бомонда балансируют на грани между романом плаща и шпаги, фарсом, байкой и анекдотом. Такова, например, история похищения товарищем прокурора П. Г. Курловым невесты Ивана Михайловича Чумакова, впоследствии крупного костромского махорочного фабриканта. Или сюжет, иллюстрирующий чудовищную скупость юрьево-вского миллионера Миндовского.

Неявно, но обозначена в мемуарах такая тонкая и щекотливая тема, как костромской адюльтер. Несомненно, он имел место,

но в провинции никто никогда не афишировал своих сердечных увлечений и уж тем более не бравировал ими. Рассказывая о своей поездке на парходике «Белочка» в Лунево, автор стремится захватить внимание читателя жарким политическим спором, вспыхнувшим между пассажирами. Однако, как можно догадаться, главной целью этого круиза было романтическое свидание князя с жившей на одной из луневских дач дамой. Стыдливая и блюдущая себя провинция противопоставляется мемуаристом бесстыдному Петербургу. В. А. Друцкой-Соколинский отмечает, что если какая-то дама сидела перед мужчинами, «развалясь в кресле и задрав платье до колен», то можно было безошибочно утверждать, что это «приезжая из столицы» [Там же: 278].

Костромская жизнь существенно изменила жизненный ритм В. А. Друцкого-Соколинского. Зимой свободное время проходило в светских хлопотах и развлечениях. Весной князь, заядлый охотник, отправлялся с ружьем на заливные луга Ипатьевского монастыря. Летом начинались дальние командировки в уездные города для ревизии земских и городских управ. Уже находясь в эмиграции, В. А. Друцкой-Соколинский с особой ностальгией вспоминал свои поездки по Костромской губернии. Мы видим картину подготовки к сплаву на реке Ветлуге, девственные костромские леса. Иногда поездки были сопряжены с опасными приключениями. Такова переправа через Волгу в районе Кинешмы в последнюю ночь перед ледоходом, когда князь уцелел благодаря сопровождавшим его смышленным костромским зимогорам. Такова охота в безбрежных варнавинских лесах, когда князь со своим слугой Михаилом, заблудившись, проплутали несколько дней. Где-то там, в самой глухомани, они оставили вырезанную на вековой сосне надпись: «Князь Друцкой и Михайло Образцов. 1912 г.». По свидетельству В. А. Друцкого-Соколинского, на этот артефакт спустя год наткнулись нижегородские землемеры и даже занесли историческую надпись в план как межевой знак [Друцкой-Соколинский, 2000: 109].

Биографический и общественно-политический срез воспоминаний представлен колоритной галереей людей, которые формировали костромскую управленческую колонну. Вот, например, портрет губернатора Алексея Порфирьевича Веретенникова: «Моложавый, худой, стройный и очень элегантный генерал...

производит на меня самое симпатичное впечатление простотой обращения и лишь в лице, в одном опущенном и всегда кривящемся углу рта, есть какой-то отблеск, какой-то штрих чего-то за-таенного, скрытого, неверного, почти фальшивого» [Друцкой-Соколинский, 1996: 220]. Мемуарист отмечает любопытную особенность общественных воззрений губернатора, вполне по-леонтьевски и по-розановски полагавшего, что, чем левее политические взгляды человека, тем менее устойчивы его моральные принципы и деловые качества и тем более склонен он к казнокрадству. В. А. Друцкой-Соколинский поначалу счел такое мнение излишне категоричным, но впоследствии признал его справедливостью и в качестве неперемного члена губернского присутствия (назначен на эту должность в июле 1907 г.), он помогал генерал-майору сдерживать набиравшее силу либерально-кадетское влияние в губернском и уездных земствах. В целом симпатизируя политическим воззрениям А. П. Веретенникова и положительно оценивая качества губернатора как государственника и хозяйственника, В. А. Друцкой-Соколинский отмечал его резкость и безапелляционность в суждениях, что только осложняло диалог с оппонентами — городским головой Г. Н. Ботниковым, председателем губернской земской управы И. В. Шулепниковым, ее членами А. В. Перелешиним и Н. Е. Власовым, а также представителями уездных земств. Хозяйственные и общественные дебаты, шедшие на заседаниях губернского присутствия, высвечивали непримиримость характеров и сторон. Основная борьба развернулась между консервативным губернским присутствием и левокадетской губернской земской управой, что было выражением идущей в те годы в России схватки между «приказной» и «земской» идеями. Используя вполне законные рычаги, то есть, говоря современным языком, административный ресурс (выявление растрат и подлогов, уличение в антиправительственной риторике), консерваторы одержали временную победу. «Уголовные дела, — свидетельствует В. А. Друцкой-Соколинский, — сыпались, как с веяльной лопаты зерно...» [Там же: 241]. Последней каплей стало дело о строительстве Костромским уездным земством психиатрической лечебницы в селе Никольское, когда перерасход средств превысил 100 процентов и страховой капитал земств оказался обескровленным. Губернатор использовал организационные

и финансовые просчеты в реализации этого проекта для того, чтобы нанести последний удар по ненавистным ему земцам-кадетам. Однако победа оказалась пирровой. Председатель губернской земской управы И. В. Шулепников благополучно пересел в кресло депутата Государственной думы. Репутация самого А. П. Веретенникова оказалась окончательно подмоченной: губернатор искоренял либеральную «заразу», не гнушаясь никакими методами. Издаваемая под его патронажем газета-листок «Рабочий», редактируемая талантливым, но нещепетильным журналистом Н. И. Еремченко, по части инсинуаций и грязных оскорблений могла бы составить конкуренцию одиозно-черносотенным изданиям типа «Русского знамени» или «Веча». Даже отнюдь не симпатизирующий либералам В. А. Друцкой-Соколинский характеризует тональность «Рабочего» как «абсолютно неприличную, недопустимую» [Там же: 242].

Несмотря на далеко не лестную характеристику некоторых качеств А. П. Веретенникова, В. А. Друцкой-Соколинский утверждал, что именно годы службы под началом неприветливого генерал-майора явились наиболее полезными для выработки профессиональных качеств законоведа и администратора. Именно тогда молодой чиновник, по его собственному признанию, «служебно сформировался, приучился разбираться в людях, различать намерения и расценивать местную общественную жизнь по ее действительному достоинству» [Там же: 243].

Сменивший в феврале 1910 г. А. П. Веретенникова на посту губернатора Петр Петрович Шиловский, по свидетельству мемуариста, являлся полной противоположностью своего предшественника, ибо мало интересовался политикой и текущими делами. Куда больше П. П. Шиловский был увлечен усовершенствованием изобретенной им монорельсовой железной дороги. По его распоряжению на первом этаже губернаторского дома были устроены механические мастерские, где слесари под присмотром самого П. П. Шиловского строили модели паровозов и вагонов, которые потом «благополучно... бегали по всему губернаторскому саду» [Там же: 248]. При англомане П. П. Шиловском началась электрификация Костромы. Тогда же в городе появился и первый автомобиль. При П. П. Шиловском В. А. Друцкой-Соколинский поднялся еще на одну ступень в своей служебной карьере:

в 1911 г. чиновнику был присвоен чин коллежского советника (VI класс табели о рангах).

Петр Петрович Стремоухов, назначенный костромским губернатором в конце 1912 г., предстает на страницах воспоминаний как опытный и дотошный организатор, как человек исключительного благородства. Впоследствии П. П. Стремоухов, уже в должности директора департамента общих дел, хлопотал о служебном продвижении могилевского вице-губернатора В. А. Друцкого-Соколинского и оказывал ему всяческое дружеское содействие.

Вице-губернатор Федор Александрович Бантыш запомнился мемуаристу как человек, сочетающий «победоносную мужественность» и джентльменство с сибаритством и полным отсутствием деловой сосредоточенности. Князь А. И. Оболенский, исполнявший обязанности вице-губернатора с января 1908 по август 1910 г., по свидетельству В. А. Друцкого-Соколинского, отличался «безмерной гордостью и чванливостью» [Там же: 276].

Хорошие отношения сложились у В. А. Друцкого-Соколинского с Иваном Владимировичем Хозиковым, занимавшим должность вице-губернатора в 1910—1915 г. И. В. Хозиков стал последним имперским костромским губернатором. С ним В. А. Друцкого-Соколинского судьба снова свела весной 1917 г. в Петербурге, где отстраненные от своих должностей главы регионов ожидали своей дальнейшей участи: и минский, и костромской губернаторы по увольнении их в отставку подлежали призыву на воинскую службу...

Городской голова Г. Н. Ботников назван слабохарактерным и вялым, а сменивший его на этом посту директор фабрики Третьяковых Владимир Алексеевич Шевалдышев (муж А. Н. Третьяковой) показался мемуаристу «отчаянным карьеристом» [Там же: 259], что, впрочем, не мешало Шевалдышеву энергично и деловито приводить в порядок городское хозяйство.

В. А. Друцкой-Соколинский дает живописные портреты некоторых уездных начальников. Вот председатель Чухломской земской управы Николай Макарович Перелешин, старик с уродливым лиловым лицом, начинающий трудовой день в шесть часов утра большим стаканом водки и при этом имеющий репутацию решительного, отзывчивого и неподкупно-честного человека. Вот

председатель Макарьевской земской управы Сергей Рафаилович Михайлов, «человек буквально динамический», дамский угодник, азартный карточный игрок, острослов и смельчак, который, будучи отставным штабс-капитаном артиллерии, дело вел «по военному, по барабану» [Там же: 257].

Выразительна фигура архиепископа Костромского и Галичского Тихона. Умный и властный владыка был, по свидетельству мемуариста, грубоват и совершенно «неотесан светски», зато его ежесекундные службы в кафедральном Успенском соборе отличались «торжественностью, удивительным благолепием и большой молитвенною проникновенностью» [Там же: 265]. Именно архиепископ Тихон разрешил сократить срок семилетней епитимьи, наложенной на В. А. Друцкого-Соколинского после развода с женой.

В Костроме князь познакомился с офицером П. П. Парским, который впоследствии стал генералом, командиром гренадерского корпуса. В октябре 1916 г. судьба снова свела В. А. Друцкого-Соколинского, в ту пору минского губернатора, с П. П. Парским. Они встретились недалеко от передового края, в штабе корпуса, и сразу окунулись в воспоминания о милой и мирной Костроме. Генерал так расчувствовался, что незаметно опустошил стоявшие на столе бутылки с вином. Впрочем, Кострома была здесь повинна менее всего. Ужас В. А. Друцкого-Соколинского вызвало то, что судьба многих тысяч солдат зависит от человека, которого даже война не заставила отказаться от пагубной привычки. Князь поспешил прервать общение со своим костромским знакомцем и retirроваться.

Некоторые типажи заставляют вспомнить бессмертные образы русской классической литературы. Сам мемуарист шадяще называет их «курьезными» и «антикварными». Таков экзекутор губернского правления Николай Дмитриевич Свободов, вечный и неутомимый труженик присутственных мест, имевший одну маленькую слабость: в воскресенье после обедни он приходил в пустое губернское правление, запирался на ключ в кабинете вице-губернатора и «севши в кресло за письменный стол, развываясь в самой непринужденной позе и заложив ногу за ногу, он воображал себя вице-губернатором, последовательно принимал якобы советников, непрременных членов, губернского врачебного инспектора, себя самого, просителей и других...» [Там же: 224]. Причем, делал он это столь громогласно, азартно и артистично,

что, по свидетельству мемуариста, всегда находилось несколько охотников понаблюдать в замочную скважину за этим бюрократическим дивертисментом. Ну чем не гоголевский сюжет! А вот секретарь губернского правления по воинской повинности Василий Васильевич Алякритский, имевший талант и охоту затуманить даже самое простое и ясное дело: чиновник считал своим долгом переправлять исполнителям не копии министерских циркуляров, а свои интерпретации и переложения последних, доведенные этим профессиональным крючкотвором до полной смысловой непроницаемости. Разве не достоин Василий Васильевич называться персонажем М. Е. Салтыкова-Щедрина! Впрочем, если автор «Губернских очерков» указывает на типичность худших и ничтожнейших представителей чиновничества, то В. А. Друцкой-Соколинский подчеркивает, что Свободов и Алякритский всего лишь забавные реликты, пережитки прошлого. А вот описание произведенной князем «внезапной ревизии» Ветлужской городской управы. В. А. Друцкой-Соколинский прибыл в ревизуемое учреждение прямо с пристани, с чемоданом в руках, и сразу потребовал у городского головы Николая Ефимовича Шабарова, явившегося «в заметно нетрезвом виде», предъявить кассовую наличность. «Пошарив в карманах и заявив, что ключ от кассы забыт им дома, Шабаров, извинившись, отправился домой за ключом. С этого момента я его больше не видел и вновь встретился с ним спустя три года в Костроме, в заседании судебной палаты, где он вместе с остальными ветлужскими заправилами занимал скамью подсудимых» [Друцкой-Соколинский, 2000: 50—51]. Понятно, что В. А. Друцкой-Соколинский не претендовал на лавры Тэффи или Аркадия Аверченко, но заставить читателя смеяться было мемуаристу вполне по силам.

Конечно, способы художественной отделки портретов костромских чиновников указывают на связь с традициями русского реалистического искусства. В. А. Друцкой-Соколинский признается, что тощий экзекутор Свободов с его очками на кончике носа и рыженькой бородкой «буквально просился на полотно Маковского», а вице-губернатор Бантыш словно сошел со страниц тургеневского рассказа «Первая любовь».

Летом 1908 г. В. А. Друцкой-Соколинский получил предложение занять пост якутского вице-губернатора, однако, размыслив,

отказался от этих интересных карьерных перспектив. Мотивом такого решения стало нежелание отрываться от «жизни средне-русских губерний» и от земского дела, которое князь полюбил всем сердцем. Размышления мемуариста о проблемах земской России помогают понять причины того социального и политического недуга, который впоследствии привел страну к катастрофе 1917 г. Объехавший всю Костромскую губернию непреременный член губернского по земским делам присутствия коллежский советник В. А. Друцкой-Соколинский свидетельствует, сколь остро стояла в уездных земствах проблема поиска толковых, хозяйственных руководителей. Бичом провинциальной России был всеобщий абсентеизм, нежелание землевладельцев, лесопромышленников и других рачительных хозяев заниматься общественной работой. Отсутствие конкуренции приводило к тому, что в уездных земствах бразды правления нередко захватывали не хозяйственники, а политические фразеры и годами, а то и десятилетиями единолично распоряжались уездными делами. Так, в Ветлуге безраздельно правил народный социалист Б. Л. Петерсон, потому и весь уезд имел репутацию «ярко-красного». Юрьевецкий и Костромской уезды считались либерально-кадетскими, а Чухломской (Н. М. Перелешин) и Галичский (Г. Н. Ратьков), напротив, — крайне правыми. Показательно, что образцовыми были уезды, где председатель и гласные земских управ не имели выраженных партийных симпатий, а значит, тратили свой темперамент не на политические дрязги, а на хозяйственные заботы. В. А. Друцкой-Соколинский приводит в пример Кологривский уезд, где земскую управу возглавлял лесопромышленник Н. И. Лебединский, считавший каждую копейку и лично вникавший в каждую мелочь. В. А. Друцкой-Соколинский неоднократно — и не без гордости! — признавался, что именно служба в Костромской губернии сделала его настоящим знатоком земского дела и позволила в дальнейшем, уже на вице-губернаторском и губернаторском постах, находить оптимальные варианты решения сложных проблем. Тщанием неутомимого костромского чиновника были доведены до суда многие дела, которые сегодня непременно окрестили бы «коррупционными».

Осенью 1908 г. в Петербурге состоялась памятная встреча В. А. Друцкого-Соколинского с П. А. Столыпиным, в ту пору

министром внутренних дел. Одна страница текста, посвященная описанию этой аудиенции, предлагает нам портрет П. А. Столыпина, который можно назвать каноническим. Мы видим скупого на слова, умного, основательного и волевого человека, который искренне желает блага России и знает, как этого добиться. Столыпин-политик лишен всяческого самолюбования и аффектации, а вот В. А. Друцкой-Соколинский аффектации не избегает, называя отца аграрной реформы «рыцарем без страха и упрека и гениальным государственным кормчим» [Друцкой-Соколинский, 1996: 246]. Последняя характеристика вполне созвучна тем славословиям, что раздавались в 1930-е гг., когда создавались мемуары, в муссолиниевской Италии, в гитлеровской Германии и в сталинском СССР. «Гениальный государственный кормчий» — пожалуй, это достойно передовицы советской газеты «Правда» тех лет! В воспоминаниях В. А. Друцкого-Соколинского такие высокопафосные всплески нередки. Мемуарист в своих оценках предстает и злорадным, и кокетливым. Иногда он явно недоговаривает какие-то важные детали. Иногда, наоборот, муссирует несущественные мелочи. Впрочем, всё это окупается отсутствием притворства и лукавства.

Интереснейшая часть мемуаров содержит рассказ о приготовлениях к 300-летию юбилею Дома Романовых и о самих торжествах. Этому сюжету посвящена отдельная публикация [Зябликов, 2013: 221—225]. Романовские празднества, с размахом прошедшие в Костроме в мае 1913 г., стали переломным пунктом в служебной карьере В. А. Друцкого-Соколинского. 18 мая 1913 г., накануне торжеств, князь, получивший к тому времени придворный чин камер-юнкера, узнал о своем назначении моголевским вице-губернатором. Пришло время прощаться с доброй, патриархальной и хлебосольной Костромой, столь ему полюбившейся. Впереди были государственная служба на западе Империи, суровые испытания мировой войны, ужас войны гражданской, вынужденная эмиграция, нелегкая жизнь на чужбине, саднящая тоска по оставленной Родине...

Костромская земля многое дала В. А. Друцкому-Соколинскому и многое приобрела взамен. В его лице губерния получила грамотного, честного, неравнодушного, деятельного управленца, объездившего (по земле и по воде) Костромскую

землю вдоль и поперек. В. А. Друцкой-Соколинский избирался действительным членом Губернской ученой архивной комиссии, он был товарищем председателя Костромского окружного правления Императорского Российского общества спасения на водах, членом Костромского управления общества Красного Креста и общества охраны от пожарного бедствия. В течение нескольких лет князь исполнял должность секретаря Губернского статистического комитета, в функции которого входили собирание и обработка материалов, касающихся различных сторон губернской жизни — от демографии и образования до фабрично-заводского хозяйства и состояния всходов озимых хлебов.

В 1913 г. под редакцией В. А. Друцкого-Соколинского вышел справочник «Г. Кострома», содержащий информацию об истории города и рода бояр Романовых, а также сведения о личном составе учреждений Костромы, об учебных заведениях, библиотеках, банках, больницах, аптеках, гостиницах. Справочник содержит план Губернской земской выставки, подготовленной к Романовским торжествам; сведения о расписании движения поездов и пароходов, о таксе легковых извозчиков и пр. Историческая часть издания содержит материалы, подготовленные историком и этнографом Н. Н. Виноградовым (в ту пору чиновником особых поручений при губернаторе), — в том числе любопытное «Сказание о спасении от поляков Михаила Феодоровича Романова и о подвиге крестьянина Ивана Сусанина», записанное в 1911 г. со слов некоего ямщика, подвозившего члена Губернской ученой архивной комиссии от села Коробова до Волги. Это изобилующее авантюрными хитросплетениями «сказание», по словам самого Н. Н. Виноградова, служит «типичным примером создания легенд новейшего времени, а также достаточно ясно характеризует то, как понимают это событие нынешние потомки Сусанина» [Г. Кострома: справочное издание Костром. губ. стат. Комитета. Кострома, 1913: 37—38]. Часто ли можно встретить справочное издание, которое начинается древним стихотворным текстом?

*Спаси-Бог тебе, Кострома-городу,
И честному монастырю Ипатцкому,
Что соблюл нам семена Царские
На великое Московское Государство
Всея Руси Самодержца...*

В примечаниях к тексту сказано, что он был найден Н. Н. Виноградовым «на очень древней копии» с грамоты царя Михаила Романова Богдану Собинину от 30 ноября 1619 г. [Там же: 3]. Словом, содержание и структура справочника ясно говорят о том, что составлялся и готовился он не равнодушным функционером, а радетелем за изучение, сохранение и приумножение культурных сокровищ Костромской земли, человеком, беззаветно эту землю любящим.

Заключение

Кострома сыграла важную роль в жизни В. А. Друцкого-Соколинского. Именно здесь он, по его собственному признанию, сформировался как специалист, политик и государственный деятель. Мемуары В. А. Друцкого-Соколинского представляют собой ценный источник для осмысления важнейшего этапа отечественной истории (1907—1913) на примере одной из корневых русских губерний — Костромской. Именно с Костромой по преимуществу связаны воспоминания и представления князя о «канонической» дореволюционной России — боголюбивой, гостеприимной, зажиточной, веротерпимой, мирной (могилевские и минские впечатления были омрачены военными событиями). Живые и неравнодушные свидетельства советника губернского правления строятся на детальном знании различных аспектов провинциальной жизни: бытового, административно-хозяйственного, правового, общественно-политического, светского, религиозного. Перо мемуариста воссоздает портреты представителей различных сословий: крестьянства, купечества, дворянства, духовенства. Ярko и емко характеризуются представители губернской управленческой когорты. Весьма выразительны впечатления уездной жизни. Автор опровергает расхожие представления о дореволюционной русской провинции как о бедном, унылом и духовно заскорузлом жизненном пространстве. В своих мемуарах о северной русской губернии бывший костромской чиновник не позволил себе ни одной пренебрежительной или высокомерной ноты.

Мемуарист не претендует на роль мыслителя или социально-политического аналитика, что ни в коей мере не умаляет значение текста как источника. Напротив, искренность, пылливость

и наблюдательность автора способствуют воссозданию плотного фона повседневности, в которой бытовал житель русской провинции начала XX в. Главными способами воссоздания исторической фактуры стали бытовая зарисовка и нравоописательный очерк — жанры, которым мемуарист отдает безусловное предпочтение и которыми, надо признать, он владеет филигранно. Предложенный автором нарратив не только погружает нас в описываемое социокультурное пространство, передает дух и колорит эпохи, но и раскрывает ценностные, мировоззренческие ориентиры, формирующие уместной типичного представителя русской аристократии начала XX столетия. Мемуары В. А. Друцкого-Соколинского не просто интересный исторический источник, не просто живое свидетельство внимательного современника событий, помогающее нам более тщательно прорисовать некоторые важные детали. Это документ, раскрывающий трагедию образованного русского человека, патриота, интеллектуала, посвятившего свою жизнь честному служению Российской Империи и вынужденно ставшего очевидцем и хроникером ее исторического краха.

Список источников

- Г. Кострома: Справоч. изд. Костром. губ. стат. ком. / под ред. и. д. секретаря комитета кн. Друцкого-Соколинского. Кострома: Костром. губ. тип., 1913. 94 с.
- Джунковский В. Ф.* Воспоминания: в 2 т. / под общ. ред. А. Л. Паниной. Т. 2. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1997. 736 с.
- Друцкой-Соколинский В. А.* Да благословенна память. Записки русского дворянина (1880—1914 гг.). Орел: Вариант В, 1996. 347 с.
- Друцкой-Соколинский В. А.* Моя радость и грусть. Записки русского эмигранта (1920—1943 гг.). Орел: Част. изд. Александр Воробьев, 2000. 190 с.
- Зябликов А. В.* Романовские торжества 1913 г. в мемуарах В. А. Друцкого-Соколинского // Романовские чтения. 400 лет окончания Смуты и воцарения династии Романовых: материалы Всерос. конф., Кострома, 2—3 марта 2013 г. / сост. и науч. ред. А. Д. Шипилов. Кострома: Костром. гос. ун-т им. Н. А. Некрасова, 2013. С. 221—225.

- Иванов В. Н. Юность и свобода: повествование о времени и о себе // Дальний Восток. 1987. № 7—8.
- Колгушкин Л. А. Костромская старина // Костромская земля: краеведческий альманах Костромского общественного фонда культуры. Кострома: Областная типография им. Горького, 1992. Вып. II. С. 21—25.
- Лаговский А. В. «Всё было именно так...»: книга воспоминаний о Костроме и костромичах XX века / ред. Н. Муренин. Кострома: Линия-График, 2015. 240 с.
- Празднование трехсотлетия царствования Дома Романовых в Костромской губернии 19—20 мая 1913 г. / сост. Н. Н. Виноградов. Кострома: Изд. Костром. губерн. учен. арх. комис., 1914. 230 с.
- Френкель З. Г. Записки и воспоминания о пройденном жизненном пути. СПб.: Нестор-История, 2009. 696 с.

References

- Drutskoy-Sokolinsky, V. A. (1996), *Da blagoslovenna pamiat' Zapiski russkogo dvorianina (1880—1914)* [May the memory be blessed. Notes of a Russian nobleman (1880—1914)], Variant V, Orel, Russia.
- Drutskoy-Sokolinsky, V. A. (ed.) (1913), *G. Kostroma: spravocnoe izdanie Kostromskogo gubernskogo statisticheskogo komiteta* [G. Kostroma: reference publication of the Kostroma Provincial Statistical Committee], Kostromskaia gubernskaia tipografiia, Kostroma, Russia.
- Drutskoy-Sokolinsky, V. A. (2000), *Moia radost' i grust'. Zapiski russkogo emigranta (1920—1943)* [My joy and sadness. Notes of a Russian emigrant (1920—1943)], Chastnyi izdatel' Aleksandr Vorob'ev, Orel, Moscow.
- Dzhunkovsky, V. F. (1997), *Vospominaniia* [Memories], in Panina, A. L. (ed.), Vol. 2, Izdatel'stvo imeni Sabashnikovykh, Moscow, Russia.
- Ivanov, Vs. N. (1987), 'Youth and freedom: a story about time and about yourself', *Dal'nii Vostok* [Far East], no. 7—8.
- Frenkel, Z. G. (2009), *Zapiski i vospominaniia o proidennom zhiznennom puti* [Notes and memoirs about the passed life path], Nestor-Istoriia, St. Petersburg, Russia.
- Kolgushkin, L. A. (1992), 'Kostroma antiquity', in *Kostromskaia zemlia: kraevedcheskii al'manakh Kostromskogo obshchestvennogo fonda kul'tury* [Kostroma Land: Local Lore Almanac of the Kostroma Public Cultural Fund], iss. II, Oblastnaia tipografiia imeni Gor'kogo, Kostroma, Russia: 21—25.

- Lagovsky, A. V. (2015), “*Vse bylo imenno tak...* ”: kniga vospominanii o Kostrome i kostromichakh XX veka [“Everything was just like that...”: a book of memoirs about Kostroma and Kostroma residents of the XX century], in N. Murenin (ed.), Liniia-Grafik, Kostroma, Russia.
- Vinogradov, N. N. (comp.) (1914), *Prazdnovanie trekhstolietiiia tsarstvovaniia Doma Romanovykh v Kostromskoi gubernii 19—20 maia 1913 g.* [Celebration of the tercentenary of the reign of the Romanov dynasty in the Kostroma province on May 19—20, 1913], Izdanie Kostromskoi gubernskoi uchenoi arkhivnoi komissii, Kostroma, Russia.
- Zyablikov, A. V. (2013), ‘Romanov celebrations of 1913 in the memoirs of V. A. Drutsky-Sokolinsky’, in Shipilov, A. D. (ed.), *Romanovskie chteniia. 400 let okonchaniia Smuty i votsareniiia dinastii Romanovykh: materialy vserossiiskoi konferentsii* [Romanov Readings. 400th Anniversary of the End of the Time of Troubles and the Accession of the Romanov Dynasty: Proceedings of the All-Russian Conference], Kostroma, Russia, 2—3 March 2013, Kostromskoi gosudarstvennyi universitet imeni N. A. Nekrasova, Kostroma: 221—225.

Статья поступила в редакцию 11.04.2022; одобрена после рецензирования 05.05.2022; принята к публикации 25.05.2022.

The article was submitted 11.04.2022; approved after reviewing 05.05.2022; accepted for publication 25.05.2022.

Информация об авторе / Information about the author

А. В. Зябликов — доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой философии, культурологии и социальных коммуникаций, Институт гуманитарных наук и социальных технологий, Костромской государственной университет, Россия.

A. V. Zyablikov — Doctor of Science (History), Associate Professor, Head of the Department of Philosophy, Culturology and Social Communications, Institute of Humanities and Social Technologies, Kostroma State University, Kostroma.

Интеллигенция и мир. 2022. № 4. С. 69—89.

Intelligentsia and the World. 2022. No. 4. P. 69—89.

Научная статья

УДК 331(091)(47).084.6

DOI: 10.46725/IW.2022.4.4

ИНТЕЛЛИГЕНТ В СОВЕТСКОЙ ПЕНСИОННОЙ СИСТЕМЕ НАЧАЛА 1930-х гг.: «ПЕНСИОННАЯ ИСТОРИЯ» А. А. ДОСТОЕВСКОГО

Марина Анатольевна Жиркова

Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,

Санкт-Петербург, Россия, manp@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0003-4107-6944>

Ольга Владимировна Капустина

Государственное учреждение — Отделение Пенсионного фонда РФ по

Владимирской области, Владимир, Россия, olga.kapustina209@yandex.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-3473-5916>

Аннотация. Актуальность работы определяется тем, что изучение биографий отдельных представителей интеллигенции в контексте деятельности государственных систем позволяет оценить масштабные исторические события с точки зрения обычного человека. Авторами поставлена задача: исследование пенсионных проблем А. А. Достоевского (1863—1933), племянника писателя, на фоне исторических событий начала 1930-х гг. В качестве основных источников использованы хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации документы о его пенсионном обеспечении.

Первоначально Академия Наук СССР выступила с ходатайством о назначении Андрею Андреевичу академической пенсии за выслугу лет, отклоненное из-за недостаточности советского научного стажа. Повторно Академия Наук ходатайствовала об установлении ученому персональной пенсии союзного значения, которая, требуя наличия исключительных заслуг перед государством, не устанавливала дополнительных условий в отношении стажа. В результате рассмотрения документов было вынесено условное заключение о возможности назначения претенденту пенсии данного вида с учетом его собственных научных трудов и факта родства с Ф. М. Достоевским. Тем не менее, в итоге А. А. Достоевскому назначили

наименее престижную пенсию по инвалидности второй группы на общем основании. Причиной этого послужил факт его ареста в 1930 г. по «Академическому делу». Сегодня документально подтверждена посмертная реабилитация А. А. Достоевского в 1989 г. Однако в исследуемых документах, со ссылкой на его собственное жизнеописание, приводятся сведения о реабилитации в 1931 г. с правом проживания в Ленинграде.

Таким образом, несмотря на освобождение из мест заключения, подозрения в нелояльности к советской власти не позволили установить Андрею Андреевичу персональную пенсию. Но совсем без государственной материальной поддержки он не был оставлен, возможно, в этом сыграло свою роль родство с Ф. М. Достоевским. В заключении авторы делают вывод о том, что советская пенсионная система начала 1930-х гг. во многом зависела от политической конъюнктуры, и обращают внимание на оставшийся без решения вопрос о первичной реабилитации племянника писателя.

Ключевые слова: ученый, академическая пенсия, выслуга лет, персональное пенсионное обеспечение, инвалидность, размер пенсии, «Академическое дело», реабилитация

Для цитирования: Жиркова М. А., Капустина О. В. Интеллигент в советской пенсионной системе начала 1930-х гг.: «пенсионная история» А. А. Достоевского // Интеллигенция и мир. 2022. № 4. С. 69—89.

Original article

AN INTELLECTUAL IN THE SOVIET PENSION SYSTEM OF THE EARLY 1930S: “PENSION HISTORY” OF A. A. DOSTOEVSKY

Marina A. Zhirkova

Leningrad State University named after A. S. Pushkin, St. Petersburg, Russia,
manp@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4107-6944>

Olga V. Kapustina

State institution — Branch of the Pension Fund of the Russian Federation for the Vladimir Region, Vladimir, Russia, olga.kapustina209@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-3473-5916>

Abstract. The relevance of the work is determined by the fact that the study of the biographies of individual representatives of the intelligentsia in the context of the activities of state systems allows us to evaluate large-scale

historical events from the point of view of an ordinary person. The authors set the task: the study of pension problems of A. A. Dostoevsky (1863—1933), the writer's nephew, against the backdrop of the historical events of the early 1930s. Documents on his pension provision stored in the State Archive of the Russian Federation were used as the main sources.

Initially, the Academy of Sciences of the USSR filed a petition for granting to Andrei Andreevich an academic pension for long service, which was rejected due to the lack of Soviet scientific experience. The Academy of Sciences repeatedly petitioned for fixing a personal pension of federal significance for the scientist, which, while requiring exceptional services to the state, did not establish additional conditions for the length of service. After the documents were considered, a conditional conclusion was made on the possibility of assigning a pension of this type to the applicant, taking into account his own scientific works and the fact of kinship with F. M. Dostoevsky. However, in the end, A. A. Dostoevsky was assigned the least prestigious pension on disability of the second group on a general basis. The reason for this was the fact of his arrest in 1930 on the “Academic Case”. A. A. Dostoevsky was posthumously rehabilitated in 1989. However, in the studied documents, with reference to his own biography, information about his rehabilitation in 1931 with the right to live in Leningrad is provided.

Thus, despite his release from places of detention, suspicions of disloyalty to the Soviet authorities did not allow to grant Andrei Andreevich a personal pension. But he was not left completely without state material support, perhaps his kinship with F. M. Dostoevsky played a role in this. In conclusion, the authors state that the Soviet pension system of the early 1930s largely depended on the political situation, and draw attention to the unresolved issue of the primary rehabilitation of the writer's nephew.

Key words: scientist, academic pension, length of service, personal pension provision, disability, pension amount, “Academic case”, rehabilitation

For citation: Zhirkova, M. A. and Kapustina, O. V. (2022), ‘An intellectual in the Soviet pension system of the early 1930s: “pension history” of A. A. Dostoevsky’, *Intelligentsia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 4: 69—89 (in Russ.).

Введение

Актуальность. Изучение биографий отдельных представителей интеллигенции в контексте деятельности государственных систем позволяет оценить масштабные исторические события с точки зрения обычного человека. Особый интерес представляют

судьбы тех из них, что связаны родственными узами с выдающимися деятелями российской культуры.

Постановка вопроса. В данной работе предпринята попытка исследования проблем пенсионного обеспечения А. А. Достоевского (1863—1933) — племянника Ф. М. Достоевского, сына его младшего брата, Андрея Михайловича (1825—1897), возникших в период решения вопроса об установлении ему пенсии на фоне исторических событий начала 1930-х гг. Андрей Андреевич Достоевский — широко образованный ученый, высоко нравственный человек, принимавший активное участие в судьбах родственников и сослуживцев, попавших в кризисные ситуации. Нам предстоит выяснить, какие пенсионные возможности предоставляло советское государство в заявленный период представителям интеллигенции, и как повлиял на пенсионные права племянника писателя факт его ареста по «Академическому делу».

Историографический обзор. Судьба Андрея Андреевича не осталась без внимания исследователей. Основные этапы его жизненного пути отражены в «Хронике рода Достоевских», где представлены краткие биографические сведения, а также связанные с его именем отрывки из писем, дневников, воспоминаний [Богданов, Тихомиров, Новожилова, 2012]. Заслуживает внимания биографический очерк С. В. Белова, посвященный столетию со дня рождения племянника писателя [Белов, 1963]. Автор делает акцент на его заслугах в качестве ученого-географа (за активное участие в капитальном труде П. П. Семенова-Тян-Шанского, посвященном истории Русского географического общества, А. А. Достоевский был удостоен серебряной медали); подчеркивает такие качества его характера, как скромность, исполнительность, аккуратность, честность, отзывчивость. По данным биографа, А. А. Достоевский в годы Гражданской войны нес обязанности по обеспечению семейств умерших членов Русского географического общества продовольствием, контролировал предоставление льгот [Белов, 1963: 373].

О своем родственнике рассказывает правнук Ф. М. Достоевского — Дмитрий Андреевич [Достоевский, 2007], отмечая, что между вдовой писателя и его племянником сложились очень теплые отношения. Именно к нему А. Г. Достоевская обращалась с просьбой повлиять на свою дочь. Андрей Андреевич

искренне переживал в связи с выходом за рубежом книги воспоминаний Любви Федоровны об отце, считая, что она искажает реальные факты. Он также был душеприказчиком всех завещаний вдовы писателя. «Чудесный Вы человек и истинный наш друг!» — слова Анны Григорьевны, обращенные к нему [Достоевский, 2007: 569].

Об участии племянника писателя в защите памяти Федора Михайловича от обвинений в «ставрогинском» грехе, сделанных литературным критиком Н. Н. Страховым, пишет И. С. Андрианова, опять-таки подчеркивая дружбу Андрея Андреевича с вдовой [Андрианова, 2015a]. Письма Анны Григорьевны, адресованные А. А. Достоевскому, представлены в журнале «Неизвестный Достоевский» [Андрианова, 2015b]. Переписка касается защиты доброго имени писателя от клеветы в известном письме критика к Л. Н. Толстому, а также финансовых вопросов, связанных с публикацией романа Любви Федоровны «Адвокатка».

И. Д. Якубович, рассказывая о вкладе ученых Пушкинского Дома в развитие достоевсковедения, не забывает и о роли А. А. Достоевского, предоставившего материалы для выставки, посвященной столетию со дня рождения писателя, и сдавшего в Рукописный отдел Пушкинского Дома собрание писем и воспоминаний своего отца и брата писателя, Андрея Михайловича [Якубович, 2007: 4—5]. Исследователь придает большое значение работе Андрея Андреевича по подготовке и публикации книги воспоминаний отца, которую он снабдил вступительной статьей, комментариями и семейной перепиской, заметив, что «Воспоминания А. М. Достоевского стали основным источником сведений о детских годах жизни Ф. М. Достоевского в Москве» [Якубович, 2007: 6].

В статье Е. Ю. Выставкиной изучен биографический очерк А. А. Достоевского о П. П. Семенове-Тян-Шанском, который родственники путешественника считают лучшим. На стилистике и содержании очерка сказалось личное отношение Андрея Андреевича к исследователю Центральной Азии, с которым он был дружен, а также то, что и сам автор очерка являлся профессионалом-географом [Выставкина, 2012].

Краткие биографические сведения о А. А. Достоевском содержатся в справочнике «Ученые — фондообразователи

Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук» с указанием занимаемых им в разные периоды должностей и списка его основных научных трудов [Июдо, 2019].

Также имя А. А. Достоевского упоминается в материалах «Академического дела» [Академическое дело, 2015а: 115; Академическое дело, 2015b: 1383, 1440] и в соответствующих исследованиях [Перченко, 1995: 212, 224].

Таким образом, основное внимание ученых уделено профессиональной деятельности племянника писателя и его взаимоотношениям с родственниками Ф. М. Достоевского. Подробности пенсионного обеспечения Андрея Андреевича остались вне их поля зрения. Единственное упоминание А. А. Достоевского в контексте исследования проблем персонального пенсионного обеспечения по случаю потери кормильца принадлежит одному из авторов данной работы [Капустина, 2021].

Источниковедческий обзор. В качестве основных источников в работе использованы хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) документы, в которых рассматривался вопрос о возможности установления А. А. Достоевскому персональной пенсии за его собственные заслуги в совокупности с заслугами его великого дяди, а именно: «Заключение по ходатайству Академии Наук Союза ССР о назначении персональной пенсии А. А. Достоевскому»¹, подготовленное консультантом Елинером (инициалы не указаны) 11 октября 1931 г., и Выписка из протокола заседания Секретариата ЦИК СССР от 13 декабря 1931 г. № 27, подписанная А. Енукидзе². Кроме этого, нами проанализированы советские нормативные акты 1920—1930-х гг., позволяющие понять реалии пенсионного обеспечения того времени, и свидетельства современников о последних годах жизни племянника писателя, в том числе о сложной ситуации, в которой он оказался в начале 1930-х гг.

¹ Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р3316. Оп. 33. Д. 22. Л. 4—5 (далее: ГА РФ).

² ГА РФ. Ф. Р3316. Оп. 33. Д. 22. Л. 1.

Методология и методы исследования

Прежде всего, авторы руководствуются принципами историзма, системности и научной объективности. Историко-биографический метод позволяет увидеть, как один факт биографии советского гражданина в определенный исторический период может повлиять на его гражданские, в том числе пенсионные права. При помощи сравнительно-правового метода мы выявляем общие и специфические нормы пенсионного обеспечения различных категорий советских граждан в начале 1930-х гг.

Основная часть

Накануне «пенсионной истории»

На момент революции 1917 г. А. А. Достоевский, ученый-географ, статистик, действительный член Русского географического общества, был уже немолодым человеком (54 года). Тем не менее, основным источником средств его существования оставался заработок. Трагический эпизод его жизни связан с Пушкинским Домом, сотрудником которого он являлся в 1925—1930 гг.

В 1920-е гг. В. С. Нечаева, директор первого музея-квартиры Ф. М. Достоевского в Москве, встречалась с Андреем Андреевичем и вспоминала о нем так: «Специальность статистика, служба чиновником в Министерстве внутренних дел, одинокая жизнь <...> — все это наложило своеобразный отпечаток на шестидесятилетнего старика, каким я его впервые увидела в маленькой квартирке на Почтамтской улице. Образ А. А. Достоевского у меня как-то невольно ассоциировался с представлением о типичных петербургских чиновниках царского времени <...>. Бритый подбородок и усы, немножко старомодная, очень любезная, но всегда какая-то официально вежливая и осторожная речь, не отражающая ни положительных, ни отрицательных эмоций» [Богданов, Тихомиров, Новожилова, 2012: 623].

В 1930-м г. в доме на улице Союза Связи, бывшей Почтамтской, с ним поселился внук Ф. М. Достоевского, тоже Андрей, который с юмором описывал быт академика-дяди, чисто «буржуазный», с шелковыми одеялами, уютной кошкой, с комическими подробностями о дядиной экономке; с большим сарказмом представлял заседание Географического общества, на которое

привлек его дядя, живо рисовал тогдашний его состав — «траченных молью» старичков и дам в «бывших бальных платьях» на «бывших» фигурах» [Богданов, Тихомиров, Новожилова, 2012: 625]. Однако спокойная жизнь вскоре закончилась.

Процессы «огосударствления и идеологизации», «полного переустройства науки» [Перченко, 1995: 202, 203], внедрения в ряды «буржуазной» науки ученых-марксистов и формирования нового коммунистического сознания привели к тому, что началась чистка рядов Академии наук, сопровождаемая изъятием архивных документов. Первые аресты состоялись в 1929 г., в 1930-м году прокатилась следующая волна. 14 ноября 1930 г. Андрей Андреевич Достоевский был арестован НКВД по обвинению в том, что он состоял членом контрреволюционного «Всенародного союза борьбы за возрождение свободной России», возглавляемого директором Пушкинского Дома академиком С. Ф. Платоновым («Академическое дело»). Согласно данным биографов, 10 февраля 1931 г. А. А. Достоевский был осужден «тройкой» ПП ОГПУ и проговорен к пяти годам концлагерей. Проживавший вместе с осужденным двоюродным дядей Андрей Федорович Достоевский сообщил о случившейся беде А. В. Луначарскому. Благодаря помощи А. В. Луначарского и М. И. Калинина произошел пересмотр дела. Позднее внук писателя вспоминал: «Накануне 1 мая 1931 г. Андрей Андреевич явился домой в арестантской одежде» [Богданов, Тихомиров, Новожилова, 2012: 626]. Уже после его возвращения, 30 мая 1931 г., постановлением коллегии ОГПУ по пересмотру дела определено приговор считать условным. 30 июня 1989 г. он реабилитирован (посмертно) как жертва репрессий, имевших место в период 1930—40-х и начала 50-х гг. [Богданов, Тихомиров, Новожилова, 2012: 625].

А вот как об этом же в Заключении о праве на пенсию, ссылаясь на Андрея Андреевича, пишет консультант Елинер: «А. А. Достоевский в своем жизнеописании сообщает, что с преобразованием в ноябре 1930 года Пушкинского Дома в Институт Новой Русской Литературы он был освобожден от работы в Пушкинском Доме и тогда же арестован и, что в феврале 1931 года Тройкой ПП ОГПУ осужден на пять лет концлагеря, но через два месяца

после приговора (в апреле 1931 года) был реабилитирован и возвращен на свободу с правом проживать в Ленинграде»³.

В соответствии с действовавшей в тот период Инструкцией Всероссийского Совета Социального Страхования при НКТ РСФСР «О порядке лишения пенсии и пособия по безработице»⁴ лица, приговоренные к принудительным работам или осужденные условно, не лишались права на получение пенсии, если они не были лишены этого права на тот или иной срок специальным указанием в приговоре суда. Таким образом, А. А. Достоевский в принципе мог претендовать на пенсию, будучи условно осужденным без оговоренного в приговоре пункта о лишения пенсии. Или, если верить ему самому, первичная реабилитация все же имела место в 1931 г. Тем не менее, после описанных событий его здоровье оказалось подорванным, и в сентябре 1933 г. А. А. Достоевский скончался от воспаления легких [Белов, 1963: 373]. Поэтому вся «пенсионная история» А. А. Достоевского по времени уложилась в период с 1 мая 1931 г. (момент освобождения) по 13 сентября 1933 г. (дата смерти).

Характеристика советской пенсионной системы начала 1930-х гг.

Любая пенсионная система представляет собою совокупность институтов и норм, обеспечивающих установление и выплату пенсий определенным категориям лиц в зависимости от имеющихся приоритетов и финансовых возможностей. Советское пенсионное обеспечение довоенных лет в связи с недостаточностью финансирования (в частности, рост доходов социального страхования во второй половине 1920-х гг. еще не покрывал рост расходов⁵) было чрезвычайно прагматичным и поддерживало тех своих граждан, которые с точки зрения государства приносили наибольшую пользу для его защиты, развития народного хозяйства

³ Там же. Л. 4—4 об.

⁴ О порядке лишения пенсии и пособия по безработице, выдаваемых органами социального страхования: Инструкция Всероссийского Совета Социального Страхования при НКТ РСФСР от 23 апреля 1930 г. № 65 // Известия НКТ СССР. 1930. № 17—18.

⁵ ГА РФ. Ф. Р5528. Оп. 1. Д. 303. Л. 2.

или решали некие тактические задачи (например, борьба медиков с эпидемиями).

В 1931 г. на момент рассмотрения вопроса о пенсионном обеспечении А. А. Достоевского параллельно действовало несколько нормативных актов, регулирующих «возрастное» пенсионное обеспечение советских граждан. Наиболее многочисленными категориями трудящихся Советского Союза пенсионировались в соответствии с «Положением о пенсиях и пособиях по социальному страхованию»⁶, согласно которому все лица, работающие по найму, имели право на пенсию по инвалидности в случае наступления у них стойкой нетрудоспособности, в том числе по причине старческой дряхлости. На пенсию по старости в начале 1930-х гг., т. е. во время двух первых пятилеток, могли претендовать только рабочие. На служащих пенсионное обеспечение по старости распространили с 1 августа 1937 г.⁷ Пенсии, установленные на основании Положения 1930-го г., если они не были назначены по причине трудового увечья или профессионального заболевания, а также за работу под землей или в горной промышленности, назывались пенсиями на общих основаниях. Пенсия по старости назначалась в размере не менее половины прежнего заработка пенсионера от работы по найму. При этом средний размер зарплаты рабочего в промышленности и на транспорте в 1928 г. был равен 70,24 руб. [Головин, 2008: 179].

Возвращаясь к пенсиям по инвалидности, которые могли быть назначены гражданам преклонного возраста, не являющимся рабочими, нужно сказать, что в СССР до 1932 г. существовала шестигрупповая система. Первая группа устанавливалась нетрудоспособным лицам, нуждающимся в постоянном постороннем уходе, вторая — нетрудоспособным, которые могли себя обслуживать самостоятельно. Группы с третьей по шестую — гражданам, сохранившим остаточную трудоспособность. Согласно

⁶ Положение о пенсиях и пособиях по социальному страхованию: Постановление ЦИК и СНК СССР от 13 февраля 1930 г. // СЗ СССР. 1930. № 11. Ст. 132.

⁷ Об улучшении государственного социального страхования для служащих: Постановление СНК СССР от 31 июля 1937 г. № 1232 // СЗ СССР. 1937. № 19. Ст. 203.

Положению 1930 г., инвалиду первой группы пенсия назначалась в размере его полного заработка от работы по найму, если инвалидность наступила вследствие несчастного случая, связанного с работой по найму, или вследствие профессионального заболевания; в размере не менее двух третей его заработка от работы по найму, если инвалидность наступила вследствие других причин. Инвалидам прочих групп пенсия назначалась «в пониженных размерах в зависимости от групп инвалидности, к которым они отнесены»⁸. По данным наркома соцобеспечения РСФСР И. А. Наговицына, на 1 апреля 1927 г. среднемесячные нормы пенсий для инвалидов второй группы составляли 14 руб. 21 коп.⁹ Справедливости ради нужно сказать, что в годы первой пятилетки (1928—1932 гг.) расходы на социальное страхование выросли и ежегодное увеличение средней годовой нормы пенсий по первым трем группам инвалидности, согласно пятилетнему плану, должно было составить 4—5 %. В частности, плановая годовая норма по 2-й группе инвалидности без надбавок в 1931—32 гг. равнялась 240 руб.¹⁰

Следующим видом пенсионного обеспечения, предназначенным для лиц преклонного возраста, являлось обеспечение за выслугу лет, требующее выработки определенного стажа в наиболее значимых для советского государства областях деятельности: в 1925 г. были введены пенсии для педагогических работников, в 1929 г. — для медицинских и ветеринарных работников сельских местностей и рабочих поселков. Пенсия им устанавливалась при наличии 25 лет выслуги и обычно не достигала ста рублей. Например, в 1931 г. размер пенсий оставивших работу учителей и сельских врачей составлял половину средней месячной заработной платы за последние 12 месяцев до назначения пенсии. При этом «в 1932 году <...> ставки для учителей начальной

⁸ Положение о пенсиях и пособиях по социальному страхованию: Постановление ЦИК и СНК СССР от 13 февраля 1930 г.

⁹ *Наговицын И.* Социальное обеспечение в РСФСР // Известия. 1928. 31 марта.

¹⁰ Государственный архив Владимирской области. Ф. Р1166. Оп. 1. Д. 24. Л. 6—6 об.

школы были установлены от 69 до 115 руб., для педагогов средней школы от 106 до 164 руб.» [Ерохина, 2016: 20].

Важность научных исследований для развития советского народного хозяйства обусловило появление пенсий за выслугу лет для ученых, иначе «академических» пенсий, уже в 1924 г. Декрет Совета Народных Комиссаров РСФСР (СНК РСФСР) устанавливал право на пенсионное обеспечение для научных работников вузов без уточнения конкретного пенсионного возраста при наличии двадцатипятилетней выслуги лет и по достижении 65 лет — при десятилетней¹¹. В 1930 г. права ученых были еще раз конкретизированы¹². Как и прежде сотрудникам вузов и научных учреждений полагалось выработать 25 лет научного стажа, однако пенсионное обеспечение в 65-летнем возрасте требовало отработать десять лет именно при советской власти. В перечне претендентов на академическую пенсию значились: штатные профессора и преподаватели вузов; действительные члены и научные сотрудники (первого и второго разрядов) научных учреждений РСФСР, состоящие как на государственном, так и на местном бюджете; штатные преподаватели рабочих факультетов; преподаватели советско-партийных школ. Высокий статус академических пенсий подтверждала процедура их установления: право на такую пенсию рассматривалось состоящей при Народном Комиссариате Социального обеспечения (НКСО) РСФСР Комиссией по назначению персональных пенсий. В первой половине 1930-х гг. академические пенсии получали: Н. М. Чернышевская-Быстрова (внучка писателя, директор музея его имени) — 125 руб. в месяц до декабря 1935 г.¹³; бывший хранитель Пушкинского Дома Н. Е. Рейнбот — 200 руб. с 25 апреля 1932 г.¹⁴ В 1937 г. академическая пенсия также в размере 200 руб. в месяц

¹¹ Положение о научных работниках высших учебных заведений: Декрет СНК РСФСР от 21 января 1924 г. // СУ РСФСР. 1924. № 7. Ст. 44.

¹² Положение об обеспечении пенсиями за выслугу лет научных работников высших учебных заведений и научных учреждений РСФСР, преподавателей рабочих факультетов и приравненных к ним школьных работников: Постановление СНК РСФСР от 16 марта 1930 г. // СУ РСФСР. 1930. № 16. Ст. 200.

¹³ ГА РФ. Ф. А539. Оп. 5. Д. 33. Л. 1.

¹⁴ Там же. Ф. Р3316. Оп. 25. Д. 765. Л. 5.

была назначена вдове старшего внука А. С. Пушкина — А. П. Зейлих-Пушкиной¹⁵.

Наиболее престижными в советском государстве являлись персональные пенсии, устанавливаемые за особые заслуги в области революционной, государственной, общественной, хозяйственной или культурной деятельности, ставшие составной частью советской системы привилегий [Мэтьюз, 1992: 58]. С конца 1920-х гг. внутри советской пенсионной системы стала формироваться трехуровневая автономная система (подсистема) персонального пенсионного обеспечения: союзного, республиканского и местного значения¹⁶. Однако введенные в 1928 г. союзные пенсии, предполагающие повышенные размеры пенсий и увеличенный пакет льгот, в начале 1930-х гг. еще не получили широкого распространения. Зачастую союзные республики поощряли своих выдающихся граждан самостоятельно. В 1931 г. персональные пенсии республиканского значения (РСФСР) ежемесячно получали: актриса МХАТа О. Л. Книппер-Чехова (жена писателя)¹⁷ и Я. Э. Держинская (сестра наркома)¹⁸ в размере 150 руб.; художник К. С. Петров-Водкин — 225 руб.¹⁹; Д. И. Ульянов (брат В. И. Ленина) — 300 руб.²⁰ В середине 1930-х гг. — начале 1940-х гг. многие пенсионеры республиканского значения, заслуги которых сочтут наиболее значимыми для советского государства, будут переведены на союзные пенсии.

Размеры персональных пенсий, как союзных, так и республиканских, определялись компетентными органами (Советом

¹⁵ Там же. Ф. А539. Оп. 4. Д. 7887. Л. 10.

¹⁶ Положение об обеспечении персональными пенсиями лиц, имеющих исключительные заслуги перед республикой: Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 21 мая 1928 г. // СУ РСФСР. 1928. № 56. Ст. 420; Положение об обеспечении персональными пенсиями лиц, имеющих исключительные заслуги перед Республикой: Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 20 мая 1930 г. // СУ РСФСР. 1930. № 25. Ст. 325; О персональных пенсиях: Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 30 мая 1928 г. // СЗ СССР. 1928. № 35. Ст. 315.

¹⁷ ГА РФ. Ф. А539. Оп. 1. Д. 637. Л. 1 об.

¹⁸ Там же. Оп. 5. Д. 28. Л. 1 об.

¹⁹ Там же. Оп. 1. Д. 1121. Л. 7 об.

²⁰ Там же. Оп. 3. Д. 9248. Л. 1 об.

Народных Комиссаров СССР, Комиссией при НКСО РСФСР) в каждом отдельном случае в зависимости от характера заслуг претендентов, степени утраты ими трудоспособности, степени нуждаемости и количества подлежащих обеспечению членов семьи. Ограничение устанавливалось на уровне полуторного размера основной высшей ставки тарифа ответственных политических работников для соответствующей местности (в 1925 г. наивысшая ставка ответственного партработника составляла 175 руб. [Мэтьюз, 1992: 49]). Впрочем, существовали и исключения.

Последним вариантом пенсионного обеспечения престарелых советских граждан в исследуемый период являлись пенсии по случаю потери кормильца (СПК) за умерших или погибших супругов, родителей и даже детей. Нормы этого вида пенсий зависели от категории, к которой относился умерший кормилец: являлся ли он рабочим, сотрудником научного учреждения или имел исключительные заслуги перед государством. Основное условие назначения пенсий по СПК — нахождение претендента на иждивении умершего кормильца, иначе, на его полном содержании. Единственным исключением были персональные пенсии, в ряде случаев игнорирующие это условие.

Рассмотрение вопроса о назначении пенсии А. А. Достоевскому

Как было сказано выше, основным документом, содержащим сведения о пенсионных проблемах А. А. Достоевского, является Заключение по ходатайству Академии Наук СССР, подготовленное консультантом Елинером в октябре 1931 г. Согласно этому документу, первоначально Академия наук ходатайствовала о назначении племяннику писателя академической пенсии, однако установление пенсии этого вида требовало четкого выполнения условий. Народный Комиссариат Финансов (НКФ) в июле 1931 г. отклонил ходатайство «о назначении пенсии Достоевскому, как научному сотруднику за выслугой лет, за недостатком у Достоевского установленного постановлением СНК РСФСР от 16 марта 1930 года (СУ 1930 года № 16, ст. 200) научного стажа. <...> Из предоставленной копии трудового списка Достоевского видно, что в Пушкинском доме он состоял научным сотрудником

1-го разряда с 1 ноября 1925 года по 16 ноября 1930 года»²¹, т. е. всего пять советских лет вместо требуемых десяти.

Второе ходатайство Академии наук, подготовленное ее неперменным секретарем, было составлено о назначении Андрею Андреевичу персональной пенсии, причем союзного значения. Так как персональные пенсии назначались за заслуги претендента или его умершего кормильца перед государством, при этом термин «заслуги» не конкретизировался, возможность персонального пенсионного обеспечения существовала: «А. А. Достоевский — племянник писателя Ф. М. Достоевского. Ему 68 лет. К ходатайству прилагаются официальные справки и характеристика А. А. Достоевского и его работ, составленная Президентом Академии Наук. <...> Поскольку работа А. А. Достоевского протекала в учреждениях, близких к столь авторитетному в научном отношении, как Академия Наук СССР, самый факт ходатайства последней о назначении Достоевскому персональной пенсии, несомненно, уже является компетентным подтверждением наличия требуемых законом особых заслуг»²².

По существовавшей практике, если при определении права на персональную пенсию выяснялось, что у кандидата имеются какие-либо сложности с законом или с советской властью в целом, к изучению проблемы привлекались компетентные юристы-консультанты. Именно поэтому в документах претендента появляется Заключение Елинера о назначении персональной пенсии А. А. Достоевскому.

В результате всестороннего исследования документов претендента консультант высказывает мнение о возможности назначения А. А. Достоевскому персональной пенсии союзного значения. Свой вывод он объясняет весьма эмоционально: «А. А. Достоевский является не только работником, особые заслуги которого признаны высшим научным учреждением страны, но и носит имя (писателя) прославленное и как культурная гордость страны, и как мученика за свободу, поскольку то и иное разрешение вопроса получает уже не только юридическое, но и политическое значение: акт справедливости по отношению к работнику, до потери сил трудившемуся, сливается с актом

²¹ ГА РФ. Ф. Р3316. Оп. 33. Д. 22. Л. 4.

²² Там же. Л. 4 об.

посмертной признательности великому писателю и мученику за свободу со стороны высшего выразителя общественного мнения Первой в мире социалистической страны»²³. Далее автор Заключения раскрывает субъективный характер персонального пенсионного обеспечения: «этот акт, по своему исключительному характеру, не должен быть связан обычными рамками законов, что отнюдь не противоречит общему смыслу закона о персональных пенсиях. Самое понятие персональной пенсии предполагает индивидуальный подход и закон, перечисляя категории персональных пенсионеров, прямо предоставляет Совнаркому Союза ССР возможность расширения этих категорий»²⁴.

Консультант рекомендовал назначить племяннику писателя пенсию с учетом статьи 3 и пункта «в» статьи 6 союзного закона от 30 мая 1928 г., т. е. «согласно особому в каждом случае постановлению Совета Народных Комиссаров Союза ССР»²⁵. Впрочем, несмотря на все эмоции, консультант называет свое заключение условным: «При даче этого заключения имелось в виду, что Академия наук, представляя А. А. Достоевского к персональной пенсии, исследовала на месте вопрос о реабилитации последнего. Поэтому, если в Ученом Комитете нет положительных сведений о мотивах постановления о пересмотре дела А. А. Достоевского, необходимо затребовать от ПП ОГПУ копию соответствующего постановления»²⁶.

Следующий документ подводит итоги «пенсионной истории» Андрея Андреевича. Выписка из протокола заседания Секретариата ЦИК СССР от 13 декабря 1931 г. № 27, подписанная А. Енукидзе, гласит: «Просить СНК СССР назначить пенсию А. А. Достоевскому на общем основании»²⁷. На этом же документе имеется пометка от 19 января 1932 г.: «НКТ труда сделал распоряжение Ленинградской страхкассе о назначении пенсии по инвалидности по 2 группе»²⁸, т. е. в результате всех разбирательств

²³ Там же.

²⁴ Там же. Л. 4 об.—5.

²⁵ О персональных пенсиях: Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 30 мая 1928 г. // СЗ СССР. 1928. № 35. Ст. 315.

²⁶ ГА РФ. Ф. Р3316. Оп. 33. Д. 22. Л. 5.

²⁷ Там же. Л. 1.

²⁸ Там же.

на самом высшем уровне Андрею Андреевичу вместо персональной пенсии союзного значения была установлена пенсия на общих основаниях.

Заключение

Подводя общие итоги, нужно сказать, что период бюрократической процедуры рассмотрения пенсионных прав А. А. Достоевского растянулся с лета 1931 г. (в июле первый отказ) до января 1932 г. (назначение пенсии по инвалидности 2 группы). Интересно, что при определении права на установление пенсии учитывались как заслуги самого претендента, так и заслуги его знаменитого родственника, что говорит о присутствии в «пенсионной истории» Андрея Андреевича элементов пенсионного обеспечения по случаю потери кормильца.

В результате А. А. Достоевский спустился по трехступенчатой лестнице советских пенсионных возможностей: персональная пенсия, академическая пенсия (за выслугу лет), пенсия на общих основаниях — с самой верхней ступени до самой нижней. Несмотря на освобождение из мест заключения факт ареста по «Академическому делу» не позволил ему получить престижную пенсию, так как имело место подозрение в нелояльности к советской власти. В этом случае не смогло помочь даже ходатайство такого авторитетного учреждения как Академия наук Союза ССР. Таким образом, на примере злослучий Андрея Андреевича можно увидеть зависимость советской пенсионной системы 1930-х гг. от политической конъюнктуры.

И все же Андрей Андреевич не получил отказа в установлении пенсии. Скорее всего, именно родственные связи с великим русским писателем не позволили советским чиновникам оставить А. А. Достоевского совсем без государственной материальной поддержки. Недостаточность пенсионного обеспечения косвенно подтверждена продолжением работы пенсионера в качестве технического сотрудника Гидрологического института.

В заключение нужно сказать, что пенсионные документы определили проблему, решение которой не найдено: возникает вопрос о документальном подтверждении факта первичной реабилитации А. А. Достоевского в 1931 г., упомянутой Елинером

в Заключении со ссылкой на предоставленное претендентом его «жизнеописание»²⁹. Хотя, возможно, Андрей Андреевич не совсем верно понял условия своего освобождения.

Список источников

- Академическое дело 1929—1931 гг.: Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. Вып. 9. Обвинение. Приговор. Реабилитация. Ч. 1 / сост. М. Лепехин. СПб.: Библиотека РАН, 2015а. 451 с.
- Академическое дело 1929—1931 гг.: документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. Вып. 9. Обвинение. Приговор. Реабилитация. Ч. 3 / сост. М. Лепехин. СПб.: Библиотека РАН, 2015b. С. 1233—1642.
- Андреянова И. С.* «Клеветы Страхова», или протест вдовы и племянника Достоевского // *Неизвестный Достоевский*. 2015а. Т. 2. № 3. С. 84—95.
- Андреянова И. С.* Письма А. Г. Достоевской к А. А. Достоевскому (1914—1915) // *Неизвестный Достоевский*. 2015b. Т. 2. № 3. С. 96—113.
- Белов С. В.* Андрей Андреевич Достоевский (К столетию со дня рождения) // *Известия Всесоюзного географического общества*. 1963. Т. 95. Вып. 4. С. 371—373.
- Богданов Н. Н., Тихомиров Б. Н., Новожилова Е. В.* Ветвь Андрея Михайловича Достоевского // *Хроника рода Достоевских* / под ред. И. Л. Волгина. М.: Фонд Достоевского, 2012. С. 620—627.
- Выставкина Е. Ю.* Андрей Андреевич Достоевский как биограф П. П. Семенова-Тян-Шанского: язык и стиль повествования // *Творчество Ф. М. Достоевского в непрощедшем времени России: материалы Всерос. науч. конф. Липецк, 6—7 апр. 2021 г.* Липецк: Липец. гос. пед. ун-т им. П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2021. С. 7—11.
- Головин А. С.* Имущественная дифференциация доходов населения в СССР в 1920—1930 гг. XX в. // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*. 2008. № 66. С. 177—186.
- Достоевский Д.* Достоевские в XX веке // *Достоевский и XX век* / под ред. Т. А. Касаткиной. Т. 1. М.: ИМЛИ РАН, 2007. С. 560—586.

²⁹ ГА РФ. Ф. Р3316. Оп. 33. Д. 22. Л. 4—4 об.

- Ерохина Е. П. «Работа учителя трудна и почетна»: уровень нагрузки и оплаты советского учителя в 1930-е гг. (по материалам Мордовии) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2016. № 5. С. 18—22.
- Иодко О. В. Достоевский Андрей Андреевич // Ученые — фондообразователи Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук: Краткий биографический справочник: Г-И / науч. ред. и сост. Е. Ю. Басаргина, И. В. Тункина. СПб.: «Реноме», 2019. С. 110—111.
- Капустина О. В. Особенности персонального пенсионирования родственников выдающихся граждан в довоенные годы // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2021. Т. 66. Вып. 2. С. 404—420.
- Мэтьюз М. Становлением системы привилегий в Советском Союзе // Вопросы истории. 1992. № 2—3. С. 45—61.
- Перченко Ф. Ф. Дело «Академии наук» и «великий перелом» в советской науке // Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР: сб. ст. / сост., авт. предисл. И. Г. Арефьева. М.: Наука, 1995. С. 201—235.
- Якубович И. Д. Достоевский в Пушкинском Доме // Достоевский: материалы и исследования / отв. ред. Н. Ф. Буданова, И. Д. Якубович. СПб.: Наука, 2007. Т. 18. С. 3—26.

References

- Andrianova, I. S. (2015a), ‘“The Slander of Strakhov”, or the protest of Dostoevsky’s widow and nephew’, *Neizvestnyi Dostoevskii* [Unknown Dostoevsky], vol. 2, no. 3: 84—95.
- Andrianova, I. S. (2015b), ‘Letters of A. G. Dostoevskaya to A. A. Dostoevsky’, *Neizvestnyi Dostoevskii* [Unknown Dostoevsky], vol. 2, no. 3: 96—113.
- Belov, S. V. (1963), ‘Andrey Andreevich Dostoevsky (On the centenary of his birth)’, *Izvestiia Vsesoiuznogo geograficheskogo obshchestva* [Proceedings of the All-Union Geographical Society], vol. 95, iss. 4: 371—373.
- Bogdanov, N. N., Tikhomirov, B. N. and Novozhilova, E. V. (2012), ‘The branch of Andrei Mikhailovich Dostoevsky’, in Volgin, I. L. (ed.) *Khronika roda Dostoevskikh* [Chronicle of the Dostoevsky family], Fond Dostoevskogo, Moscow, Russia: 620—627.

- Dostoevskii, D. (2007), ‘Dostoevsky in the twentieth century’, in Kasatkina, T. A. (ed.), *Dostoevskii i XX vek* [Dostoevsky and the XX century], vol. 1, Institut mirovoi literatury Rossiiskoi Akademii Nauk, Moscow, Russia: 560—586.
- Erokhina, E. P. (2016), ‘“The work of a teacher is difficult and honorable”: the level of workload and payment of a Soviet teacher in the 1930s (based on the materials of Mordovia)’, *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N. I. Lobachevskogo* [Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod], no. 5: 18—22.
- Golovin, A. S. (2008), ‘Property differentiation of income of the population in the USSR in 1920—1930. XX century’, *Izvestiia Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A. I. Gertsena* [Proceedings of the Russian Herzen State Pedagogical University], no. 66: 177—186.
- Iodko, O. V. (2019), ‘Dostoevsky Andrey Andreevich’, in Basargina, E. Yu., Tunkina, I. V. (eds), *Uchenye — fondonobrazovateli Sankt-Peterburgskogo filiala Arkhiva Rossiiskoi akademii nauk: Kratkii biograficheskii spravochnik: G-I* [Scientists — fund-creators of the St. Petersburg branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences: Brief biographical guide: G-I], “Renome”, St. Petersburg, Russia: 110—111.
- Kapustina, O. V. (2021), ‘Features of personal pensions of relatives of prominent citizens in the pre-war years’, *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriiia* [Vestnik of St. Petersburg University. History], vol. 66, iss. 2: 404—420.
- Lepekhin, M. (comp.), (2015a), *Akademicheskoe delo 1929—1931 gg.: Dokumenty i materialy sledstvennogo dela, sfabrikovannogo OGPU* [Academic case of 1929—1931: documents and materials of the investigative case fabricated by the OGPU], iss. 9, Obvinenie. Prigovor. Reabilitatsiia, part. 1, Biblioteka RAN, St. Petersburg, Russia.
- Lepekhin, M. (comp.), (2015a), *Akademicheskoe delo 1929—1931 gg.: Dokumenty i materialy sledstvennogo dela, sfabrikovannogo OGPU* [Academic case of 1929—1931: documents and materials of the investigative case fabricated by the OGPU], iss. 9, Obvinenie. Prigovor. Reabilitatsiia, part. 3, Biblioteka RAN, St. Petersburg, Russia.
- Matthews, M. (1992), ‘The formation of the system of privileges in the Soviet Union’, *Voprosy istorii* [Questions of history], no. 2—3: 45—61.
- Perchenok, F. F. (1995), ‘The case of the “Academy of Sciences” and the “great turning point” in Soviet science’, in Arefieva I. G. (ed.) *Tragicheskie sud’by: repressirovannye uchenye Akademii nauk SSSR*

- [Tragic fates: repressed scientists of the USSR Academy of Sciences], Nauka, Moscow, Russia: 201—235.
- Vystavkina, E. Yu. (2021), ‘Andrey Andreevich Dostoevsky as the biographer of P. P. Semenov-Tyan-Shansky: language and style of narration’, in Kondrat’ev, A. S., Popova, E. A. (eds), *Tvorchestvo F. M. Dostoevskogo v neproshedshem vremeni Rossii: materialy Vserossiiskoi nauchoi konferentsii* [The work of F. M. Dostoevsky in the Non-past tense of Russia: materials of the All-Russian Scientific Conference], Lipetsk, Russia, 6—7 April 2021, Lipetskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet imeni P. P. Semenov-Tian-Shanskogo, Lipetsk: 7—11.
- Yakubovich, I. D. (2007.) ‘Dostoevsky in Pushkin House’, in Budanova, N. F. and Iakubovich, I. D. (eds), *Dostoevskii. Materialy i issledovaniia* [Dostoevsky. Materials and research], vol. 18, Nauka, St. Petersburg, Russia: 3—26.

Статья поступила в редакцию 14.02.2022; одобрена после рецензирования 11.03.2022; принята к публикации 23.03.2022.

The article was submitted 14.02.2022; approved after reviewing 11.03.2022; accepted for publication 23.03.2022.

Информация об авторах / Information about the author

М. А. Жиркова — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры журналистики и литературного образования, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Россия.

О. В. Капустина — кандидат исторических наук, заместитель начальника отдела, государственное учреждение — Отделение Пенсионного фонда РФ по Владимирской области, Россия.

М. А. Zhirkova — Candidate of Science (Philology), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Journalism and Literary Education, Leningrad State University named after A. S. Pushkin, St. Petersburg, Russia.

О. V. Kapustina — Candidate of Science (History), Deputy Head of Department, State institution — Branch of the Pension Fund of the Russian Federation for the Vladimir Region, Vladimir, Russia.

Интеллигенция и мир. 2022. № 4. С. 90—100.

Intelligentsia and the World. 2022. No. 4. P. 90—100.

Интервью

УДК 1:316(378)

DOI: 10.46725/IW.2022.4.5

НОМО АГЕНС: С ПРАВОМ НА СЧАСТЬЕ
(интервью О. Н. Масленниковой с профессором
Ивановского государственного университета
В. И. Назаровым)

Ольга Николаевна Масленникова

Ивановский государственный университет, Иваново, Россия,
onmaslennikova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1016-3308>

Владимир Иванович Назаров

Ивановский государственный университет, Иваново, Россия,
vi-nazarov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0635-8236>

Аннотация. Данное интервью — симбиоз известных интерпретаций жанра интервью как способа получения и как способа предоставления информации. Профессор Ивановского государственного университета, доктор психологических наук Владимир Иванович Назаров достиг высот в академической карьере, известен исследованиями в области социальной психологии, анализом структурных механизмов социальной перцепции в управлении, представляет классический пример единства научно-исследовательской и педагогической деятельности. Интервью — это не только разговор о профессии, это разговор о творческих ориентирах, личных историях, жизненных смыслах профессора В. И. Назарова.

Ключевые слова: психология, научная школа, Ивановский государственный университет, деятельность

Для цитирования: Масленникова О. Н., Назаров В. И. Номо Agens: с правом на счастье (интервью О. Н. Масленниковой с профессором Ивановского государственного университета В. И. Назаровым) // Интеллигенция и мир. 2022. № 4. С. 90—100.

© Масленникова О. Н., Назаров В. И., 2022

Interview

HOMO AGENS: WITH THE RIGHT TO HAPPINESS (interview of O. N. Maslennikova with Professor of Ivanovo State University V. I. Nazarov)

Olga N. Maslennikova

Ivanovo State University, Ivanovo, Russia,
onmaslennikova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1016-3308>

Vladimir I. Nazarov

Ivanovo State University, Ivanovo, Russia,
vi-nazarov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0635-8236>

Abstract. This interview is a symbiosis of well-known interpretations of the interview genre as a way of obtaining and as a way of providing information. Professor of Ivanovo State University, Doctor of Psychology Vladimir Ivanovich Nazarov has reached the heights in his academic career, is known for research in the field of social psychology, analysis of the structural mechanisms of social perception in management, and is a classic example of the unity of research and teaching activities. The interview is not only a conversation about the profession, it is a conversation about creative guidelines, personal stories, life meanings of Professor V. I. Nazarov.

Keywords: psychology, scientific school, Ivanovo State University, activity

For citation: Maslennikova, O. N. and Nazarov, V. I. (2022), ‘Homo Agens: with the right to happiness (interview of O. N. Maslennikova with Professor of Ivanovo State University V. I. Nazarov)’, *Intelligentsia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 4: 90—100 (in Russ.).

Идея взять интервью у профессора Владимира Ивановича Назарова накануне его юбилейного дня рождения — это не только дань уважения доброй традиции чествования достойного человека, но и приглашение к разговору, на который трудно решиться без внешних поводов.

Глубокое классическое образование, научные достижения, педагогические открытия, высокая культура, академическая карьера в вузе, свой особенный стиль — это известные составляющие успеха профессора Назарова. Безусловно, мы гордимся знакомством и совместной работой с талантливым человеком, профессионалом, интересной личностью. Право приблизиться к этому чувству/знанию имеют и наши студенты, и наши коллеги, и все, кто интересуется живой жизнью академической вузовской среды.

Итак, о творческих ориентирах, личных историях, жизненных смыслах профессора В. И. Назарова читайте в печатной версии интервью.

О. Н. Масленникова: Уважаемый Владимир Иванович, самые сердечные поздравления с 70-летием! Спасибо, что откликнулись на приглашение к разговору. Весьма известна мысль, что в нашей жизни нет ничего случайного. Совокупность каких обстоятельств сделала Вас тем, кем Вы стали, кем Вы являетесь? Кто те авторитеты, чье мнение, знание определили Ваш научный стиль, интерес, область научных изысканий, модель профессионального и человеческого поведения?

В. И. Назаров: Если не о служебной карьере, то надо немного юмора, и я ответил бы в этом случае так. Вам пришло неожиданное наследство. Вот это обстоятельство делает человека таким, каким он становится. То же, если на вас «свалится» что-то очень благоприятствующее, но по значимости равноценное наследству — так тоже может случиться. Но при такой динамике успеха его суть остается одна, неожиданное свалилось на вас и вы стали иным. В моей прошедшей части жизни подобного не случилось. За одним исключением: мне в переломные периоды судьбы выпала удача встретить людей, которые или научили, или подсказали, где и в чем будет выход. Опять же это были не спустившиеся с тучек люди, а те, кто помог находить нужные цели и действия и чего-то тем самым добиваться, не предаваться унынию, а отвечать за свои уже новые поступки и дела во имя «моего» же будущего. Такую психологию во мне, безусловно, заложили родители. Папа с 1938 г. участвовал в 4-х войнах, с его же слов — посмотрелся и навоевался. Так, еще 11. 12. 1941 г. на Калининском фронте, будучи командиром минометной роты,

получил тяжелейшее ранение с перспективой стать инвалидом-ампутантом. Мама — старший военфельдшер в госпитале у нас на ул. Демидова, она тогда же операционная сестра — против всех распоряжений хирургов (требования ВПХ указывали на ампутацию) спасла ему руку. Три раза отвечала особисту госпиталя на вопрос «почему Вы решили помогать именно этому лейтенанту». Прямо как у Владимира Семеновича: «...особист Суэтин — неутомимый наш! — Еще тогда заметил и взял на карандаш...». Отец остался в армии, в 1947 г. был в «командировке» (считай, пятая война) на западе Украины. Его самомотивация, внутренняя нацеленность и выдержка перед лицом трудностей, ответственность за себя, может быть, немного перешли и ко мне. Говоря о превратностях судьбы, мой дедушка (по линии мамы), которого судьба напрягала не раз, говорил о пережитом: «Учись, внучек, все-му, в жизни всё пригодится». Иными словами, как всё сложится — не угадаешь, а надо иметь «арсенал» психологических качеств и навыков, чтобы устоять и двигаться вперед. Говорил осознанно, в 1946 г. ему в суде удалось добиться, чтобы переквалифицировали его политическую статью («статья 58») на не политическую (редкий случай), но срок, хотя и меньший, оставили.

А дальше не могу не назвать моих учителей, ставших родными по судьбе, готовивших меня к «жизни»: доктора медицинских наук Михаила Борисовича Сазонова, доктора психологических наук Роальда Борисовича Гительмахера, заслуженного деятеля науки, профессора Виктора Васильевича Новикова. Конечно, это и многое иное подвело меня только к одному из всех названий человека — НОМО АGENS (человек действующий).

О. Н. Масленникова: Среди важных вопросов бывают такие, которые выглядят банально, однако без них трудно представить историю человека. Владимир Иванович, почему Вы стали психологом, выбрали психологию своей профессиональной стезей?

В. И. Назаров: Хочется отметить, что если я могу называться психологом, то работающим в части научной психологии, в рамках прикладной психологии я не работал. Поэтому при ответе на этот вопрос могу сказать, что на всех этапах трудовой деятельности оставался разработчиком научных вопросов системной организации жизнедеятельности. Иногда эти вопросы поднимаются до философских проблем, но там уже не мое. Психология в этом

плане — поле, поцарапанное плугами, но непаханое. Работать на нем мне очень интересно. Поэтому никаких резких смен вектора интересов у меня не случилось. Если более предметно, то и сейчас меня интересует «прогнозирование изменений отношения сотрудников к непосредственному руководителю».

О. Н. Масленникова: Владимир Иванович, в чем, на Ваш взгляд, задача психологии? В чем назначении психолога?

В. И. Назаров: Роль психологии как науки вижу в раскрытии психологических механизмов, которые являют собой ресурсы для улучшения нашей — и персональной и общей — жизни в социуме. Здесь можно желать только всего, что эту жизнь улучшает. Жизнь меняется одновременно в сторону усложнения и улучшения, но также и негативного влияния на человека. Можем находить массу примеров применения манипулятивных технологий влияния на группы и общности людей, вплоть до телефонного мошенничества и «прочистки мозгов», таковыми являются торговый маркетинг, реклама, смена культурных принципов, уменьшение сплоченности групп в сторону обособления и индивидуальности, обработка массового сознания и многое иное. Это измененное будет во благо или во вред? Такой вопрос для психологов сегодняшнего дня стоит как аналогия вопроса для физиков о «благе» атомной бомбы.

О. Н. Масленникова: Известно, что для формирования научных взглядов исследователя крайне важно его научное окружение, высокий уровень самих исследований и определенная репутация научного коллектива, то, что мы часто обозначаем понятием «научная школа». Что Вы можете сказать об ивановской психологической школе?

В. И. Назаров: Согласен, научное окружение очень важно. Повторюсь, что учителями раз и навсегда для меня стали профессор Р. Б. Гительмахер, а после его непредсказуемо ранней кончины его друг, профессор В. В. Новиков (в тот период лидер научной школы в Ярославле), к сожалению, ушедший из жизни. Здесь же надо сказать, что я в целом воспитанник Ярославской психологической школы (на данном этапе ее работу координирует член-корр. Российской академии образования А. В. Карпов), с которой по сегодняшний день имею творческие связи и совместную деятельность, а также считаю себя в ней «развивающимся учеником». А про Ивановскую психологическую школу я бы ответил так.

Город Иваново в академическом плане — интересный субъект. С 1918 г. в нем началось бурное развитие вузовской среды. В целом доминировали инженерные направления роста. Однако и в тех условиях в нашем городе трудились многие деятели обществоведческой и гуманитарной науки, содействовавшие направленности исследований при становлении Ивановского государственного университета. Так, например, Павел Михайлович Экземплярский, выпускник историко-филологического факультета Московского Императорского университета 1909 г. со знанием трех иностранных языков, имел в дипломе записи о сдаче «испытаний»: по психологии — «весьма удовлетворительно», по политической экономике — «весьма удовлетворительно», по введению в философию — «весьма удовлетворительно». Всего 12 экзаменов. Его многочисленные работы были социологическими, а в ряде положений — социально-психологическими. С 1922 по 1929 г. и позднее тогда еще в Ивановском педагогическом институте работал преподавателем Николай Алексеевич Королев, выпускник Электротехнического института (1904 г., г. Санкт-Петербург, знание 8 иностранных языков). С 1919 по 1938 г. он трудился на разных должностях в вузах и учреждениях Иванова. Среди его монографических изданий ивановского периода многие посвящены краеведению, но при внимательном осмыслении в ряде своих положений они — социально-психологические, а в современных терминах могут быть отнесены к направлениям политической психологии и политической социологии. Этот список можно продолжать, но его персоналии будут едины в одном: они заложили базисные основы обществоведческих и гуманитарных исследований в нашем вузе. Мы помним родившегося на нашей земле Я. А. Пономарева, выдающегося русского психолога, внесшего фундаментальный вклад в изучение психологии интуиции и творческого мышления, который и в зрелый период своей жизни не терял связь с «малой родиной». С 1942 по 1944 г. в Иванове училась и проводила свои ранние научные исследования Н. П. Бехтерева. Ее зачетная книжка хранится в Ивановской медицинской академии. Тесные творческие связи с нашими учеными поддерживает академик Н. В. Кузьмина, ранее значительное время заведовавшая кафедрой в Шуйском педагогическом университете. Также в Ивановском классическом

университете работал профессор В. Н. Куликов, автор одной из первых в нашей стране докторских диссертаций по социальной психологии и учебника по психологии для вузов республики Куба. Яркий след в исследованиях социальных психологов нашего края оставил своим научным творчеством профессор Р. Б. Гительмахер, которого со всеми основаниями можно называть одним из основоположников теории и практики социальной перцепции в управлении. Роальдом Борисовичем на данных производительности труда была доказана необходимость знания руководителем психологии людей на производстве и защищена докторская диссертация. Отмечу: защита прошла в Ленинградском государственном университете в форме научного доклада, что означало признанный вклад в науку и авторитет в ней. С этого момента можно было говорить о формировании научной лаборатории и научной школы ведущего ивановского профессора-психолога, которая стала эпицентром разрастания когорты ученых-психологов региона, проводивших исследования в работающих коллективах, на производствах, в образовательных организациях. Всё, что получалось в эмпирических изысканиях, проходило обсуждение с производственниками, особенно в части рекомендаций для повышения эффективности производства на основе использования психологических факторов. В настоящий период эти работы продолжают на основах применения положений теории метасистемности в изучении структурных механизмов социальной перцепции в управлении.

О. Н. Масленникова: У Вас очень большой опыт научной и управленческой деятельности. Владимир Иванович, как вы полагаете, этот успешный опыт напрямую связан с Вашим знанием психологических механизмов, психических функций? Важна ли психологическая грамотность для современного человека? И если да, с каких азов и когда начинать постигать науку о закономерностях и процессах психической деятельности?

В. И. Назаров: Хотя в научной деятельности я отвел себя от прикладной психологии, но практику ее «изучения» в реальной деятельности, включая анализ своих ошибок, действительно имею. Особенно острым это было в период начала моей работы в комсомоле. Два выговора от Обкома ВЛКСМ я получил, но в части коммуникации, делового общения и стилей руководства

правильные «манеры и приемы» нашел. То, что называют психологической грамотностью, существует во всей своей полноте, частично ей можно обучиться практически: что-то перенимая у успешных людей, при анализе своих просчетов, используя советы и др.

Но главное вижу в работе над ошибками, в использовании своей рефлексии, чтобы эти ошибки подметить и измениться, при этом не доходя до самобичевания. Если вы сделали ошибку, исправьтесь, но «не съедайте» себя раз за разом: вываливание себя в грязи — не лучший способ очиститься. При управленческой работе целесообразнее выступать с конструктивных позиций разрешения ситуации, вопросов конфликтности, осуществления влияния, направляя активность так, чтобы «встроиться» в совместное решение даже тогда, когда вы первым увидели выход...

О. Н. Масленникова: Быть преподавателем — значит быть включенным в обоюдный процесс ученичества. Владимир Иванович, работая со студентами, Вы наверняка замечаете их особенности и отличия от предыдущих поколений студенчества. В чем, на ваш взгляд, сила этого поколения? Чему они учат Вас или могли бы научить?

В. И. Назаров: Сила поколения всегда в том, что это люди с молодостью, они определены, чтобы идти дальше нашего. Мы призваны помогать тому лучшему, к чему они способны. Двум теперешним поколениям молодежи досталось испытание: опыт предыдущих поколений — во многом от родителей — не подошел для возникшего в их жизни «нового», или проще — «другого», нежели у родителей. Мы имеем своего рода контрпродуктивный цикл развития. Их поиск себя в новом мире и сегодня идет трудно. Поэтому вопрос больше к нам. Как мы с ними обща будем работать. Мне очень импонирует то, что у них есть готовность начинать и делать дела с опорой на свои силы и собственную активность. Нам задание от истории — обсудить с ними «точки роста». Одну в секторе образования мы вместе нашли. Это развитие творческих, эвристических способностей. Не случайно «Сириусы размножаются». У нас жесткое влияние стандартов. Значит там, где допустимо, надо находить место для их точек зрения и проявлений их свежего ума.

О. Н. Масленникова: Это звучит невероятно оптимистично и обнадеживающе — «там, где допустимо, находить место для их точек зрения и проявлений их свежего ума!» Мы знаем о Вашем удивительном хобби и профессиональном интересе к фотографии. Мир через объектив фотоаппарата становится другим? Становится в полном смысле Вашим, освоенным, обжитым, очень личным?

В. И. Назаров: Нет, дело не столько в этом. Я не могу изменить мир, «чтобы он прогнулся под нас», я также щедро не ищу подарка на протянутую руку. Это нереально по любой такой «заяве». Мир создали не мы. В философском методологическом научном арсенале есть утверждения, что мысли в условиях, например, живого контакта, становятся идеями объективными, пусть и с расширенным пониманием объективности. Некоторые ученые считают, что субъективный мир стоит наравне с миром объективным. Судить не могу, но все, что человек переводит за границы себя и своего сознания, действительно по итогам трансформаций как-то материализуется. А что должно вернуться? У меня логика суждений одна: к нам должна в образах вернуться красота окружающего мира и жизни, то, что можно и необходимо видеть в мире около нас. Такой ответ может прийти в словах и звуках, образах реальности, направленных к нам. Этот мир, а мы его часть, по законам его собственной реальности создан с красотой. По сути — это обмен доброго на доброе, если доброе исходит от нас. Вот мне и хотелось бы в фотографиях увидеть обратный посыл такой красоты от окружающего мира, это движение необходимо, чтобы мы сохранялись. Чуть вульгарнее прозвучит так — мы вынуждены подпитываться прекрасным, его созерцанием, его присутствием, его воздействием на нас. Это аксиома, основа для наших добродетельных действий по отношению ко «всему и многому», поэтому эстетику как первоцель здесь осуждать нельзя.

О. Н. Масленникова: Владимир Иванович, тогда было бы любопытно узнать, какая именно красота подпитывает Вас? Расскажите о своих пристрастиях — любимый поэт, композитор, художник, писатель, любимая эпоха, фигура в истории?

В. И. Назаров: Отвечу только на те вопросы, в которых имею определенность в оценках. Любимый поэт для меня — Сергей Есенин. Тонкие нервы его поэзии понятны и чувствительны. Его русскость — вечна с мыслями и переживаниями о Родине.

Мне интересна его осторожность по отношению к новациям в стране, он ставит вопрос, а русские ли это события. Он, как грудного ребенка, оберегает свою часть мира. Но поэзия для меня — не только Сергей Есенин. Меня удивило, когда я случайно прочитал слова И. Бродского («Письмо в бутылке») об учении Фрейда. Видимо, поэзия многолика и нескончаема. Надо ее читать, поэты чувствуют «важное» раньше нас. В музыке понимаю и чувствую очень скромно. Увереннее ориентируюсь в оперных исполнениях, например, нравится вокальное мастерство Аиды Гарифуллиной. Среди художников нравятся картины И. Репина, В. Васнецова, они отражают их взгляды, образное понимание событий и реальности. Из нашего времени на первое место ставлю живопись К. А. Васильева. Такие его полотна, как «Ожидание», «Лесная готика», «Жница», «Старец», «Прощание славянки» — это о гордости за силу нашего духа и красоте тех, кто его имеет. Про эпоху скажу так: где живем, там и годимся. В историческом контексте по значимости осуществленной политики мне интересна личность Александра III.

О. Н. Масленникова: Какая широта интересов, Вашим собеседникам можно позавидовать! Тогда тем более хочется узнать еще один Ваш «секрет». Владимир Иванович, многие коллеги, работающие с Вами и знающие Вас, могли бы сказать: у Вас не только счастье иметь талант, но и талант иметь счастье. Как Вы думаете, что они имеют в виду?

В. И. Назаров: Есть ли у меня талант, судить не могу, да и не мне оценивать себя с этих позиций. Единственно скажу: с молодых «возрастов» нравилось определение «очень значима способность делать правильные заключения и принимать решения по наименьшему числу наблюдений». Жизнь дала мне большое поле, на котором это было востребовано. Какие-то итоги «тренировок» могли появиться. Талант и счастье — это тема совсем отдельная. Считаю, что напрямую талант в счастье не переходит, да и что называть своим счастьем? Разве только что-то сугубо своё, тебе принадлежащее, такое понимание счастья признаю. В каждой душе — это по-своему. Каждому из нас жизнь отсыпает индивидуальный пакет из хорошего и плохого. Вот только я не сторонник протестантской духовности, по которой «Есть избранники Бога, поскольку нас много, а Бог один, поэтому кому-то стало быть

избранным». Нас много с правом на счастье уже по рождению. Помоему, талант — это нечто инструментальное, для применения. А вот талант иметь счастье — это сохранять и множить талант как часть и предпосылку, гарантию своего счастья. Именно своего счастья, в том и там, где вы его нашли. Даже в том, чтобы перешагнуть препятствие или решить проблему своего счастья.

О. Н. Масленникова: И все же хочется задать один «коварный» вопрос: Владимир Иванович, если бы не психология, то где бы Вы могли состояться, реализовать свои таланты и потенциал?

В. И. Назаров: Метаться поздно. Я работаю. Мне нравится.

Интервью взято: 23 сентября 2022 года.

Интервью поступило в редакцию 01.10.2022; одобрено после рецензирования 17.10.2022; принято к публикации 27.10.2022.

The interview was received by the editorial office on 01.10.2022; approved after review on 17.10.2022; accepted for publication on 27.10.2022.

Информация об авторах / Information about the authors

О. Н. Масленникова — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры непрерывного психолого-педагогического образования, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, Иваново, Россия.

В. И. Назаров — доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры непрерывного психолого-педагогического образования, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, Иваново, Россия.

O. N. Maslennikova — Candidate of Science (Philology), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Continuing Psychological and Pedagogical Education, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia.

V. I. Nazarov — Doctor of Science (Psychology), Professor, Professor of the Department of Continuing Psychological and Pedagogical Education, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia.

Интеллигенция и мир. 2022. № 4. С. 101—114.

Intelligentsia and the World. 2022. No. 4. P. 101—114.

Дискуссионная статья

УДК 316.334.3

DOI: 10.46725/IW.2022.4.6

НОВЕЙШИЕ ОЦЕНКИ КИТАЙСКИМИ ЭКСПЕРТАМИ КОНЦЕПЦИИ «ОДИН ПОЯС — ОДИН ПУТЬ» И ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ НА КИРГИЗСКОМ И КАЗАХСТАНСКОМ НАПРАВЛЕНИЯХ

Лю Цзяминь

Ивановский государственный университет, Иваново, Россия,
liujiamin@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2240-5952>

Аннотация. Концепция КНР «Один пояс — один путь» с момента ее провозглашения в 2013 г. вызывает повышенное внимание международного политического и аналитического сообщества. По данному вопросу написаны сотни трудов. Однако постоянно появляются новые, подготовленные в разных исторических, политологических и философских школах. Появляющиеся работы требуют осмысления. Внести посильный вклад в решение данного вопроса призвана настоящая статья. Ее цель — выявить и изучить опубликованные в 2019 — 2021 гг. оценки китайскими экспертами настоящего и будущего проекта «Один пояс — один путь», а также его реализацию на киргизском и казахстанском направлениях. Основными исследовательскими методами при их изучении выступают системный, сравнительный и структурно-функциональный.

В результате проделанной работы автор статьи пришел к следующим выводам. Китайские эксперты рассматривают проект «Один пояс — один путь», прежде всего, как социально-экономический, нацеленный на повышение благосостояния всех стран, задействованных в нем. Они всесторонне изучают вопросы, связанные с инициативой КНР, и отмечают не только позитивные результаты, достигнутые к настоящему времени, но и трудности, тормозящие ее ускоренное осуществление. Среди причин, мешающих продвижению инициативы «Один пояс — один путь» на киргизском и казахстанском направлениях, китайские эксперты выделяют политическую нестабильность в странах Центральной Азии, сохраняющиеся антикитайские настроения в обществе и эпидемию коронавируса. Параллельно китайские эксперты предлагают пути преодоления трудностей и, в целом, сохраняют позитивный настрой относительно настоящего и перспектив проекта «Один пояс — один путь» как в глобальном масштабе, так и на региональном уровне.

Ключевые слова: китайские эксперты, «Один пояс — один путь», Китай, Казахстан, Киргизия, экономика, сотрудничество, развитие, проблемы

Для цитирования: Лю Цзяминь. Новейшие оценки китайскими экспертами концепции «Один пояс — один путь» и ее реализации на киргизском и казахстанском направлениях // Интеллигенция и мир. 2022. № 4. С. 101—114.

Discussion article

THE LATEST ASSESSMENTS BY CHINESE EXPERTS OF THE “ONE BELT, ONE ROAD” CONCEPT AND ITS IMPLEMENTATION IN THE KYRGYZ AND KAZAKH DIRECTIONS

Liu Jiamin

Ivanovo State University, Ivanovo, Russia,
liujiamin@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2240-5952>

Abstract. The concept of the People’s Republic of China “One Belt, One Road” since its proclamation in 2013 has attracted increased attention from the international political and analytical community. Hundreds of works have been written on this issue. However, new ones are constantly appearing,

prepared in different historical, political science and philosophical schools. Emerging works require reflection. This article is intended to make a feasible contribution to the solution of this issue. Its purpose is to identify and study the assessments by Chinese experts, published in 2019—2021, of the present and future of “One Belt, One Road” project, as well as its implementation in the Kyrgyz and Kazakh directions. The main research methods in their study are systemic, comparative and structural-functional.

As a result of the work done, the author of the article came to the following conclusions. Chinese experts consider the “One Belt, One Road” project primarily as a socio-economic one aimed at improving the welfare of all countries involved in it. They study the issues related to the PRC initiative comprehensively and note not only the positive results achieved so far, but also the difficulties hindering its accelerated implementation. Among the reasons hindering the promotion of the “One Belt, One Road” initiative in the Kyrgyz and Kazakh directions, Chinese experts highlight political instability in Central Asian countries, persistent anti-Chinese sentiments in society and the coronavirus epidemic. At the same time, Chinese experts suggest ways to overcome difficulties and, in general, remain positive about the present and prospects of the “One Belt, One Road” project both on a global scale and at the regional level.

Keywords: Chinese experts, “One Belt, One Road”, China, Kazakhstan, Kyrgyzstan, economy, cooperation, development, problems

For citation: Liu, Jiamin (2022), ‘The latest assessments by Chinese experts of the “One Belt, One Road” concept and its implementation in the Kyrgyz and Kazakh directions’, *Intelligentsia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 4: 101—114 (in Russ.).

Введение

Актуальность. Концепция Китайской Народной Республики «Один пояс — один путь» развивается с 2013 г. Ее реализация к настоящему времени принесла позитивные социально-экономические результаты. Причем не только для развития КНР, но и для всех стран и регионов, вовлеченных в данный проект. Осуществление инициативы «Один пояс — один путь» стимулирует развитие международной торговли, культурное взаимодействие, повышает благосостояние народов. Эти и другие результаты вызывают повышенный интерес международного политического и аналитического сообщества к китайской концепции. По данному вопросу

написаны сотни трудов. Однако постоянно появляются новые, подготовленные в разных исторических, политологических и философских школах. Вновь появившиеся работы требуют осмысления. Внести посильный вклад в решение данного вопроса призвана настоящая статья.

Постановка вопроса. Цель статьи — выявить и изучить опубликованные в 2019 — 2021 гг. оценки китайскими экспертами настоящего и будущего проекта «Один пояс — один путь», а также его реализацию на киргизском и казахстанском направлениях.

Методология и методы исследования

В процессе работы над статьей использовались следующие методы, выработанные современной наукой: системный, сравнительный и структурно-функциональный.

Основная часть

«Один пояс — один путь» — это концепция Китайской Народной Республики, объединившая два международных проекта: «Экономический пояс Шелкового пути» (2013 г.) и «Морской Шелковый путь XXI века» (2013 г.). Инициатором концепции выступил Председатель КНР и Генеральный секретарь ЦК КПК Си Цзиньпин.

Согласно позиции руководства КНР, проект «Один пояс — один путь» призван содействовать координации экономической политики стран, которые его примут, эффективному распределению ресурсов и рыночной интеграции, а также совместному созданию открытой, инклюзивной, сбалансированной и универсально выгодной структуры межгосударственного экономического сотрудничества. При этом подчеркивается, что «Один пояс — один путь» открыт для всех государств, международных и региональных организаций, которые проявят интерес к нему.

«Один пояс — один путь» в рамках части «Экономический пояс Шелкового пути» предусматривает создание сухопутной транспортной системы, включающей следующие направления:

«— из Китая через Центральную Азию, Россию до Европы (до Балтийского моря);

— из Китая через Центральную Азию и Западную Азию к Персидскому заливу и Средиземному морю;

— из Китая в Юго-Восточную Азию, Южную Азию, к Индийскому океану»¹.

Согласно основным направлениям «Морского Шелкового пути XXI века», который, как отмечалось, также является частью концепции «Один пояс — один путь», предполагается создать следующие маршруты:

«— из морских портов Китая через Южно-Китайское море до Индийского океана и дальше до Европы;

— из китайских портов через Южно-Китайское море в южную акваторию Тихого океана»².

В продолжение инициативы «Один пояс — один путь» Государственный комитет по делам развития и реформ, Министерство иностранных дел и Министерство торговли Китая, исполняя поручение Госсовета КНР, в марте 2015 г. опубликовали документ «Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века»³.

Китайские эксперты, обращаясь к проекту «Один пояс — один путь», единодушны в том, что данная инициатива — заслуга Си Цзиньпина, что эта инициатива придает сегодня и будет придавать в будущем импульс в развитии всех стран, вовлеченных в нее. Причем не только в Азии, но и в Европе. В доказательство этой мысли, китайские аналитики Ань Бэй, Се Си и Вэнь Вэнь, комментируя одно из выступлений Председателя КНР, выделили следующие слова Си Цзиньпина: «Международное влияние и привлекательность взаимодействия в рамках инициативы „Один пояс — один путь“ раскрываются постоянно, качество сотрудничества улучшается, а перспективы развития расширяются»

¹ Стратегия экономического развития «Один пояс — один путь» // РИА-Новости. 14.05.2017. URL: <https://ria.ru/20170514/1494097368.html#:~:text=Концепция%20%22Один%20пояс%20—%20один,отношений%20между%20ними%20и%20Китаем> (дата обращения: 12.12.2021).

² Там же.

³ «推动共建丝绸之路经济带和21世纪海上丝绸之路的愿景与行动» (на кит. языке — Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века). URL: <http://2017.beltandroadforum.org/n100/2017/0407/c27-22.html> (дата обращения: 14.12.2021).

[Ань Бэй, Се Си, Вэнь Вэнь, 2019]. По мнению этих экспертов, совокупным результатом осуществления политики Председателя КНР становится активное участие Китая в создании глобального общества открытости и сотрудничества, в совершенствовании во всемирном масштабе системы экономического управления, в содействии всеобщему развитию и процветанию и в итоге в выстраивании общего будущего человечества [Там же].

К точке зрения Ань Бэй, Се Си и Вэнь Вэня близка позиция Ван Лингуя — вице-президента и генерального секретаря Национального высококласного аналитического центра Китайской академии общественных наук, научного сотрудника Исследовательского центра идей Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой для новой эры. Ван Лингуй полагает, что неуклонное продвижение проекта «Один пояс — один путь» уже в настоящее время создало новую платформу выстраивания отношений во всем мире, продемонстрировало готовность Китая делиться с другими своими достижениями и возможностями, открыло новые каналы и пространства для международного сотрудничества [Ван Лингуй, 2021].

Доцент Института политики и международных отношений Университета Тунцзи, научный сотрудник Китайского института стратегических исследований университета Тунцзи Ли Бойин в публикации 2020 г. заостряет внимание на привлекательности для разных стран вовлеченности в проект «Один пояс — один путь». Ученый выделяет шесть причин, по которым некитайским государствам следует поддерживать инициативу КНР [Ли Бойин, 2020: 115—124]. Во-первых, сотрудничество в рамках проекта ведет к росту объемов торговли между Китаем и странами, вовлеченными в «Один пояс — один путь». Во-вторых, принявшие концепцию КНР получают помощь Пекина в осуществлении инвестиционных программ, итогом реализации которых становятся построенные в странах-партнерах транспортные пути и предприятия, которые, в свою очередь, дают этим государствам новые налоговые поступления и рабочие места. Третьей причиной привлекательности концепции «Один пояс — один путь» для разных стран, по мнению Ли Бойина, являются собственно китайские финансовые институты. Они надежны и гарантированно предоставят странам-партнерам необходимые инвестиции для различных

проектов. Четвертой причиной Ли Бойин называет развитие трансграничной электронной коммерции. По мнению этого эксперта, внедрение новых технологий будет способствовать дальнейшей либерализации в торговой и инвестиционной сферах. Пятая причина привлекательности — расширение взаимовыгодного политического взаимодействия. И, наконец, шестая причина, выделяемая Ли Бойином, — неизменность политики Китая по совершенствованию механизма торгового и инвестиционного сотрудничества в рамках проекта «Один пояс — один путь».

Замечания Ли Бойина о привлекательности инициативы КНР адресованы всем странам. В том числе Киргизии и Казахстану, которые граничат с Китаем. Тем более, что в этих странах давно прислушиваются к подобным аргументам.

Президент Киргизии Садыр Жапаров в феврале 2022 г. заявил, что его страна одной из первых присоединилась к проекту «Один пояс — один путь» и что для Бишкека укрепление отношений с Пекином является стратегическим приоритетом во внешней политике⁴. Действительно, еще в сентябре 2013 г. Председатель КНР Си Цзиньпин во время посещения Киргизии подписал с тогдашним президентом этой страны Алмазбеком Атамбаевым «Совместную декларацию об установлении стратегического партнерства» между государствами. Новый импульс отношениям придал визит Си Цзиньпина в Бишкек на саммит Шанхайской организацией сотрудничества в июне 2019 г. Одним из результатов этого визита стало «Совместное заявление Китая и Киргизии о дальнейшем углублении всестороннего стратегического партнерства».

Экс-посол КНР в Бишкеке Ци Даюй при анализе китайско-киргизского сотрудничества обращается к истории и отмечает, что страны связаны уже более 2000 лет, с эпохи династии Хань [Кыргызстан: добрососедство, глубокое сотрудничество]. Самым же динамичным периодом в двусторонних отношениях было время династии Тан, что прослеживается даже в творчестве

⁴ Садыр Жапаров дал эксклюзивное интервью Медиакорпорации Китая. О чем говорил президент Кыргызстана? URL: <https://knews.kg/2022/02/04/sadyr-zhaparov-dal-ekslyuzivnoe-intervyu-mediakorporatsii-kitaya-o-chem-govoril-prezident-kyrgyzstana/> (дата обращения: 04.02.2022).

известных поэтов. Данные исторические связи, по мнению Ци Даюя, заложили надежный фундамент сотрудничества Пекина и Бишкека. В настоящее время эти связи стимулирует «Один пояс — один путь». В рамках этого проекта Китай и Киргизия взаимодействуют в самых разных областях, включая инфраструктуру, экспортно-импортные операции и энергетику [Там же].

Политолог и магистр права Синьцзянского университета Ван Чжаося обратил внимание на удобное для Бишкека геополитическое положение Киргизии [Ван Чжаося, 2020]. Страна в рамках инициативы «Один пояс — один путь» стала важным транспортным узлом. И уже только это привлекает сюда инвесторов. Но не только. Согласно Ван Чжаося, проект КНР может стимулировать развитие собственного экономического потенциала Киргизии. Бишкек, благодаря китайской инициативе, получает хороший шанс для корректировки своей экономической политики и подъема регионального взаимодействия с соседями. Все это, по мнению Ван Чжаося, поможет Киргизии избавиться от негативного влияния экономики России, укрепить сотрудничество с другими государствами и снизить издержки в международной торговле [Там же].

В новейших работах китайские эксперты выделяют также барьеры, мешающие продвижению концепции «Один пояс — один путь» в Киргизии. Среди таковых Ли Менгтинг в магистерской работе 2020 г. называет распространение в киргизском обществе «теории китайской угрозы» [Ли Менгтинг, 2020]. По мнению молодого исследователя, многие жители Киргизии видят в китайском плане «Один пояс — один путь» и варианте его реализации в их стране средство экспансии, что чревато рисками для региональной безопасности. Эти опасения выливаются в антикитайские митинги. Ситуацию усугубляет деятельность в Киргизии сепаратистских организаций уйгуров, которые связаны с международным терроризмом и организуют антикитайские акции. Самой известной стала атака на посольство КНР в Бишкеке в августе 2016 г. [Там же]

Ли Менгтинг в своей диссертации обратил также внимание на негативное влияние на реализацию проекта «Один пояс — один путь» политической нестабильности в Киргизии [Там же]. Более обстоятельно данный вопрос рассмотрел Чжэн Цзелань —

преподаватель Института России, Восточной Европы и Центральной Азии Шанхайского университета международных исследований. По мнению этого эксперта, политическая нестабильность, неоднократно приводившая к кровавой смене власти в Киргизии, повышает риски захвата управления страной экстремистами, а это, в свою очередь, сдерживает продвижение инициатив Китая в этой стране [Чжэн Цзелань, 2020].

Помимо Киргизии китайские специалисты при анализе реализации концепции «Один пояс — один путь» в Центральном-Азиатском регионе большое внимание уделяют Казахстану. Так, магистр международных отношений Цюань Конг Ли полагает, что китайская инициатива открыла новые возможности для развития как Пекина, так и Астаны. КНР вовлеченность в проект Казахстана открывает пути для продвижения своих товаров в западном направлении. Казахстану же «Один пояс — один путь» позволяет укрепляться как стратегически важной стране — трансграничному транзитеру [Цюань Конг Ли, 2019]. В настоящее время через Казахстан проходит 11 международных транспортных маршрутов, в том числе 6 трансграничных автомобильных и 5 железнодорожных, соединяющих Китай и Европу. Китайско-казахстанский центр международного приграничного сотрудничества «Хоргос» стал одним из основных пунктов пропуска китайских товаров для отправки в Среднюю Азию, Россию и далее на Запад.

Концепция «Один пояс — один путь», согласно Цюань Конг Ли, интересна для Казахстана также потому, что страна не имеет выхода к открытому морю. Китай же в рамках проекта может предоставить этой стране через создаваемую инфраструктуру выход на свои порты, а через них в обширный Азиатско-Тихоокеанский регион [Там же]. Все это в совокупности существенно повышает экспортно-импортные и транзитные возможности Казахстана. Двустороннее экономическое взаимодействие, согласно Цюань Конг Ли, благоприятно скажется на региональной безопасности, что также является одним из приоритетов в политике двух стран [Там же].

Среди китайских экспертов отдельного внимания заслуживает Ван Хайян — кандидат экономических наук, научный сотрудник Института международных отношений и регионального

развития, а также Центра русистики Восточно-Китайского педагогического университета, исполнительный директор Казахстанского исследовательского центра Восточно-Китайского педагогического университета. Еще в 2021 г. он в одной из публикаций предупреждал: 1) благополучие Казахстана слишком зависит от экспорта сырья, 2) отрасли промышленности страны недостаточно диверсифицированы, 3) эпидемия коронавируса способствовала стремительному экономическому спаду [Ван Хайян, 2021]. В отличие от многих экспертов, обходящих острые вопросы, Ван Хайян указал на нарастающее недовольство у граждан Казахстана политикой своего правительства, что может вылиться в массовые протестные акции. Последние интересовали ученого не только сами по себе, но, прежде всего, с точки зрения нарушения логистических транспортных схем, учитывая роль Казахстана в проекте «Один пояс — один путь» как важнейшей страны-транзитера [Там же]. События на юге Казахстана в январе 2022 г. подтвердили обоснованность опасений Ван Хайяна.

Китайские эксперты, вычлняя проблемы на путях концепции «Один пояс — один путь» в странах Центральной Азии, одновременно предлагают пути их преодоления.

Так, Чжао Минхао, научный сотрудник Института международных исследований Фуданьского университета и специальный научный сотрудник Института международной стратегии Пекинского университета предлагает при сохранении инфраструктурных проектов в рамках концепции «Один пояс — один путь» усилить внимание на их качественное завершение, для чего следует укреплять координацию между различными ведомствами и оперативно реагировать на возникающие проблемы [Чжао Минхао, 2020: 60—61].

Чжан Цзюин — кандидат Центрального финансово-экономического университета в Пекине — преодоление кризисных явлений при реализации проекта «Один пояс — один путь» видит в развитии в разных странах при участии Китая национальных индустриальных парков (технопарков) [Чжан Цзюин, 2019: 40—48]. Тем более что данная модель уже апробирована, доказала свою эффективность, и некоторые технопарки в странах Центральной Азии заняли важное место в расширении двусторонних и региональных торговых и инвестиционных отношений.

Заслуженный научный сотрудник Института исследований Шелкового пути Северо-Западного университета Чжан Нин минимизацию негативных явлений при реализации инициативы «Один пояс — один путь» видит в развитии инвестиционных программ и расширении торговых отношений со странами, включенными в проект [Чжан Нин, 2021].

Заключение

Резюмируя вышеизложенное, подчеркнем следующее. Китайские эксперты убеждены в том, что масштабный проект «Один пояс — один путь» оказывает глубокое влияние не только на страны Азии, но и придает импульс развитию государствам Европы. Кроме того, экспертное сообщество КНР, выделяя трудности при реализации инициативы «Один пояс — один путь», убеждено в том, что данный проект не будет приостановлен. Наоборот, при участии Китая он объединит разные страны в противостоянии с возникающими трудностями. Для этого, правда, следует сохранять апробированные и искать новые формы межгосударственного и регионального взаимодействия.

Список источников

- 安蓓、谢希瑶、温馨. 习近平总书记谋划推动共建“一带一路”述评 (на кит. языке — *Ань Бэй, Се Си, Вэнь Вэнь*. Комментарий к плану Генерального секретаря Си Цзиньпина по содействию строительства [проекта] «Один пояс — один путь»). URL: http://www.mod.gov.cn/topnews/2021-11/19/content_4899103.htm (дата обращения: 12.12.2021).
- 王灵桂. “一带一路”是携手前进的阳光大道 (на кит. языке — *Ван Лин-гуй*. Один пояс — один путь» — это Солнечный путь для продвижения вперед рука об руку). URL: http://www.qstheory.cn/qshyjx/2021-06/04/c_1127528696.htm (дата обращения: 20.12.2021).
- 王海燕. 总统新政与新冠肺炎疫情新形势下的哈萨克斯坦[J]. 欧亚经济, 2021. № 4: 24—25 (на кит. языке — *Ван Хайян*. Новый курс президента и Казахстан в ситуации эпидемии коронарной пневмонии // Экономика Евразии. 2021. № 4. С. 24—25).
- 王钊霞. 吉尔吉斯斯坦经济发展及在“一带一路”倡议中的机遇. 国际公关, 2020: 3—4 (на кит. языке — *Ван Чжаося*. Экономическое развитие Кыргызстана и возможности [для этой страны] в рамках

- инициативы «Один пояс — один путь // International PR. 2020. С. 3—4).
- 李博英 构建新发展格局 实现经济社会可持续高质量发展——基于中国与“一带一路”沿线国家经贸合作的实证研究 [J]. 西北大学学报: 哲学社会科学版, 2020. № 50: 116—117 (на кит. языке — *Ли Бойин*. Построение новой модели развития для достижения устойчивого и качественного экономического и социального развития: на основе эмпирических исследований экономического и торгового сотрудничества Китая со странами вдоль [проекта] «Один пояс — один путь» // Журнал Северо-Западного университета: философия и социальные науки. 2020. № 50. С. 116—117).
- 吉尔吉斯斯坦: 好邻居, 深合作. 华夏时报, 2016, 第033 (на кит. языке — Кыргызстан: добрососедство, глубокое сотрудничество // China Times. 2016. № 033). URL: <http://finance.sina.com.cn/roll/2016-11-12/doc-ifxxsmic6070343.shtml> (дата обращения: 14.12.2021).
- 李梦婷. 吉尔吉斯斯坦“中国威胁论”的研究. 华东师范大学, 2020 (на кит. языке — *Ли Менгтинг*. Исследование киргизской «Теории китайской угрозы»: диссертация магистра. Восточно-китайский педагогический университет, 2020).
- 权丛丽. 丝绸之路经济带背景下中哈关系研究. 新疆大学, 2019: 20—35 (на кит. языке — *Цюань Конг Ли*. Исследование китайско-казахстанских отношений в контексте «Экономического пояса Шелкового пути». Синьцзянский университет, 2019. С. 20—35).
- 张宇. 新冠肺炎疫情对中亚“一带一路”合作影响. 俄罗斯学刊, 2021 年第 1 期: 93—95 (на кит. языке — *Чжан Нин*. Влияние новой эпидемии коронарной пневмонии на сотрудничество [в рамках концепции] «Один пояс — один путь» в Центральной Азии // Русский журнал. 2021. № 1. С. 93—95).
- 张居葶. 中亚国家经济风险及对“一带一路”倡议落实的影响研究. 中央财经大学, 2019: 40—48 (на кит. языке — *Чжан Цзюин*. Экономические риски в странах Центральной Азии и их влияние на реализацию инициативы «Один пояс — один путь». Центральный финансово-экономический университет, 2019. С. 40—48).
- 赵明昊. 新冠肺炎疫情冲击下的“一带一路”. 世界知识, 2020. № 1772: 60—61. (на кит. языке — *Чжао Минхао*. «Один пояс — один путь» под влиянием новой эпидемии коронарной пневмонии // Мировые знания. 2020. № 1772. С. 60—61).

郑洁岚. 吉尔吉斯斯坦政局乱象背后的深层原因. 中国网, 2020/10/09.
(на кит. языке — Чжэн Цзелань. Глубинная причина политического хаоса в Кыргызстане // China Net. 09.10.2020). URL: http://www.china.com.cn/opinion2020/2020-10/09/content_76788532.shtml (дата обращения: 14.12.2021).

References

- An, Bei, Xie, Xiyao and Wen, Xin (2021), ‘*Xi Jinping zong shuji mouhua tuidong gongjian “yidaiyilu” shuping*’ [Commentary on General Secretary Xi Jinping’s plan to promote the joint construction of the “One Belt, One Road”], China, available at: http://www.mod.gov.cn/topnews/2021-11/19/content_4899103.htm (Accessed 12 December 2021).
- ‘Jierjisitan: Hao linju, shen hezuo’ [Kyrgyzstan: Good Neighbor, Deep Cooperation] *Huaxia shibao* [China Times.], no. 033.
- Li, Boying (2020), ‘Building a new development pattern to achieve sustainable and high-quality economic and social development: An empirical study based on economic and trade cooperation between China and countries along the “One Belt, One Road”’, *Xibei daxue xuebao: zhexue shehui kexue ban* [Northwestern University Journal: Philosophy and Social Sciences Edition]:115—124.
- Li, Mengting (2020), *Jierjisitan zhongguo weixie lun de yanjiu* [Research on “China Threat Theory” in Kyrgyzstan], D. Master Thesis, East China Normal University, China.
- Quan, Congli (2019), *Sichouzhilu jingjidai beijing xia zhongha guanxi yanjiu*. [Research on China-Kazakhstan Relations in the Background of the Silk Road Economic Belt], Xinjiang University, China: 20—35.
- Wang, Haiyan (2021), ‘The President’s New Deal and Kazakhstan under the New Situation of the New Coronary Pneumonia Epidemic’, *Ouya jingji* [Eurasian Economy], no 4: 24 — 25.
- Wang, Linggui (2021), “*Yidaiyilu*” *shi xieshou qianjin de yangguang dadao* [“One Belt, One Road” is a sunny avenue to advance hand in hand, 2021], available at: http://www.qsttheory.cn/qshyjx/2021-06/04/c_1127528696.htm (Accessed 20 December 2021).
- Wang, Zhaoxia (2020), ‘Kyrgyzstan’s Economic Development and Opportunities in the “One Belt, One Road” Initiative’, *Guoji gongguan* [International PR]: 3—4.
- Zhang, Juying (2019), *Zhongya guojia jingji fengxian dui yidaiyilu changyi luoshi de yingxiang yanjiu* [Economic Risks in Central Asian

- Countries and Its Impact on the Implementation of the “One Belt, One Road” Initiative], *Zhongyang caijing daxue* [Central University of Finance and Economics], China: 40—48.
- Zhao, Minghao (2020), “‘One Belt, One Road’ Initiative under the Impact of the New Coronary Pneumonia Epidemic”, *Shijie zhishi* [World knowledge]: 60—61.
- Zhang, Ning (2021), ‘Xin guan feiyan yiqing dui zhongya “yidaiyilu” hezuo yingxiang’, *Eluosi xuekan* [Russian Journal], no1: 93—95.
- Zhen, Jielan (2020), ‘The Deep Reason behind the Political Chaos in Kyrgyzstan’, *China Net*, 9 October, available at: http://www.china.com.cn/opinion2020/2020-10/09/content_76788532.shtml (Accessed 14 December 2021).

Статья поступила в редакцию 12.02.2022; одобрена после рецензирования 10.03.2022; принята к публикации 23.03.2022.

The article was submitted 12.02.2022; approved after reviewing 10.03.2022; accepted for publication 23.03.2022.

Информация об авторе / Information about the author

Лю Цзяминь — аспирант, кафедра всеобщей истории и международных отношений, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, Иваново, Россия.

Liu Jiamin — postgraduate student, Department of General History and International Relations, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia.

Интеллигенция и мир. 2022. № 4. С. 115—124.

Intelligentsia and the World. 2022. No. 4. P. 115—124.

Научная статья

УДК 316.334.3

DOI: 10.46725/IW.2022.4.7

**ВОЙНА И МИР ВО ВЗГЛЯДАХ ПОЛЬСКОЙ
НАЦИОНАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ
(на примере З. Балицкого и Р. Дмовского)**

Сергей Валерьевич Панов

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия,
rontonak@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0794-9983>

Аннотация. В формировании польской национальной идеологии и создании Второй Речи Посполитой в начале XX в. важную роль сыграло польское национально-демократическое движение, которое сформировалось в кругах национально-ориентированной интеллигенции Царства Польского и Галиции. Изучение трудов ее представителей традиционно привлекает внимание специалистов. Особый интерес вызывают работы лидеров созданной в 1893 г. Национальной Лиги Р. Дмовского, З. Балицкого и Я. Поплавского. Настоящая работа продолжает исследования в данном направлении. Ее цель — изучить взгляды З. Балицкого и Р. Дмовского на проблему войны и мира. Источниковую базу статьи составили труды этих авторов: «Национальный эгоизм и этика» З. Балицкого и «Мысли современного поляка» Р. Дмовского. В работе использован сравнительно-исторический метод.

Изучение источников привело к следующим выводам. Идеологи польских национал-демократов исходили из натуралистских и дарвинистских предпосылок, считая, что состояние войны является в целом естественным для людей. Общим для них было отрицание пацифизма и утверждение, что нация должна сражаться за свои интересы. Вместе с тем, взгляды Р. Дмовского и З. Балицкого различались. З. Балицкий верил в существование естественных границ между народами и возможность достижения некоего постоянного мира. Он допускал, что в будущем все народы откажутся от взаимных конфликтов, остановятся в экспансии в своих естественных границах и будут сформированы Соединенные Штаты Европы. Р. Дмовский был согласен с идеей борьбы народа за свои интересы, но отрицал возможность постоянного мира на основе взаимного уважения и соблюдения договоров. С его точки зрения существование народов — это вечная борьба за выживание, пространство и ресурсы, поэтому постоянные войны за господство неизбежны.

Ключевые слова: З. Балицкий, Р. Дмовский, польская интеллигенция, польская национал-демократия, милитаризм, пацифизм

Для цитирования: Панов С. В. Война и мир во взглядах польской национал-демократической интеллигенции (на примере З. Балицкого и Р. Дмовского) // Интеллигенция и мир. 2022. № 4. С. 115—124.

Original article

WAR AND PEACE IN THE VIEWS OF THE POLISH NATIONAL DEMOCRATIC INTELLIGENTSIA (on the example of Z. Balitsky and R. Dmovsky)

Sergey V. Panov

Russian State University for Humanities, Moscow, Russia,
rontonak@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0794-9983>

Abstract. In the formation of the Polish national ideology and the creation of the Second Polish-Lithuanian Commonwealth at the beginning of the twentieth century, an important role was played by the Polish national democratic movement, which was formed in the circles of the nationally oriented intelligentsia of the Kingdom of Poland and Galicia. The study of the works of its representatives traditionally attracts the attention of specialists.

Of particular interest are the works of the leaders of the National League created in 1893, R. Dmovsky, Z. Balitsky and Ya. Poplavsky. This work continues research in this direction. Its purpose is to study the views of Z. Balitsky and R. Dmovsky on the problem of war and peace. The source base of the article was the works of these authors: “National egoism and Ethics” by Z. Balitsky and “Thoughts of a modern Pole” by R. Dmovsky. The comparative historical method is used in the work.

The study of the sources led to the following conclusions. The ideologists of the Polish National Democrats proceeded from naturalistic and Darwinian premises, believing that the state of war is generally natural for people. Common to them was the denial of pacifism and the assertion that the nation should fight for its interests. At the same time, the views of R. Dmovsky and Z. Balitsky differed. Z. Balitsky believed in the existence of natural borders between peoples and the possibility of achieving some kind of permanent peace. He admitted that in the future all nations would abandon mutual conflicts, stop expanding within their natural borders and the United States of Europe would be formed. R. Dmovsky agreed with the idea of the people fighting for their interests, but denied the possibility of permanent peace based on mutual respect and compliance with treaties. From his point of view, the existence of peoples is an eternal struggle for survival, space and resources, so constant wars for domination are inevitable.

Keywords: Z. Balicki, R. Dmowski, Polish intelligentsia, Polish National Democracy, militarism, pacifism

For citation: Panov, S. V. (2022), ‘War and peace in the views of the Polish National Democratic intelligentsia (on the example of Z. Balitsky and R. Dmovsky)’, *Intelligentsia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 4: 115—124 (in Russ.).

Введение

Польское национально-демократическое движение сложилось в кругах национально-ориентированной интеллигенции Царства Польского и Галиции в начале 1890-х гг. Его главными идеологами были лидеры созданной в 1893 г. Национальной Лиги Р. Дмовский, З. Балицкий и Я. Поплавский. Движение сыграло большую роль в формировании польской националистической идеологии XX в., а его члены принимали активное участие в формировании возрожденного польского государства. Этим и обусловлена *актуальность* проблемы.

В качестве одного из основных постулатов новой националистической идеологии декларировался реализм — опора в политической деятельности исключительно на рационально обоснованные представления, политику возможного, а не желаемого и воображаемого, отказ от старых романтических представлений, что успех «польского дела» обеспечен лишь его правотой. В этом проявлялось влияние расцветшего в польских землях после поражения Январского восстания 1863 г. так называемого варшавского позитивизма — сциентистской школы политической мысли, опирающейся на либеральный позитивизм Г. Спенсера и Дж. С. Милля и созданные ими социологические теории. Таким образом, национал-демократы отказывались от присущего идеологии польских романтиков прежнего стремления к борьбе при любых обстоятельствах.

Однако вместе с тем польские национал-демократы не собирались отказываться от идеологии борьбы с тремя разделившими Польшу державами. Этим они и отличались от своих предшественников-позитивистов, делавших упор на «органическую работу», на экономическое развитие и повышение грамотности в польских землях.

Взгляды на обоснованность и справедливость войны в идеологии национал-демократов и являются *проблемой* работы.

Постановка вопроса. Целью работы является рассмотрение выраженных в основных работах идеологов национал-демократии З. Балицкого и Р. Дмовского взглядов на проблему войны и мира. Соответственно *задачами* является рассмотрение взглядов на войну и мир, выраженных в ключевых трудах данных мыслителей: «Национальный эгоизм и этика» (“Egoizm narodowy wobec etyki”) З. Балицкого [Balicki, 1903], вышедшая в 1902 г. и «Мысли современного поляка» (Myśli nowoczesnego Polaka) Р. Дмовского [Dmowski, 2007], вышедшая годом позднее, в 1903 г.

Методология и методы исследования. В основании настоящей работы положен сравнительно-исторический метод. Данный метод предусматривает выявление общего и особенного в результате сопоставления исторических явлений на основе аналогии [Теория и методология исторической науки..., 2016].

Основная часть

Книга З. Балицкого, который, помимо политический деятельности, занимался академической социологией, куда более абстрактна и повествует об этике в межэтнических и международных отношениях вообще, в отличие от книги Р. Дмовского, которая куда более конкретна и посвящена именно конкретной польской ситуации.

В своей работе З. Балицкий декларирует утилитаристское понимание этики внешней политики: с его точки зрения моральность и эффективность политики — это одно и то же [Balicki, 1903: 59]. Однако, как можно будет видеть ниже, это не означает, что он был циником, предлагающим принять политику двойных стандартов.

Он отмечал, что тяжелейшая агрессивная война «за квадратную милю», когда потери не окупают приобретений — бессмысленна. Однако он считал, что если некая нация неспособна защититься, то захват ее земель является вполне справедливым делом, а эта нация заслужила такое отношение к себе [Ibid.: 60—61]. В то же время З. Балицкий считал аморальным и бессмысленным именно сам акт агрессии в бессмысленной войне, а не любое действие в ней. Так, он считал, что, хотя польские восстания не могли достигнуть успеха, они имели смысл, были морально обоснованными, так как подтверждали польское право на землю и, таким образом, делали русское владение западными окраинами нелегитимным и несправедливым [Ibid.: 62].

Далее З. Балицкий пишет, что международная политика должна основываться на строгом взаимном соблюдении договоров. Однако в то же время необходимо обороняться от тех, кто совершает первым акт агрессии, нарушает эти договоры. Также стоит обращать внимание и на суть этих договоров. Договор должен быть равноправным и взаимовыгодным. В иных случаях, как отмечает польский мыслитель, договор не является справедливым и подлежит расторжению, вплоть до применения силы со стороны того, кто от такого договора страдает [Ibid.: 64].

Как отмечает З. Балицкий, «там, где нации причиняют зло, где происходит несправие, безоглядно враждебная позиция является категорическим требованием общественной этики» [Ibid.: 65]. Он отрицает даже необходимость примирения в целях

сбережения собственных сил. С его точки зрения, в борьбе с «бесправием» всё остальное отходит на второй план, ибо при признании поражения жертвой несправедливой войны она потеряет «признание и уважение к основам своего быта со стороны других» [Ibid.].

Вместе с тем политика борьбы с бесправием не должна была быть направлена на другие народы. З. Балицкий осуждал участие польских революционеров в революционных и повстанческих движениях за границей, а также польских добровольцев на войнах в зарубежных государствах [Ibid.: 67], более того, он считал, что альтруизм в отношении чужих народов может быть свидетельством собственного «внутреннего распада» [Ibid.: 69].

Он критиковал пацифизм, распространенный в кругах левой польской интеллигенции, говоря, что так называемые «гуманитаристы» называют шовинизмом любое проявление национального достоинства и борьбы за свои права [Ibid.: 70—71].

Идеальным типом гражданина для Польши он считал тип «гражданина-солдата», всегда готового сознательно пойти на смерть за «национальное дело». Критике подвергался также и пацифизм Л. Н. Толстого, который призывал терпеть бесправие, а не прекращать его [Ibid.: 83]. Гражданин-солдат З. Балицкого отличается от обличаемого им «солдафона милитаризма» (к этому типу, с его точки зрения, принадлежат русские и прусские военные) тем, что он погибает не по приказу своего правителя, стремящегося к завоеваниям, а за идею, которую он сознательно и искренне любит, сражается за справедливое дело, а не за установление бесправия [Ibid.: 84]. Гражданин-солдат не вступает в соглашение с врагом, но и не выполняет несправедливый приказ. Здесь З. Балицкий приводит в пример австрийских офицеров-поляков, которые отказались стрелять в 1848 г. в толпы протестующих во Львове [Ibid.: 85]. Граждане-солдаты должны воспитываться с детства в молодежных организациях, например, в польском сокольском движении [Ibid.: 91].

В целом он считал, что единственный способ установить «естественные» этические отношения между народами — это оказание сопротивления жертвами бесправия [Ibid.: 75—76].

Является ли политика захватов и аннексий обязательно бесправием с точки зрения З. Балицкого? Не совсем. Выше уже

отмечалось, что если захват происходит мирно, то он вполне справедлив с точки зрения польского социолога. Кроме того, далее он отмечает, что захватчик должен «не творить варварства» и «уважать индивидуальность покоряемых». В качестве примеров такой политики он приводит экспансию Великобритании и Соединенных Штатов [Ibid.: 77].

Вместе с тем, важно отметить, что З. Балицкий отмечает возможность социального прогресса привести к прекращению конфликтов и образованию Соединенных Штатов Европы, в рамках которых интересы отдельных наций будут не противоречить друг другу, а дополнять друг друга. Однако это единство не будет рождено как противовес национальным интересам, напротив, это будет дальнейшая социальная эволюция наций, в ходе которых их интересы дойдут до уровня осознания необходимости сотрудничества и единства [Ibid.: 63].

Начиная свою книгу «Мысли современного поляка», Р. Дмовский заявил, что пишет ее не для тех, кто желает Польшу заместить всем человечеством в своих мыслях [Dmowski, 2007: 26]. Как и З. Балицкий, он писал, что нужно бороться не против бесправия во всем мире, а только лишь со своими врагами — врагами польской нации [Ibid.: 131].

Он говорит, что «моральная сила нации» — это не ее беззащитность, но напротив, стремление к долгой жизни и максимальному влиянию [Ibid.: 33]. В отличие от З. Балицкого, осуждающего Пруссию и ее политику как «политику бесправия», Р. Дмовский считает, что политика Пруссии принесла ей немало успехов, что, несмотря на всю возможную «аморальность», эта политика успешна и что с Пруссии полякам необходимо брать пример [Ibid.: 38—39]. Р. Дмовский считал вполне разумной вещью и британский империализм, при этом, в отличие от З. Балицкого, не обращая внимания на нюансы его политики в отношении других народов [Ibid.: 113].

В отличие от З. Балицкого, он возражал против идеи «естественных границ» наций и считал, что поляки должны сопротивляться на каждой территории, где у них есть влияние. Он не приемлет теории о возможном равном сосуществовании наций в органическом единстве [Ibid.: 116—117].

С его точки зрения нация должна постоянно заниматься экспансией, и «область национальных интересов» должна расширяться вместе с развитием «национальных сил» [Ibid.: 118]. Экспансией должна заниматься и польская нация, даже в условиях отсутствия своей государственности, например, в Западном крае [Ibid.: 121]. С его точки зрения, нация, не ведущая экспансии, обречена на гибель [Ibid.: 123].

Р. Дмовский говорил, что борьба польских националистов не закончится с обретением независимости. Напротив, полякам всегда надо бороться за свое развитие, обретение независимости для него — лишь ступень в долгом пути национальной борьбы польского народа, обретение независимости будет лишь обозначать продолжение борьбы в иной форме [Ibid.: 130].

С его точки зрения, «сражение — это основа жизни», а «народы, которые перестают сражаться, разлагаются» [Ibid.: 139]. По Р. Дмовскому, врагом польской независимости является тот, кто говорит, что не хочет, чтобы будущая независимая Польша правила кем-то, кто не хочет ее власти над собой [Ibid.: 149]. В отличие от З. Балицкого, верившего в будущий мир, Р. Дмовский считал, что далее конфликты между нациями будут только усиливаться [Ibid.: 156—157].

Более того, с точки зрения Р. Дмовского политика России и Пруссии в разделенной Польше не может осуждаться с этической точки зрения, так как русские и немцы лишь делают то, что делал бы на их месте любой другой здравый народ: расширяют свое влияние [Ibid.: 158—159].

Заключение

Подводя итоги, можно сказать, что идеологи национал-демократов исходили из натуралистских и дарвинистских предпосылок, считая, что состояние войны является в целом естественным для людей. Общим для них было отрицание пацифизма и утверждение, что нация должна сражаться за свои интересы, но только за свои интересы, не влезая в чужие конфликты.

Вместе с тем, достаточно интересная разница обнаруживается во взглядах Р. Дмовского и З. Балицкого. З. Балицкий всё же был переходным звеном между старым варшавским позитивизмом

и полным развитием национал-демократических идей. Он верил в существование естественных границ между народами (пусть и определяемых течением обстоятельств), в то, что в отношениях между народами есть право и несправедливость. Неправильной экспансией является любая экспансия, которая встречает сопротивление. Справедливыми отношениями являются же отношения, построенные на взаимном соблюдении договоров. В будущем вполне возможно, что все народы откажутся от взаимных конфликтов, остановятся в экспансии в своих естественных границах и будут сформированы Соединенные Штаты Европы.

Более радикальным и более следовавшим парадигме социологии конфликта был Р. Дмовский. Он был согласен с идеей борьбы народа только за свои интересы, однако он полностью отрицал возможность какого-либо постоянного мира на основе взаимного уважения и взаимного соблюдения договоров. С его точки зрения существование народов — это вечная борьба за выживание, пространство и ресурсы. По сути, в отличие от З. Балицкого, он выступал уже как открытый апологет имперской экспансии. С его точки зрения, любая достаточно эффективная имперская экспансия уже была обоснованной, а ситуации стабильного постоянного мира достичь нельзя, ибо стремление к экспансии естественно.

В дальнейшем именно «империалистическая» концепция Р. Дмовского стала доминировать в национал-демократическом движении. Еще не далеко ушедшие от позитивизма взгляды З. Балицкого отошли на второй план. Это, несомненно, было связано с ростом политического влияния Р. Дмовского, ставшего признанным политическим руководителем движения, главой Польского кола в Государственной Думе в 1907—09 гг., занимавшегося международной политикой от лица польских национал-демократов в годы Первой мировой войны и даже ставшего представителем Польши на Версальской мирной конференции [Porter, 2002]. Именно взгляды Р. Дмовского во многом определили политику возрожденного польского государства в отношении сопредельных стран и собственных национальных окраин в 1920—30-е гг.

Список источников

- Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. 2-е изд. / отв. ред. А. О. Чубарьян, Л. П. Репина. М.: Аквилон, 2016. 468 с.
- Balicki Z. Egoizm narodowy wobec etyki. Lwów: Towarzystwo Wydawnicze, 1903. 94 s.
- Dmowski R. Myśli nowoczesnego Polaka. Skultuna: Ligatur, 2007. 234 s.
- Porter B. When Nationalism Began to Hate: Imagining Modern Politics in Nineteenth-Century Poland. New York: Oxford University Press, 2002. 320 p.

References

- Balicki, Z. (1903), *Egoizm narodowy wobec etyki*, Towarzystwo Wydawnicze, Lwów, Austria-Hungary.
- Dmowski, R. (2007), *Myśli nowoczesnego Polaka*, Ligatur, Skultuna, Sweden.
- Porter, B. (2002), *When Nationalism Began to Hate: Imagining Modern Politics in Nineteenth-Century Poland*, Oxford University Press, New York, N. Y.
- Repina, L. P. and Chubaryan, A. O. (eds) (2016), *Teoriia i metodologiia istoricheskoi nauki. Terminologicheskii slovar'* [Theory and methodology of the historical studies. Terminological dictionary], 2nd ed., Akvilon, Moscow, Russia.

Статья поступила в редакцию 12.04.2022; одобрена после рецензирования 06.05.2022; принята к публикации 25.05.2022.

The article was submitted 12.04.2022; approved after reviewing 06.05.2022; accepted for publication 25.05.2022.

Информация об авторе / Information about the author

С. В. Панов — магистрант, Институт филологии и истории, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия.

S. V. Panov — master's student, Institute of Philology and History, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia.

ИЗ АРХИВНЫХ ФОНДОВ FROM ARCHIVAL FUNDS

Интеллигенция и мир. 2022. № 4. С. 125—156.

Intelligentsia and the World. 2022. No. 4. P. 125—156.

Из архивных фондов

УДК 061

DOI: 10.46725/IW.2022.4.8

КРУГЛЫЙ СТОЛ «ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ИНТЕЛЛИГЕНТНОСТЬ В НАШЕ ВРЕМЯ» В РЕДАКЦИИ ГАЗЕТЫ «ПРЯМАЯ РЕЧЬ» 6 ДЕКАБРЯ 1994 ГОДА

Василий Львович Черноперов

Ивановский государственный университет, Иваново, Россия,
vlchernoperov@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5887-7807>

Аннотация. В научном сообществе нередко задаются вопросом: почему провинциальный город Иваново с 1990-х гг. стал одним из признанных в России центров изучения интеллигенции и интеллектуалов? Причин этому немало. Одна из них — здесь творил основатель научного направления «интеллигентоведение» В. С. Меметов (1939—2019). Но одних работ ученого, думается, было бы недостаточно для превращения города Иваново в центр изучения интеллигенции и интеллектуалов. Важным представляется также то, что В. С. Меметов уловил настроения значительной части ивановской общественности, особенно молодых людей, которые в 1990-е гг., в период крушения партийно-идеологических оков искали свои ответы на вопросы о прошлом, настоящем и будущем интеллигенции. Подтвердить данный тезис призвана настоящая работа.

Ее цель — показать, что на ивановской земле в 1990-е гг. в научных изысканиях по проблемам интеллигентоведения сложилась амальгама

опыта профессионалов, разрабатывающих тему много лет, с творческими подходами начинающих исследователей. Данная цель достигается перепечаткой материалов круглого стола «Интеллигенция и интеллигентность в наше время», который был опубликован на страницах молодежной газеты «Прямая речь» 6 декабря 1994 г.

В публикации использованы источниковедческие методы — внешняя и внутренняя критика источника.

При внешней критике рассказано об истории газеты «Прямая речь» и обращено внимание на участников рассматриваемого круглого стола. Отмечено, что все они интересовались вопросами истории интеллигенции и интеллектуалов профессионально, имели по данной теме научные публикации и были либо учениками В. С. Меметова (А. М. Семененко, А. А. Данилов, А. А. Заховаев, А. Е. Рябинкин), либо хорошо его знали (С. В. Конорев, Г. С. Смирнов). При проведении внутренней критики источника даны подстрочные комментарии.

Ключевые слова: интеллигенция, интеллектуалы, Ивановский государственный университет, В. С. Меметов, А. М. Семененко, круглый стол, «Прямая речь»

Для цитирования: Черноперов В. Л. Круглый стол «Интеллигенция и интеллигентность в наше время» в редакции газеты «Прямая речь» 6 декабря 1994 года // Интеллигенция и мир. 2022. № 4. С. 125—156.

From archival funds

**ROUND TABLE
“INTELLIGENTSIA AND INTELLIGENCE
IN OUR TIME” IN THE EDITORIAL OFFICE
OF THE NEWSPAPER “PRIAMAIA RECH”
ON DECEMBER 6, 1994**

Vasily L. Chernoperov

Ivanovo State University, Ivanovo, Russia,
vlchernoperov@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5887-7807>

Abstract. The scientific community often asks the question: why has the provincial city of Ivanovo become one of the recognized centers for the study of intelligentsia and intellectuals in Russia since the 1990s? There

are many reasons for this. One of them is that the founder of the scientific direction “intellectual studies” V. S. Memetov (1939—2019) worked in the city. But only the scientist’s works seem not to be enough to turn Ivanovo into a center for the study of intellectuals and intellectuals. It is also important that V. S. Memetov caught the mood of a significant part of the Ivanovo public, especially young people who in the 1990s, during the collapse of party-ideological shackles, were looking for the answers to the questions about the past, present and future of the intelligentsia. This work is intended to confirm this thesis.

Its purpose is to show that in the 1990s in the Ivanovo land there appeared an amalgam of intellectual studies of the experienced professionals who had been developing the topic for many years, with the creative approaches of novice researchers. This goal is achieved by reprinting the materials of the round table “Intelligentsia and Intelligence in our time”, which was published on the pages of the youth newspaper “Priamaia rech” on December 6, 1994.

The publication uses source-based methods — external and internal criticism of the source.

With external criticism, the history of the newspaper “Priamaia rech” is told and attention is drawn to the participants of the round table under consideration. It is noted that all of them were interested in the history of the intelligentsia and intellectuals professionally, had scientific publications on this topic and were either students of V. S. Memetov (A. M. Semenenko, A. A. Danilov, A. A. Zakhovaev, A. E. Ryabinkin), or knew him well (S. V. Konorev, G. S. Smirnov). When conducting internal criticism of the source, subscript comments are given.

Keywords: intelligentsia, intellectuals, Ivanovo State University, V. S. Memetov, A. M. Semenenko, round table, “Priamaia rech”

For citation: Chernoperov, V. L. (2022), ‘Round table “Intelligentsia and Intelligence in our time” in the editorial office of the newspaper “Priamaia rech”’ on December 6, 1994’, *Intelligentsia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 4: 125—156 (in Russ.).

Введение

Актуальность. В научном сообществе нередко задаются вопросом: почему провинциальный город Иваново с 1990-х гг. стал одним из признанных в России центров изучения интеллигенции и интеллектуалов — этой одновременно осязаемой,

многогранной, но и подчас трудно различимой и даже эфемерной социальной группы? Причин этому немало. Одна из них лежит на поверхности — здесь творил талантливый исследователь и организатор науки, основатель научного направления «интеллигентоведение» Валерий Сергеевич Меметов (1939—2019) (о В. С. Меметове см., напр.: [Валерий Сергеевич Меметов... , 2020; Олейник, 2021; Усманов, Калинин, 2021]). Но одних работ ученого, думается, было бы недостаточно для превращения города Иваново в центр изучения интеллигенции и интеллектуалов. Важным представляется также то, что В. С. Меметов уловил настроения значительной части ивановской общественности, особенно молодых людей, которые в 1990-е гг., в период крушения партийно-идеологических оков начали искать свои ответы на вопросы о прошлом, настоящем и будущем интеллигенции. Подтвердить данный тезис и призвана настоящая работа.

Постановка вопроса. Цель статьи — показать, что на ивановской земле в 1990-е гг. в научных изысканиях по проблемам интеллигентоведения сложилась амальгама опыта профессионалов, разрабатывающих тему много лет, с творческими подходами начинающих исследователей. Данная цель достигается перепечаткой материалов круглого стола «Интеллигенция и интеллигентность в наше время», которые были опубликованы на страницах молодежной газеты «Прямая речь» 6 декабря 1994 г.

Методология и методы исследования

Статья основана на традиционном в отечественном источниковедении разделении критики источника на два этапа — внешнюю критику (историю происхождения источника) и внутреннюю критику (критику содержания источника). Больше внимание уделено первому этапу. Внутренняя критика представлена небольшими подстрочными комментариями.

Основная часть

Внешняя критика источника

В 1988 г. известный специалист по теории и истории интеллигенции В. С. Меметов в Ивановском государственном

университете возглавлял кафедру истории КПСС. Позже кафедра была преобразована сначала в кафедру политической истории, затем — истории и культуры России. Начало работы В. С. Меметова в ИвГУ стало во многом определяющим для развития ивановского и всероссийского интеллигентоведения. Этот ученый с первых дней заведования стал искать и активно привлекать к своим научным поискам талантливых молодых людей. Брал их на кафедру в качестве преподавателей или в штат Межвузовского центра «Политическая культура интеллигенции, ее место и роль в истории Отечества», который был создан его усилиями в 1992 г. и который он возглавил. Позже Центр будет преобразован в Межвузовский центр гуманитарного образования по политологии, политической культуре и мировой политике, затем в Научно-исследовательский институт интеллигентоведения. Сегодня в ИвГУ традиции Межвузовских центров и НИУ продолжает Научно-образовательный центр «Интеллигенция и интеллектуалы в мировой и отечественной истории и политике».

В 2010 г. кафедра истории и культуры России была объединена с кафедрой дореволюционной отечественной истории и переименована в кафедру истории России.

Взаимодействие и взаимопонимание В. С. Меметова с молодыми людьми было столь высоким, что все они готовы были жертвовать многим, включая личные средства. Сам В. Меметов вспоминал об этом так: «Начинали с того, что на деньги, вырученные от полученных ваучеров, мы (С. Моисеев, А. Данилов, А. Рябинкин, В. Веселов, А. Семенов и я) купили бумагу!!! Именно на этой бумаге издавались первые работы по проблемам истории и теории интеллигенции» [Раскатова, Меметов, 2014: 20]. Речь шла, прежде всего, о материалах научно-теоретических конференций, которые стали регулярно проводиться в Ивановском университете с 1989 г. Сначала как всероссийские, затем вышедшие на межгосударственный и, наконец, международный уровень. В 2022 г. в ИвГУ состоялась уже XXXII Международная научно-теоретическая конференция по проблемам интеллигентоведения [Интеллигенция и интеллектуалы XXI столетия..., 2022].

Следствием взаимодействия В. С. Меметова с молодыми людьми стала не только интенсификация обсуждения проблем истории интеллигенции. Причем не только на научных форумах,

но и на заседаниях многочисленных клубов, которые различались идейной и/или общественной направленностью. Вспыхивавшие дискуссии выплескивались на страницы прессы и на улицы. Одной из площадок, где в начале 1990-х гг. развернулись бурные обсуждения общественных и иных тем, стал политический клуб «Трудный понедельник» при ивановской молодежной газете «Прямая речь».

«Прямая речь» — наследник старейшего издания Ивановского региона газеты «Юный Спартак», основанной в 1919 г. Иваново-Вознесенским губернским комитетом Российского коммунистического союза молодежи. Затем «молодежка» меняла название на «Юный текстильщик», «Рабочую молодежь», с 1929 г. — «Ленинец»¹. Последнее название закрепилось на многие десятилетия.

«Ленинец» всегда был ориентирован на воспитание молодежи в верности идеям советского строя и коммунистической партии. Все годы существования газета находилась под идеологическим и организационным контролем Ивановского областного комитета Всесоюзного ленинского комитета коммунистической молодежи, обкома ВКП(б)/КПСС и, в целом, выполняла возлагаемые на нее задания.

Судьба ивановской «молодежки» неразрывно связана с героическими и трагическими периодами истории советской страны и Ивановской области. В 1930-е гг. под жернова репрессий попали ее редакторы: К. Егоров, А. Суханов и Д. Кузнецов. Но не только мрачные времена пережил «Ленинец». Во все времена в газете работали талантливые журналисты, часть из которых связала судьбу с наукой. Так, редактор «Ленинца» Р. А. Лопаткин, защитив кандидатскую диссертацию по философии, занимал должность профессора кафедры государственно-конфессиональных отношений в Российской академии государственной службы при президенте Российской Федерации, завоевал признание как специалист в области социологии религии [Зуев, Кравчук, Пинкевич, 2010]. Также кандидатом философских наук

¹ Газета «Ленинец»: Из буклета к 60-летию газеты «Ленинец». 1979 г. URL: <http://комсомол37.рф/catalog?id=6> (дата обращения: 11.12.2021).

и религиоведом стал другой редактор газеты — Г. А. Михайлов. Кроме того, этот бывший «ленинец» стал заметным государственным чиновником в вопросах взаимодействия государства и конфессиональных общин².

Кандидатами исторических наук стали работавшие в «ивановской молодежи» крупный ивановский краевед и архивист В. П. Терентьев³ и единомышленница В. С. Меметова С. С. Садина [Раскатова, Будник, Миловзорова, 2021]. В «Ленинце» начинали свой творческий путь журналист и краевед В. И. Баделин, известный деятель культуры и поэт Я. Б. Бруштейн. И этот список можно продолжать и продолжать.

Крутой поворот газета сделала с началом так называемой «горбачевской перестройки и гласности», когда в 1985 г. в «Ленинце» пришла команда во главе с А. И. Романовым. «Молодежка» встала в авангарде движения за перемены и реформы. Особенно в общественно-политической системе. Задиристые статьи о борьбе с партийными привилегиями, о руководителях-взяточниках, о недостатках в культуре, быту и т. д. популяризировали издание. Причем у всех слоев населения, что отразилось на тираже. Он поднялся до 70 тыс. экземпляров⁴ и, как следствие, породил проблему своевременного обеспечения издания газетной бумагой⁵.

«Романовский период» стал по настоящему «золотым веком» «Ленинца». Сам А. И. Романов видел основную задачу на посту главного редактора в том, чтобы «выдавливать из себя по каплям чувство страха, преодолевать сопротивление внутреннего

² Генрих Михайлов: «Родом из комсомола». URL: <http://комсомол37.рф/catalog?id=1874> (дата обращения: 11.12.2021).

³ Солоницына Л. Д. К юбилею В. П. Терентьева (Воспоминания Л. Д. Солоницыной «Мой учитель») // Государственный архив Ивановской области: Новости. 25.02.2020. URL: <https://ivarh.ru/k-yubileyu-v-p-terenteva-vozpominaniya-l-d-solonicynoy-moy-uchitel--1267> (дата обращения: 12.12.2021).

⁴ Ширяева Г. А помнишь? (Беседа с бывшим главным редактором «Ленинца» Аркадием Романовым). URL: <http://комсомол37.рф/catalog?id=193> (дата обращения: 12.12.2021).

⁵ Вышли мы все из «Ленинца»... (Материал подготовили Е. А. Богородский и А. Романов, бывшие главные редакторы «Ленинца» и «Рабочего края») // Рабочий край. 2014. 19 дек.

цензора»⁶. Одним из путей достижения этой цели стали регулярные публикации материалов, отражавших разные точки зрения. В результате, вспоминал А. Романов, «“Ленинец” стал по-настоящему альтернативным, демократическим, а главное — дискуссионным изданием»⁷.

Во время попытки так называемого государственного переворота в августе 1991 г. редакция «молодежки» решительно поддержала сторонников Б. Н. Ельцина, возглавившего движение сопротивления. После их победы А. Романов возглавил ведущее периодическое издание Ивановской области и одно из старейших в современной России — газету «Рабочий край».

Масштабные изменения, начавшиеся в стране после 1991 г., затронули и «Ленинец». Отражением стала дискуссия о названии газеты, которое уже мало гармонировало с новым временем. К решению подключились читатели. В итоге с 1992 г. «молодежка» стала выходить под названием «Прямая речь». В том же году собственником издания стало Областное государственное унитарное предприятие (ОГУП) «Редакция газеты “Прямая речь”»⁸, зарегистрированное как юридическое лицо в 1994 г. ОГУП существовало до ноября 2004 г., когда областная администрация приняла решение о его ликвидации. По словам тогдашнего губернатора области В. И. Тихонова, каждый номер газеты приносил убыток областной казне в 30 тыс. руб.⁹

«Прямая речь» постоянно теряла аудиторию, что сказывалось на ее тираже. Не помогла и тематическая переориентация редакции на многочисленное ивановское студенчество. В результате, как заметил тот же В. И. Тихонов, ректоры ивановских вузов «поддержали решения о ликвидации газеты как отдельного

⁶ Там же.

⁷ Ширяева Г. А помнишь? (Беседа с бывшим главным редактором «Ленинца» Аркадием Романовым).

⁸ Редакция газеты «Прямая речь». URL: <https://www.rusprofile.ru/id/7997694> (дата обращения: 12.12.2021).

⁹ Газета «Прямая речь» все-таки будет ликвидирована // Частник. 2004. 3 нояб. URL: <https://chastnik.ru/news/obshchestvo/gazeta-pryamaya-rech-vse-taki-budet-likvidirovana-14-05-2015/> (дата обращения: 12.12.2021).

юридического лица»¹⁰. Предполагалось, правда, сохранить издание как приложение к областной «Ивановской газете», но и эта идея развития не получила. В августе 2006 г. предприятие «Редакция газеты “Прямая речь”» как юридическое лицо было ликвидировано¹¹. Окончательную точку в судьбе газеты поставил суд Ленинского района города Иваново в мае 2012 г.¹² С судебным решением ушла в прошлое целая эпоха ивановской журналистики и общественно-политической жизни региона.

Вернемся к «Прямой речи» 1990-х гг. После перехода А. Романова в «Рабочий край» обновленная редакция «молодежки» при главредах: Г. Ю. Никитиной, В. В. Родионовой, и. о. главреда В. В. Соловьеве и других — пыталась продолжить линию «перестроечного “Ленинца”» и искала новые, неординарные формы работы с молодежной аудиторией.¹³ Одной из находок (и признаем удачных) стал упоминавшийся выше дискуссионный политический клуб «Трудный понедельник», первое заседание которого состоялось в начале октября 1994 года и было посвящено политическим процессам в современной России¹⁴. Из инициаторов создания клуба выделим тогдашнего главного редактора «Прямой речи» Галину Павловну Ширяеву и, особенно, Александра Михайловича Семененко, который тесно сотрудничал с «молодежкой».

¹⁰ Там же.

¹¹ Редакция газеты «Прямая речь». URL: <https://egrulinfo.com/7939928/> (дата обращения: 12.12.2021).

¹² «Прямая речь» смолкла окончательно // Курсив. 2012. 26 мая. URL: <https://www.cursiv.ru/?publication=13028> (дата обращения: 12.12.2021).

¹³ Журналисты вели поиск новых форм работы, несмотря на то, что часть из них в 1990-е гг. испытала разочарование от результатов своих трудов. Утвердившийся в стране «дикий капитализм» «отбивал желание» трудиться. Яркий пример тому — слова Г. Ю. Никитиной, возглавлявшей редакцию «Ленинца»/«Прямой речи» с 1991 по 1993 г.: «Идешь утром на одну работу, а занимаешься совсем другим — ищешь, где бечевку взять, где найти бумагу. Тут не до газеты. <...> Я чувствую себя обманутой. “Ленинец” боролся за гласность, демократию, а что получилось? Мы сами волей-неволей занимались этим обманом». Цит. по: Пока строка, как сердце, бьется // Прямая речь. 1994. 22 дек.

¹⁴ Россия в демократическом «прикиде» // Там же. 4 окт.

А. М. Семененко в 1990-е гг. был более чем узнаваемой фигурой в общественно-политической жизни г. Иваново. Поэтому не случайно, что именно он и стал одним из ведущих политклуба. На свои заседания А. М. Семененко стремился пригласить людей неравнодушных, готовых к острому диалогу и, что важно, знающих проблему не поверхностно, а профессионально. Ярким доказательством служит приводимый ниже материал «Интеллигенция и интеллигентность в наше время». Это диалог ведущего с гостями политического клуба «Трудный понедельник», опубликованный на второй странице «Прямой речи» 6 декабря 1994 г. Запись заседания вела тогдашний главный редактор газеты Г. П. Ширяева.

На рассматриваемую встречу А. Семененко пригласил преподавателей высшей школы, большинство из которых знал лично по учебе или работе в ИвГУ. Все участники круглого стола являлись учениками В. С. Меметова или его близкими знакомыми. Расскажем о приглашенных более обстоятельно.

Ведущий круглого стола

Семененко Александр Михайлович (род. 1968). После окончания исторического факультета Ивановского государственного университета в 1991 г. был принят на кафедру политической истории стажером-исследователем. Был среди тех учеников В. С. Меметова, кто стоял у истоков проведения конференций по интеллигентоведению и публикации их материалов. Позже поступил к В. Меметову в аспирантуру. Подготовил и в 2004 г. защитил кандидатскую диссертацию «Общественно-политическая деятельность либерально-демократической интеллигенции в 1910 — феврале 1917 г. (по материалам Владимирской, Костромской, Тверской и Ярославской губерний)» [Семененко, 2004]. Позже преподавал в вузах г. Иваново. Работал в Ассоциации текстильных предприятий, Законодательном Собрании Ивановской области, в Администрации города Иванова, областной газете «Рабочий край» и Ивановской городской Думе.

В 2019 г. А. М. Семененко возглавил Государственный архив Ивановской области. Обязанности директора ГАИО как управленца сочетает с решением научных и общественно-значимых вопросов. А. Семененко координирует в Ивановской

области проект партии «Единая Россия» «Историческая память», является заместителем председателя и членом Президиума Ивановского областного краеведческого общества, членом комиссии по топонимике при Администрации города Иваново, входит в редколлегию журнала «Бурьлинский альманах». Автор и соавтор книг и статей по истории Ивановской земли (см., напр.: [Библиографический указатель..., 2017; Семененко, 2021]).

Участники круглого стола

Данилов Александр Анатольевич (1959—2015). После службы в армии через рабфак поступил на исторический факультет Ивановского государственного университета, который окончил в 1985 г.¹⁵ Распределение получил на кафедру истории КПСС ИвГУ, где получил должность стажера-исследователя. Здесь в 1986 г. поступил в аспирантуру к профессору В. К. Силину. В срок работу подготовить не удалось, в том числе из-за болезни и ухода в Вечность научного руководителя. В 1989 г. уже при В. С. Меметове А. А. Данилов как окончивший целевую аспирантуру был принят ассистентом на кафедру истории КПСС Ивановского государственного университета¹⁶.

В стенах ИвГУ на кафедрах истории КПСС, политической истории, культуры и истории России А. А. Данилов прошел путь от ассистента до доцента¹⁷. Некоторое время исполнял обязанности заместителя заведующего кафедрой по научно-исследовательской работе¹⁸. После объединения в 2010 г. кафедры истории и культуры России с кафедрой дореволюционной отечественной истории продолжил трудиться доцентом на объединенной кафедре истории России¹⁹.

С момента прихода на кафедру истории КПСС у А. Данилова установились прочные научные связи с В. Меметовым. Итогом

¹⁵ Архивный фонд Ивановского государственного университета. Д. 4884. Л. 1 об., 3 (далее: АФ ИвГУ).

¹⁶ Там же. Л. 8.

¹⁷ Там же. Л. 13, 29, 46, 49, 59—59 об., 65—65 об., 77—77 об., 85—85 об.

¹⁸ Там же. Л. 35.

¹⁹ Там же. Л. 99—99 об., 109—111.

стала успешная защита в июле 1990 г. в Ярославском государственном университете кандидатской диссертацией «Партийные организации и сельские советы Ивановской промышленной области: отношения, проблемы, уроки 1929—1936 гг.» [Данилов, 1990].

В 1992 г. по инициативе В. Меметова при ИвГУ был создан Межвузовский центр «Политическая культура интеллигенции, ее место и роль в истории Отечества». А. Данилов занял в Центре 0,5 ставки научного сотрудника²⁰. Трудиться в этом научном учреждении Александр Анатольевич продолжил в период докторантуры и по ее завершении²¹.

Докторскую диссертацию Данилов подготовить не успел. Среди основных причин выделим две. Во-первых, по признанию самого Данилова, «тема исследования ... оказалась гораздо более объемной, масштабной, чем виделось ранее»²². Второй причиной стала увлеченность Данилова во время пребывания в докторантуре и, особенно, по ее окончании преподавательской и учебно-методической работой в ущерб научно-исследовательской. Александр Анатольевич всегда выполнял и перевыполнял нагрузку. Более того, с 2006 г. помимо родной кафедры трудился по совместительству доцентом на кафедре общей социологии и феминологии ИвГУ²³. А. А. Данилов все 2000-е гг. увлечено разрабатывал учебные и методические пособия по истории России и культурологи. Только за 2001—2015 гг. он самостоятельно и в соавторстве с В. С. Меметовым, Т. Н. Марковой, Г. П. Красиной подготовил и опубликовал 34 работы общим объемом 310,78 печатных листа, среди которых выделяется неоднократное переизданное учебное пособие по отечественной истории, подготовленное в соавторстве с С. А. Моисеевым²⁴. Именно на базе этой книги А. А. Данилов в 2008 г. выпустил в свет, на наш взгляд, одно из наиболее удачных, компактных, но информативно-насыщенных учебных пособий по истории нашей страны [Данилов, 2008].

²⁰ Там же. Л. 32.

²¹ Там же. Л. 44, 52.

²² Там же. Л. 54.

²³ Там же. Л. 76.

²⁴ Подсчитано по: Там же. Л. 69, 75, 82—84, 96—98, 107—108.

Уделяя много внимания преподавательской и учебно-методической работе, А. Данилов до конца жизни занимался вопросами интеллигентоведения, оставив после себя немало интересных публикаций (см., напр.: [Данилов, 2001; Его же, 2002; Его же, 2013; Данилов, Корнев, 2013; Их же, 2015; Данилов, Меметов, 1997]).

Заховаев Александр Адольфович (род. 1969). В 1991 году закончил исторический факультет Ивановского государственного университета. Получил распределение на кафедру политической истории ИвГУ, которой руководил В. С. Меметов. Здесь прошел путь от стажера-исследователя до старшего преподавателя²⁵. В. С. Меметов на одном из заседаний кафедры отметил у А. А. Заховаева «стремление к поиску новых форм работы со студентами, высокий уровень профессионализма и широкую эрудицию»²⁶.

В период работы в ИвГУ Александр Адольфович активно разрабатывал проблемы методологии интеллигентоведения и истории интеллигенции [Заховаев, 1992; Заховаев, Меметов, 1994; Меметов, Заховаев, Рябинкин, Семененко, 1993 и др.]. Из 14 тезисов и статей, опубликованных им только за 1991—1994 гг., большая часть вспахивала именно это научное поле²⁷. В 1995 г. А. А. Заховаев покинул кафедру²⁸. Позже получил юридическое образование и в настоящее время трудится по этому профилю.

Конорев Сергей Владимирович (род. 1965). По окончании в 1987 г. исторического факультета Ивановского государственного университета получил распределение в школу деревни Доброхотово Кинешемского района Ивановской области, где трудился учителем истории и обществоведения²⁹. В 1990 г. был принят на работу в ИвГУ, где трудился до 2010 г. сначала на кафедре новой и новейшей истории ИвГУ, а после ее реформирования — на кафедре новой, новейшей истории и международных отношений. В ИвГУ С. В. Конорев прошел путь от ассистента

²⁵ Там же. Д. 4015. Л. 3—4 об., 5, 13, 16, 18, 23 об.

²⁶ Там же. Л. 15.

²⁷ Там же. Д. 4025. Л. 7—11.

²⁸ Там же. Л. 1, 2.

²⁹ Там же. Д. 4981. Л. 1 об.

до доцента³⁰. С 1996 по 2000 г. обучался в заочной аспирантуре Института Латинской Америки РАН. Затем продолжил научные изыскания под руководством С. М. Усманова — выпускника ИЛА РАН и одного из учеников В. С. Меметова. Под его руководством С. Конорев в 2002 г. защитил кандидатскую диссертацию «Бразильская католическая церковь в период правления военного режима (1964—1985 гг.)» [Конорев, 2002]. Подготовил ряд интересных публикации по историко-церковной проблематике и другим темам (см., напр.: [Конорев, 1993; Его же, 2004; Его же, 2008; Его же, 2010]) объемом около 8 п. л.³¹ Позже трудился в Администрации города Иванова. В настоящее время С. В. Конорев — директор Ивановского государственного историко-краеведческого музея имени Д. Г. Бурulina.

Рябинкин Александр Евгеньевич (1955—1998). По окончании исторического факультета Ивановского государственного университета в 1978 году некоторое время преподавал в школе историю и английский язык³². Прошел действительную военную службу. После демобилизации занимался комсомольской работой. Летом 1983 года был принят ассистентом на кафедру научного коммунизма в Ивановском химико-технологическом институте (современном Ивановском химико-технологическом университете), но проработал недолго. В том же году А. Е. Рябинкина вновь призвали на службу в Молдавский военный округ, теперь на офицерскую должность³³. В 1985 г. он вернулся в ИХТИ, где прошел путь от ассистента до старшего преподавателя. В стенах этого вуза началось его сотрудничество с трудившимся там В. С. Меметовым. Оно продолжилось с переходом В. Меметова в ИвГУ. В 1989 г. А. Рябинкин был направлен к нему в целевую аспирантуру и до окончания срока обучения успешно защитил кандидатскую диссертацию³⁴ «Проблемы политического и трудового воспитания молодых рабочих текстильной промышленности, 1971—1980 гг.: на материалах

³⁰ Там же. Л. 8, 12, 16—16 об., 28—28 об.

³¹ Подсчитано по: Там же. Л. 20—20 об., 26—27, 35, 44—44 об.

³² Там же. Д. 4490. Л. 1 об., 4.

³³ Там же. Л. 1 об., 6 об.

³⁴ Там же. Л. 11.

государственных, общественных и партийных организаций Верхней Волги) [Рябинкин, 1992].

По окончании аспирантуры руководство ИХТИ не стало возражать против перехода Рябинкина в ИвГУ³⁵. Здесь на кафедре политической истории, возглавляемой Меметовым, молодой ученый прошел путь от старшего преподавателя до доцента. Кроме того, с 1992 г. работал научным сотрудником в Межвузовском центре «Политическая культура интеллигенции, ее место и роль в истории Отечества»³⁶. А. Е. Рябинкин последовательно и старательно разрабатывал актуальные проблемы интеллигентоведения [Меметов, Рябинкин 1996; Рябинкин, 1995; Его же, 1998], начал работу над докторской диссертацией³⁷, но бытовая неустроенность и трагическая гибель помешали осуществлению творческих планов.

Смирнов Станислав Григорьевич (1929—2019) — доктор медицинских наук, профессор. В 1947 г. поступил в Ивановский медицинский государственный институт. В 1952 был переведен на 6 курс военно-морского факультета 1-го Ленинградского медицинского института имени И. П. Павлова, который и окончил в 1953 г. Вернулся в Иваново, где 30 лет заведовал кафедрой микробиологии ИвГМА. К 1990 г. под его научным руководством были подготовлены два десятка диссертаций, на основе которых сформировалось новое направление в микробиологии — биология бактерий. Позже перешел в Ивановский политехнический университет профессором на кафедру социально-культурного сервиса и туризма, где преподавал основы валеологии — научного направления, задачей которого является комплексное изучение индивидуального здоровья человека (социально-экономического, медицинского, экологического и других аспектов)³⁸.

³⁵ Там же. Л. 7.

³⁶ Там же. Л. 13.

³⁷ Там же. Л. 22, 23, 34.

³⁸ Доктор медицинских наук Станислав Смирнов: «Научиться быть здоровым и счастливым легко: просто полюбите себя» (Беседовала М. Куклева) // Kstati.news. 29.09.2015. URL: https://kstati.news/interview/detail.php?SECTION_ID=&ELEMENT_ID=328115 (дата обращения: 13.12.2021).

С. Г. Смирнов был членом Союза писателей России. В 1976 г. выступил с инициативой создания городского дискуссионного семинара «На острие времени», получившего имя Альберта-Виктора Иозефовича Вейника, который затем и возглавил. Как вспоминал сам С. Смирнов накануне 30-летия семинара: «...на заседаниях выступили с докладами сотни ученых и специалистов, многие сотни ... принимали участие в обсуждении разнообразных научных, исторических, философских, литературоведческих и религиозных проблем»³⁹. Для самого Смирнова встречи на семинаре являлись дополнительным источником информации для профессионального изучения «психологии творчества особо одаренных личностей»⁴⁰. Некоторые результаты изысканий нашли отражение в его книгах «Бедный гений» [Смирнов, 1999] (областная премия как лучшее прозаическое произведение за 2000 г.), «Письма к сыну, пропавшему без вести на Чеченской войне» [Смирнов, 2002a], «Еретик» [Смирнов, 2002b] и «Палешане» [Смирнов, 2006].

В 1990-е С. Г. Смирнов активно проявлял себя в общественно-политической жизни. Возглавлял Ивановское отделение партии Демократический выбор России, был зампреда партии «Смирновы России», возглавлял общественное движение «Лига защиты культуры».

Запись круглого стола вела Галина Павловна Ширяева (1953—2010) — выпускница Ивановского государственного педагогического института имени Д. А. Фурманова, профессиональный журналист⁴¹. Начинала путь в многотиражной газете фабрики имени Ф. Э. Дзержинского, затем трудилась в областных газетах «Ленинец»/«Прямая речь», «Ивановской газете», «Рабочем крае». Наиболее часто писала на морально-этические и социальные темы, о людях Ивановского края и областном центре.

³⁹ Г. С. Смирнов. Живу в настоящем, думаю о будущем (Беседовал Е. А. Богородский) // Рабочий край. 2007. 13 апр.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Скончалась известная ивановская журналистка Галина Ширяева: Новости. 16.10.2010. URL: <https://ivgoradm.ru/news?nid=11300> (дата обращения: 13.12.2021).

*Публикация круглого стола
и внутренняя критика источника*⁴²

Политклуб «Трудный понедельник». Прямая речь. 6 декабря 1994 г. С. 2.

Заседание 3-е. Ведущий А. М. Семененко.

В заседании на этот раз приняли участие С. Смирнов, профессор, доктор медицинских наук; А. Данилов, А. Рябинкин, доценты ИвГУ, кандидаты исторических наук; А. Заховаев, старший преподаватель ИвГУ, аспирант; С. Конорев, ассистент кафедры новой и новейшей истории ИвГУ.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ИНТЕЛЛИГЕНТНОСТЬ В НАШЕ ВРЕМЯ

Ведущий:

— «...лучшая часть интеллигенции всегда должна быть в оппозиции к любой власти, — сказал Ю. Афанасьев⁴³. — Это ее призвание. Мера оппозиционности может меняться, но интеллигент никогда не должен путаться с властью. Он должен быть всегда в стороне. Должен заниматься своим ремеслом». Еще одно любопытное высказывание — Г. Померанца⁴⁴: «Интеллигенция —

⁴² При публикации сохранены стиль и пунктуация оригинала.

⁴³ Афанасьев Юрий Николаевич (1934—2015) — историк, ректор Московского государственного историко-архивного института (1986—1991), основатель, ректор (1991—2003) и президент (2003—2006) Российского государственного гуманитарного университета. В начале 1990-х гг. активный общественно-политический деятель. Один из основателей движения «Демократическая Россия», депутат Съезда народных депутатов СССР (1989—1991) и Съезда народных депутатов РСФСР/России (1990—1993). С радикально-либеральных позиций критиковал политику Б. Н. Ельцина и В. В. Путина.

⁴⁴ Померанц Григорий Соломонович (1918—2013) — российский философ, теоретик культуры, писатель и эссеист, ученик культуролога, философа и теоретика литературы М. М. Бахтина. Окончил Институт философии, литературы и искусства по отделению русской литературы. В 1941 г. добровольцем ушел на фронт, где ступил в ВКП(б). В 1945 г. за «антипартийные разговоры» исключен из компартии. В 1949 г. осужден за антисоветскую деятельность на пять лет. После освобождения с 1953 по 1956 г. трудился сельским учителем в Краснодарском крае,

худшая часть общества, если не считать всех остальных». А ваше мнение на этот счет? Что такое интеллигенция и интеллигентность? Какова ее роль в культурном обновлении страны? Вообще, какова мера интеллигентности в наше время?

С. Смирнов:

— Прежде всего, что случилось с интеллигенцией России, почему с XVII столетия по сегодняшний день в ее рядах полный «раздрай»?.. Перестройка осуществлялась в основном интеллигенцией, с полярными точками зрения на то, как ее делать. Образовалось два непримиримых крыла — правое и левое. Но ведь что-то же объединяет их, и, наверное, можно найти возможность примирения...

Мне кажется, настоящий интеллигент должен отвечать трем основным качествам: быть интеллектуалом (профессионалом в области культуры, науки, реже — производства); быть социально озабоченным судьбой народа, Родины; быть нравственно озабоченным проблемами добра и зла. Эти три качества интеллигента отразил в своих «гариках» российский поэт Игорь Губерман⁴⁵:

затем получил место библиографа в отделе стран Азии и Африки ИНИОН АН СССР. С 1960-х гг. активно участвовал в диссидентском движении, вел полуподпольный философско-исторический и политэкономический семинар. Подготовил диссертацию по дзен-буддизму, но защита не состоялась. Причиной стало подписание Г. С. Померанцем в 1968 г. «Письма 224-х» в поддержку «Обращения к мировому общественному мнению», подготовленному Л. И. Богораз и П. М. Литвиновым по делу активистов самиздата А. И. Гинзбурга, Ю. Т. Галанскова, А. А. Добровольского и В. И. Лашковой («дело четырех»). В эти и последующие годы Г. С. Померанц на разных площадках выступал с работами по философии, истории, культурологии и другим вопросам, часто публиковался в самиздате, зарубежных эмигрантских и научных изданиях. Полемицировал с А. И. Солженицыным, считая, что тот проповедует идеи «почвеннического утопизма» (догматического христианского национализма). Имя Г. Померанца было запрещено упоминать в советской прессе с 1976 по 1988 г. В 1984 г. подписал документ о том, что «предупрежден об ответственности по ст. 190» (за «клевету на советскую действительность»). В России все ограничения на публикации Померанца были сняты в 1990-е гг.

⁴⁵ Губерман Игорь Миронович (род. 1936) — поэт, писатель и прозаик. Широкую известность получил благодаря своим афористичным и сатирическим четверостишиям — «гарикам». С 1988 г. живет в Израиле.

Мудрость Бога
учла заранее
пользу вечного
единения:
где блаженствует
Змей познания,
там свирепствует
Червь сомнения.

Любовь моя чиста,
и неизменно
пристрастие любовью
одержимое;
будь проклято и будь
благословенно
Отечество мое
непостижимое.

Любой из нас чертой неровной
На две личины разделен:
И каждый — Каин безусловный
И в то же время — Авель он.

Ведущий]:

— Короче говоря, интеллигенция — производство штучное.

А. Заховаев:

— Чем наш российский интеллигент отличается от западноевропейского интеллектуала?

В России роль защитника народа всегда принадлежала интеллигенции, в Западной Европе эту функцию всегда брали на себя политики, в основном выходцы из среднего класса. Феномен российской интеллигенции вполне объясним. Отсутствие демократических свобод, необходимость собираться на кухне для обсуждения проблем, боязнь, чтобы на тебя не настучали, привела к тому, что часть интеллигенции превратилась в небольшую секту со своими понятиями, своими комплексами. Претензии на всемирное осчастливливание, преклонение перед Западом, отторжение всего того, что самим неприемлемо, отдалили интеллигентов от народа. Положение усугубил раскол — консерваторы, либералы, социалисты.

А. Рябинкин:

— Почему на Западе вместо интеллигенции — интеллектуалы? Потому что там — защищенность интеллектуального труда государством, чего нет у нас. Наша интеллигенция во все времена пыталась исправить это положение. Но не было путей ее слияния с народом, хотя она сама из этого народа и вышла.

А. Данилов:

— Интеллигенция — не только принадлежность России. Она — признак не до конца сложившегося общества, любого государства, еще не ставшего правовым. Социальные болезни заставляют ее искать выход из положения. А в правовом обществе интеллигенция неизменно переходит в разряд «интеллектуалов».

Большая часть людей, которая причисляет себя к интеллигенции, не соответствует ее статусу. Но не только поэтому интеллигент — слово ругательное. Стремясь найти выход из положения, он предлагает рецепты, которые далеко не всегда действуют. Кто же в таких случаях виноват? Конечно, врач, как бы он ни хотел вылечить больного. Политика в больном обществе — дело грязное. Интеллигент может быть у власти только тогда, когда общество здорово.

С. Смирнов:

— Говорить о советской и постсоветской интеллигенции довольно непросто. Именно у нас впервые построили так называемый социализм, мы же впервые шагаем из социализма прямо в капитализм. Интеллигенция всегда идет своим путем — зовут вперед, но никто не знает, где этот «перед».

А. Рябинкин:

— Интеллигенция восприимчива к красивым идеям — осчастливить всех, обогатить, как ее ни ломали, ни крутили. Теперь, например, она хочет сделать все так, как на Западе.

Ведущий]:

— Еще одно свойство интеллигенции — нетерпение. Все сделать, скажем, за 500 дней!⁴⁶ Ну, как же, народ верит в «нас»!

⁴⁶ «Программа 500 дней» — законопроект, который разрабатывался группой экономистов при поддержке М. С. Горбачева и Б. Н. Ельцина в целях преодоления экономического кризиса, реализации «прав граждан на лучшую, более достойную жизнь» и перехода плановой экономики

С. Смирнов:

— Все 70 лет интеллигенция считалась у нас «гнилой прослойкой». Были времена, когда ей приплачивали, теперь ей недоплачивают. Идет ее размежевание. Разговоры о славянофилах и западниках — уже история. Сейчас она отрыгнулась нам западниками, демократами, националистами, либералами... Два полюса современной интеллигенции — Шафаревич⁴⁷ и Сахаров⁴⁸.

СССР на рыночную. «Программа 500 дней» обнародована в 1990 г., по имени ее наиболее известных участников имеет также другое название — «Проект Шаталина — Явлинского».

Явлинский Григорий Алексеевич (род. 1952) занимал в 1990 г. кресло председателя Государственной комиссии по экономической реформе. Академик Шаталин Станислав Сергеевич (1934—1997) в то время академик-секретарь отделения экономики АН СССР, член Президентского Совета СССР и член ЦК КПСС, входил в Государственную комиссию по экономической реформе и фактически возглавлял рабочую группу по разработке «Программы 500 дней».

«Программа 500 дней» состояла из 4-х этапов: 1) за первые 100 дней проведение приватизации жилья, земли и мелких предприятий; акционирование крупных предприятий; создание на базе Госбанка СССР Резервной системы; 2) за следующие 150 дней проведение либерализации цен; 3) в течение следующих 150 дней должна произойти стабилизация рынка; 4) в завершающие 100 дней должен начаться социально-экономический подъем.

⁴⁷ Шафаревич Игорь Ростиславович (1923—2017) — доктор физико-математических наук, лауреат Ленинской премии (1959), академик Российской академии наук, иностранный член многих зарубежных академий (Национальной академии деи Линчеи (Италия), германской академии естествоиспытателей «Леопольдина», Лондонского королевского общества и др.). В СССР активно участвовал в диссидентском движении. Подписал ряд обращений: «Письмо девяносто девяти» (1968) в защиту математика А. Есенина-Вольпина, принудительно помещенного в психиатрическую больницу в связи с его диссидентской деятельностью, открытые письма в защиту академика А. Д. Сахарова (1973) и писателя А. И. Солженицына (1974). Автор книги «Социалистический феномен» (1980), в которой утверждал, что человек становится личностью через отношение с Богом, социализм же по своей сути нигилистичен и бессознательно мотивирован инстинктом смерти. Входил в редколлегию журнала «Наш современник», газет «День» и «Завтра», известных своей радикально-консервативной направленностью. За ряд публикаций

Когда-то оба были правозащитниками, сидели за одним столом в Комитете по защите прав человека. И вдруг — их пути резко разошлись: И Шафаревич написал книгу «Русофобия» и стал идеологом правых, А Сахаров остался правозащитником и лидером либералов...

Расслоение в умах интеллигенции не случайно. Оно подготовлено событиями XIX в.⁴⁹, революцией, семьдесятю годами социализма. Читаешь писателей-«деревенщиков» и удивляешься, за что их власти гладили по голове, ведь критика была очень резкая...

А вот Лихачев⁵⁰ сидел в Соловках⁵¹, а ведь сколько он сделал для России, для ее литературы и истории... Те, кто занимается

(«Русофобия» (1989) и «Тайна трех тысячелетий» (2002)), а также подписанных обращений («Письмо семидесяти четырех» (1990) и «Письмо пяти тысяч» (2005)) неоднократно обвинялся в антисемитизме.

⁴⁸ Сахаров Андрей Дмитриевич (1921—1989) — физик-теоретик, один из создателей водородной бомбы, академик АН СССР. Лидер диссидентского и правозащитного движения СССР. Подписал «Письмо двадцати пяти» против частичной или косвенной реабилитации И. В. Сталина. Автор пацифистских работ по вопросам мирового развития («Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе» (1968), «О стране и мире» (1975)). Лауреат Нобелевской премии мира (1975). Один из основателей «Московского Комитета прав человека» (1970). В 1970-е — 1980-е гг. в печати и научных кругах СССР против А. Д. Сахарова была развернута компания, во время которой ученого открыто поддержали И. Р. Шафаревич и Д. С. Лихачев. Расходился с руководством СССР по внешнеполитическим вопросам: поддержал Государство Израиль в Шестидневной войне 1967 г., осудил ввод войск стран Варшавского договора в Чехословакию в 1968 г. и советских войск в Афганистан в 1979 г. Был лишен всех наград и в 1980 г. сослан в г. Горький (Н. Новгород), где в знак протеста трижды проводил голодовки. Вернулся в Москву в 1986 г. Был депутатом Совета народных депутатов СССР. Автор проекта Конституции Союза Советских Республик Европы и Азии.

⁴⁹ В оригинале напечатано «19 века».

⁵⁰ Лихачев Дмитрий Сергеевич (1906—1999) — академик АН СССР, российский филолог, культуролог и искусствовед, член Союза писателей СССР, председатель правления Советского/Российского фонда культуры (1986—1993). Герой Социалистического Труда (1986).

интеллектуальным трудом, кто печется о судьбе Родины, о нравственности, часто становятся козлами отпущения. На Западе проблемы Родины нет. Там мера нравственности — доллар. Нравственно все то, что помогает стать богатым... Наш российский интеллигент не исчезнет даже тогда, когда Россия встанет на ноги, ведь проблемы добра и зла никогда не исчезнут...

Ведущий:

— Интеллигенция должна разобраться в себе — что она хочет для России, а не заниматься самолюбованием и самосозерцанием. Нынешние события восстановили связь времен, которая была нарушена еще в феврале 17-го года. Тогда интеллигенция не готова была взять власть, но вынуждена была это сделать. И попала в западню. Что выбрать, как? Вопрос этот до сих пор не решен. Россия — не Запад, не Азия. У нас же все пытаются насильно увязать «их» и «наше». Интеллигенция потеряла способность к пониманию. Сначала молится одному Богу, потом другому,

Лауреат Сталинской премии второй степени (1952), Государственной премии СССР (1969) и Государственных премий РФ (1993; 1999). Иностранный член или почетный профессор/доктор многих зарубежных академий и университетов (Болгарской академии наук, Национальной академии Италии, Американской академии наук и искусств, университета имени Николая Коперника в Турине, Оксфордского университета, Эдинбургского университета, университета Бордо и т. д.). С 1928 по 1932 г. Д. С. Лихачев находился в заключении по обвинению в антисоветской деятельности. Все судимости были сняты по ходатайству президента АН СССР А. П. Карпинского в 1936 г. В годы Великой Отечественной войны Д. С. Лихачев с семьей пережил блокаду Ленинграда. Позже неоднократно проявлял активную гражданскую позицию. В частности, выступил против исключения А. Д. Сахарова из Академии наук СССР (1975), поддержал инициативу возвращения Русской Православной Церкви Соловецкого и Валаамского монастырей (1989).

⁵¹ Речь идет о Соловецком лагере особого назначения (сокращенно СЛОН или «Соловки»). Лагерь был создан на территории Соловецких островов в 1923 г. и действовал до 1933 г. В «Соловках» содержались заключенные, обвиненные как по политическим, так и уголовным статьям. С 1928 по 1931 г. в лагере отбывал срок Д. С. Лихачев. Позже его перевели в исправительно-трудовой лагерь Белбалтлаг (ББЛ, Беломорско-Балтийский ИТЛ), организованный для строительства Беломорско-Балтийского канала.

ищет черную кошку в темной комнате, хотя ее там нет. Такая ситуация всегда ведет к поражению. Придя к власти, интеллигент бросается из одной крайности в другую.

С. Смирнов:

— Куда поведет наш интеллигент, оказавшись у власти, трудно спрогнозировать, ведь он сейчас живет по принципу три «д»: донашивает, доживает, доедает.

А. Рябинкин:

— К власти идет кто? Инженеры, строители, писатели, музыканты... Прочитали какие-то книжечки и считают себя способными управлять. Нет научного прогноза, анализа объективных ситуаций, нет диагностики. Политика шараханья...

Ведущий/:

— Так, может, интеллигенту лучше отсидеться, чтобы шишек не набивать?..

А. Данилов:

— Если не хочешь заниматься политикой, она займется тобой.

А. Рябинкин:

— В России нет преемственности власти. Каждый пласт не просто уходит — он истребляется, иногда даже физически.

А. Захоев:

— Отсюда — отсутствие профессионализма. Кто у нас депутаты — люди, которые умело подали себя перед избирателями.

Ведущий/:

— Когда политик говорит, что он любит всех, что будет развешивать каждому счастье, как карамель, — его надо лишать власти. Он первый испугается, не выдержав испытания огнем, водой и медными трубами. Не власть портит человека, а человек власть. Народ допускает в нее «мутантов», которые, что хотят, то и делают. Власть — тяжелый труд. Русские цари, их министры были большими тружениками. Сейчас этого нет. В основном — болтовня, возбуждение интереса к своей личности.

А. Рябинкин:

— Вернусь к расколу в среде интеллигенции. Возможно ли, все-таки, его преодолеть? Необходим компромисс интеллигенции, власти, народа...

С. Конорев:

— Лично я думаю — нет. Разве только снять остроту. Сделать партитуру из трех—четырёх партий и рассовать всю интеллигенцию. И, конечно, присматривать за властью, контролировать ее.

А. Данилов:

— Главное, чтобы интеллигенция не раздувала пожар, а пыталась притушить его, выступала не в качестве пророка, мессии, а в качестве примирителя.

А. Заховаев:

— Интеллигенции необходимо объединиться для поиска объединяющей идеи. Для этого нужен соответствующий лидер.

Ведущий/:

— Вот именно — лидер, а не вождь, лидер, который бы олицетворял авторитет компромисса. Такой, к сожалению, пока не нашелся...

Список источников

- Библиографический указатель трудов Семененко А. М. / сост. С. В. Крамачева. Иваново: Иван. гос. энергет. ун-т, 2017. 9 с.
- Валерий Сергеевич Меметов: ученый педагог, организатор: сб. статей / ред. В. В. Комиссаров. Иваново: Информатика, 2020. 340 с.
- Данилов А. А. Партийные организации и сельские советы Ивановской промышленной области: отношения, проблемы, уроки 1929—1936 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 1990. 182 с.
- Данилов А. А. Российская история: учеб. пособие. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2008. 500 с.
- Данилов А. А. Акмеологические аспекты изучения интеллигенции // Интеллигенция и мир. 2001. № 2—3. С. 131—142.
- Данилов А. А. Интеллигенция российской провинции: некоторые вопросы историографии // Интеллигенция и мир. 2002. № 1—2. С. 48—51.
- Данилов А. А. К вопросу о дефиниции «интеллигенция» в античной и средневековой философии // Интеллигенция и мир. 2013. № 2. С. 125—130.
- Данилов А. А., Корнев С. А. Одиночество интеллигенции: страх утраты субъектности // Интеллигенция и мир. 2015. № 1. С. 88—96.
- Данилов А. А., Меметов В. С. Интеллигенция провинции в истории и культуре России. Иваново: Иван. гос. ун-т, 1997. 173 с.

- Заховаев А. А.* Н. А. Бухарин о роли интеллигенции в советском обществе (1923—1929 гг.) // Интеллигенция в политической истории XX века: тез. докл. межгосуд. науч.-теорет. конф., Иваново, 23—24 апр. 1992 г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 1992. С. 161—162.
- Интеллигенция и интеллектуалы XXI столетия в контексте вызовов окружающего мира: материалы 32-ой Междун. науч.-теорет. конф. Иваново, 22—23 сент. 2022 г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2022. 261 с.
- Конорев С. В.* Роль церкви в политических системах стран Латинской Америки // Развивающиеся страны: основные тенденции социально-политической эволюции: учеб. пособие. Иваново: Иван. гос. ун-т, 1993. С. 15—29.
- Конорев С. В.* Бразильская католическая церковь в период правления военного режима (1964—1985 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 2002. 214 с.
- Конорев С. В.* Бразильская католическая церковь XX столетия: социальная активность и духовно-нравственный потенциал // Интеллигенция и мир. 2004. № 3—4. С. 125—132.
- Конорев С. В.* Этнополитические процессы и русский вопрос в современном Казахстане // Проблемы формирования общероссийской идентичности: русскость и российскость: материалы Междунар. науч. конф., Иваново — Плёт, 15—16 мая 2008 г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2008. С. 393—402.
- Конорев С. В.* Католический традиционализм и его проявления в современной России // Государство, общество, Церковь в истории России XX века: материалы IX Междунар. науч. конф., Иваново, 10—11 февр. 2010 г.: в 2 ч. Ч. 2. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2010. С. 453—457.
- Меметов В. С., Заховаев А. А.* В поисках новых методологических подходов в изучении истории интеллигенции России // Проблемы теории и истории изучения интеллигенции: поиск новых подходов: межвуз. сб. ст. Иваново: Иван. гос. ун-т, 1994. С. 4—12.
- Меметов В. С., Заховаев А. А., Рябинкин А. Е., Семенов А. М.* Интеллигенция и политика: поиск новых подходов. // Ивановский государственный университет — 20 лет: Юбилейный сб. науч. ст.: в 2 ч. Ч. 1. Иваново: Иван. гос. ун-т, 1993. С. 150—153.
- Меметов В. С., Рябинкин А. Е.* К вопросу о преемственности традиции в деятельности российской интеллигенции // Интеллигенция, провинция, Отечество: проблемы истории, культуры, политики: тезисы докл. межгосуд. науч.-теорет. конф., Иваново, 24—26 сент. 1996 г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 1996. С. 30—31.

- Олейник О. Ю.* О значении научного наследия В. С. Меметова // Интеллигенция и мир. 2021. № 1. С. 9—29.
- Раскатова Е. М., Меметов В. С.* «За эти годы сложилось несколько поколений интеллигентоведов...» (Интервью Е. М. Раскатовой с В. С. Меметовым) // Интеллигенция и мир. 2014. № 1. С. 9—29.
- Раскатова Е. М., Будник Г. А., Миловзорова М. А.* Памяти С. С. Садиной // Интеллигенция и мир. 2021. № 2. С. 129—131.
- Рябинкин А. Е.* Проблемы политического и трудового воспитания молодых рабочих текстильной промышленности, 1971—1980 гг.: на материалах государственных, общественных и партийных организаций Верхней Волги: дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 1992. 226 с.
- Рябинкин А. Е.* Современная публицистика об интеллигенции // Российская интеллигенция в отечественной и зарубежной историографии: тез. докл. межгосуд. науч.-теорет. конф., Иваново, 20—21 сент. 1995 г.: в 2 ч. Ч. 2. Иваново: Иван. гос. ун-т, 1995. С. 426—427.
- Рябинкин А. Е.* О существенных характеристиках и нравственных аспектах деятельности постсоветской интеллигенции // Нравственный императив интеллигенции: прошлое, настоящее, будущее: тез. междунар. науч.-теорет. конф., Иваново, 23—25 сент. 1998 г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 1998. С. 81—82.
- Семенов А. М.* Общественно-политическая деятельность либерально-демократической интеллигенции в 1910 — феврале 1917 гг. (по материалам Владимирской, Костромской, Тверской и Ярославской губерний): дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 2004. 249 с.
- Семенов А. М.* Вклад интеллигенции города Иваново в Победу в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. // Интеллигенция и мир. 2021. № 3. С. 9—24.
- Смирнов С. Г.* Бедный гений. Документальная повесть о провинциальном художнике Чапкине из Южи. Иваново: Изд-во «Иваново», 1999. 222 с.
- Смирнов С. Г.* Письма к сыну, пропавшему без вести на Чеченской войне. Иваново: Изд-во «Иваново», 2002а. 115 с.
- Смирнов С. Г.* Еретик. Четырнадцать дней из жизни Альберта-Виктора Вейника. Документальная повесть. Иваново: [б. и.], 2002б. 160 с.
- Смирнов С. Г.* Палешане: Книга очерков. Иваново: Изд-во «Иваново», 2006. 188 с.
- Усманов С. М., Калинин А. К.* Методологические проблемы изучения интеллигенции: между «Антитеоретическим консенсусом» и «приближением к универсальности» // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2021. № 6. С. 58—64.

References

- Danilov, A. A. (1990), *Partiinnye organizatsii i sel'skie sovety Ivanovskoi promyshlennoi oblasti: otnosheniia, problemy, uroki 1929—1936 gg.* [Party organizations and Village Councils of the Ivanovo Industrial Region: relations, problems, lessons of 1929—1936], Ph. D. (History) Thesis, Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Ivanovo, Russia.
- Danilov, A. A. (2008), *Rossiiskaia istoriia: uchebnoe posobii* [Russian History: a textbook], Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Ivanovo, Russia.
- Danilov, A. A. (2001), ‘Acmeological aspects of the study of the intelligentsia’, *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 2—3: 131—142.
- Danilov, A. A. (2002), ‘Intelligentsia of the Russian province: some questions of historiography’, *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 1—2: 48—51.
- Danilov, A. A. (2013), ‘On the question of the definition of “intelligentsia” in Ancient and Medieval philosophy’, *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 2: 125—130.
- Danilov, A. A. and Kornev, S. A. (2015), ‘Loneliness of the intelligentsia: fear of loss of subjectivity’, *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 1: 88—96.
- Danilov, A. A. and Memetov, V. S. (1997), *Intelligentsiia provintsii v istorii i kul'ture Rossii* [Intelligentsia of the province in the history and culture of Russia], Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Ivanovo, Russia.
- Intelligentsiia i intellektualy XXI stoletii v kontekste vyzovov okruzhaiushchego mira: materialy 32-oi Mezhdunarodnoi nauchno-teoreticheskoi konferentsii* [Intelligentsia and intellectuals of the XXI century in the context of the challenges of the surrounding world: materials of the 32nd International Scientific and Theoretical Conference] (2022), Ivanovo, Russia, 22—23 September 2022, Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Ivanovo.
- Komissarov, V. V. (ed.) (2020), *Valerii Sergeevich Memetov: uchenyi pedagog, organizator: sbornik statei* [Valery Sergeevich Memetov: scientist, teacher, organizer: collection of articles], Informatika, Ivanovo, Russia.
- Konorev, S. V. (1993), ‘The role of the Church in the political systems of Latin America’, *Razvivaiushchiesia strany: osnovnye tendentsii sotsial'no-politicheskoi evoliutsii: uchebnoe posobie* [Developing countries: the main trends of socio-political evolution: Textbook], Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Ivanovo, Russia: 15—29.

- Konorev, S. V. (2002), *Brazil'skaia katolicheskaia tserkov' v period pravleniia voennogo rezhima (1964—1985 gg.)* [Brazilian Catholic Church during the military regime (1964—1985)], Ph. D. (History) Thesis, Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Ivanovo, Russia.
- Konorev, S. V. (2004), 'The Brazilian Catholic Church of the XX century: social activity and Spiritual and moral potential', *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 3—4: 125—132.
- Konorev, S. V. (2008), 'Ethnopolitical processes and the Russian question in modern Kazakhstan', *Problemy formirovaniia obshcherossiiskoi identichnosti: russkost' i rossiiskost': materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Problems of formation of the All-Russian identity: Russianness and Russianness: materials of the International Scientific Conference.], Ivanovo — Ples, Russia, 15—16 May 2008, Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Ivanovo: 393—402.
- Konorev, S. V. (2010), 'Catholic Traditionalism and its Manifestations in Modern Russia', *Gosudarstvo, obshchestvo, Tserkov' v istorii Rossii XX veka: materialy IX Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii: v 2 chastiakh, chast' 2* [State, Society, Church in the History of Russia of the twentieth Century: Proceedings of the IX International Scientific Conference: in 2 parts, part 1], Ivanovo, Russia, 10—11 February 2010, Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Ivanovo: 453—457.
- Kramacheva, S. V. (comp.) (2017), *Bibliograficheskii ukazatel' trudov Semenenko A. M.* [Bibliographic index of the works of A. M. Semenenko], Ivanovskii gosudarstvennyi energeticheskii universitet, Ivanovo, Russia.
- Memetov, V. S. and Ryabinkin, A. E. (1996), 'On the question of the continuity of tradition in the activities of the Russian intelligentsia', *Intelligentsiia, provintsiia, Otechestvo: problemy istorii, kul'tury, politiki: tezisy dokladov mezhgosudarstvennoi nauchno-teoreticheskoi konferentsii* [Intelligentsia, province, Fatherland: problems of history. Culture, politics: abstracts of reports of the interstate scientific and theoretical conference], Ivanovo, Russia, 24—26 September 1996, Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Ivanovo: 30—31.
- Memetov, V. S. and Zakhovaev, A. A. (1994), 'In search of new methodological approaches in the study of the history of the intelligentsia of Russia', *Problemy teorii i istorii izucheniia intelligentsii: poisk novykh podkhodov: mezhvuzovskii sbornik statei* [Problems of theory and history of the study of the intelligentsia: the search for new approaches: interuniversity collection of articles], Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Ivanovo, Russia: 4—12.

- Memetov, V. S., Zakhovaev, A. A., Ryabinkin, A. E. and Semenenko, A. M. (1993), 'Intelligentsia and politics: the search for new approaches, *Ivanovskii gosudarstvennyi universitet — 20 let: Iubileinyi sbornik nauchnykh statei: v 2 chastiakh, chast' 1* [Ivanovo State University — 20 years: Anniversary collection of scientific articles: in 2 parts, part 1], Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Ivanovo, Russia: 150—153.
- Oleinik, O. Yu. (2021), 'On the significance of V. S. Memetov's scientific heritage', *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 1: 9—29.
- Raskatova, E. M. and Memetov, V.S. (2014), "'Over the years, several generations of intellectuals have developed...'" (Interview of E. M. Raskatova with V. S. Memetov)', *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 1: 9—29.
- Raskatova, E. M., Budnik, G. A. and Milovzorova, M. A. (2021), 'In memory of S. S. Sadina', *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 2: 129—131.
- Ryabinkin, A. E. (1992), *Problemy politicheskogo i trudovogo vospitaniia molodykh rabochikh tekstil'noi promyshlennosti, 1971—1980 gg. : na materialakh gosudarstvennykh, obshchestvennykh i partiinykh organizatsii Verkhnei Volgi* [Problems of political and labor education of young textile workers, 1971—1980: based on materials of state, public and party organizations of the Upper Volga], Ph. D. (History) Thesis, Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Ivanovo, Russia.
- Ryabinkin, A. E. (1995), 'Modern journalism about the intelligentsia', *Rossiiskaia intelligentsiia v otechestvennoi i zarubezhnoi istoriografii: tezisy dokladov mezhgosudarstvennoi nauchno-teoreticheskoi konferentsii: v 2 chastiakh, chast' 2* [The Russian intelligentsia in domestic and foreign historiography: abstracts of reports of the interstate scientific and theoretical conference: in 2 parts, part 2], Ivanovo, Russia, 20—21 September 1995, Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Ivanovo: 426—427.
- Ryabinkin, A. E. (1998), 'On the essential characteristics and moral aspects of the activities of the post-Soviet intelligentsia', *Nravstvennyi imperativ intelligentsii: proshloe, nastoiashchee, budushchee: tezisy mezhdunarodnoi nauchno-teoreticheskoi konferentsii* [The Moral imperative of the Intelligentsia: past, present, future: abstracts of the international scientific and theoretical conference], Ivanovo, Russia, 23—25 September 1998, Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Ivanovo: 81—82.

- Semenenko, A. M. (2004), *Obshchestvenno-politicheskaia deiatel'nost' liberal'no-demokraticheskoi intelligentsii v 1910 — fevrale 1917 gg. (po materialam Vladimirskoi, Kostromskoi, Tverskoi i Iaroslavskoi gubernii)* [Socio-political activity of the Liberal-democratic intelligentsia in 1910 — February 1917 (based on the materials of the Vladimir, Kostroma, Tver and Yaroslavl provinces)], Ph. D. (History) Thesis, Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Ivanovo, Russia.
- Semenenko, A. M. (2021), 'Contribution of the intelligentsia of the city of Ivanovo to the Victory in the Great Patriotic War of 1941—1945', *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 3: 9—24.
- Smirnov, S. G. (1999), *Bednyi genii, Dokumental'naia povest' o provintsial'nom khudozhnike Chapkine iz Iuzhi* [Poor genius. A documentary story about the provincial artist Chapkin from Yuzha]. Izdatel'stvo "Ivanovo", Ivanovo, Russia.
- Smirnov, S. G. (2002a), *Pis'ma k synu, propavshemu bez vesti na Chetchenskoi voine* [Letters to the son who went missing in the Chechen war], Izdatel'stvo "Ivanovo", Ivanovo, Russia.
- Smirnov, S. G. (2002b), *Eretik. Chetyrnadtsat' dnei iz zhizni Al'berta-Viktora Veinika. Dokumental'naia povest'* [The Heretic, Fourteen Days from the Life of Albert-Victor Veynik, Documentary Novel], Ivanovo, Russia.
- Smirnov, S. G. (2006), *Paleshane: Kniga ocherkov* [Paleshane: A book of essays], Izdatel'stvo "Ivanovo", Ivanovo, Russia.
- Usmanov, S. M. and Kalinin, A. K. (2021), 'Methodological problems of the study of the intelligentsia: between the "Antitheoretical consensus" and "approximation to universality"', *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N. I. Lobachevskogo* [Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod], no. 6: 58—64.
- Zakhovae, A. A. (1992), 'N.A. Bukharin on the role of the intelligentsia in Soviet society (1923—1929)', *Intelligentsiia v politicheskoi istorii XX veka: tezisy dokladov mezhgosudarstvennoi nauchno-teoreticheskoi konferentsii* [Intelligentsia in the Political History of the twentieth Century: abstracts of reports of the interstate scientific and practical conference], Ivanovo, Russia, 23—24 April 1992, Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Ivanovo: 161—162.
- Zuev, Yu. P., Kravchuk, V. V. and Pinkevich, V. K. (2010), 'Remir Aleksandrovich Lopatkin: to the 80th anniversary of his birth', *Gosudarstvo, religii, Tserkov' v Rossii i za rubezhom* [State, Religion and Church in Russia and Worldwide], vol. 28, no. 4: 238—253.

Статья поступила в редакцию 15.02.2022; одобрена после рецензирования 11.03.2022; принята к публикации 23.03.2022.

The article was submitted 15.02.2022; approved after reviewing 11.03.2022; accepted for publication 23.03.2022.

Информация об авторе / Information about the author

В. Л. Черноперов — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, Россия.

V. L. Chernoperov — Doctor of Science (History), Associate Professor, Professor of the Department of General History and International Relations, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Russia.

ПО СЛЕДАМ ПРОЧИТАННОГО READING AND DISCUSSION

Интеллигенция и мир. 2022. № 4. С. 157—167.

Intelligentsia and the World. 2022. No. 4. P. 157—167.

Рецензия

УДК 94(470.315).083

DOI: 10.46725/IW.2022.4.9

**АКТИВИСТЫ-ОБЩЕСТВЕННИКИ — СОЗДАТЕЛИ
ЭЛЕМЕНТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА**
**Рец. на кн.: Балдин К. Е. У истоков гражданского
общества в российской провинции:
общественные организации Иваново-Вознесенска
(конец XIX — начало XX в.).
Иваново: Иван. гос. ун-т, 2021. 268 с.**

Алексей Александрович Соловьев

Средняя школа № 26 с углубленным изучением предметов
естественно-научного цикла, Иваново, Россия,
aleksey.s37@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1211-8690>

Аннотация. В рецензии анализируется очередная монография К. Е. Балдина «У истоков гражданского общества в российской провинции: общественные организации Иваново-Вознесенска (конец XIX — начало XX в.)», основой которой стал исследовательский проект, подготовленный при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Кирилл Евгеньевич Балдин — автор нескольких сотен публикаций по истории Ивановского края, доктор исторических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации и почетный работник высшего профессионального образования

Российской Федерации. Практически 50 лет своей жизни он отдал изучению и популяризации истории Ивановского края. Он по праву считается одним из самых авторитетных историков-краеведов города Иванова и Ивановской области, чье имя хорошо известно среди российского исторического сообщества. Рецензируемая монография является логическим завершением серии публикаций К. Е. Балдина, посвященных истории некоммерческих и неполитических общественных организаций, которые действовали в Иваново-Вознесенске в конце XIX — начале XX в. В основу классификации организаций в данной монографии положен принцип целеполагания, т. е. общества разделены в зависимости от целей, которые они преследовали. В книге показан процесс становления элементов гражданского общества в Иваново-Вознесенске в конце XIX — начале XX в. Этот процесс шел поступательно, а общественные объединения постепенно начали выполнять важную социальную функцию. Большое внимание в книге уделено выявлению характерных черт самоорганизации общества в индустриальном Иваново-Вознесенске. Акцентируется внимание на том, что среди общественников на рубеже XIX и XX вв. становилось все больше представителей самых разных социальных слоев. Особенностью Иваново-Вознесенска стало то, что среди них было немало крупных текстильных фабрикантов-предпринимателей. Огромную роль (прежде всего организаторского характера) в деятельности городских общественных организаций внесли представители местной интеллигенции, многие из которых инициировали создание различных общественных ассоциаций. Особо отмечено, что тормозом для более динамичного развития общественных структур был разрешительный характер регистрации неполитических некоммерческих организаций в Российской империи, а также недостаточное упорство учредителей и пассивность некоторых членов таких организаций. Монография изобилует интересными материалами из Государственных архивов Ивановской и Владимирской областей, в том числе материалами, которые ранее были малоизвестны читателям. Ее также органично дополняют многочисленные фотографии, в том числе местных фабрикантов и представителей интеллигенции, сделанные в дореволюционном Иваново-Вознесенске, что заметно оживляет данное издание. Важность и полезность рецензируемой монографии не вызывает никакого сомнения. Вопрос построения гражданского общества и в настоящее время достаточно злободневен.

Ключевые слова: общественные организации, общественность, гражданское общество, Иваново-Вознесенск, К. Е. Балдин

Для цитирования: Соловьев А. А. Активисты-общественники — создатели элементов гражданского общества. *Рец. на кн.: Балдин К. Е. Истоки гражданского общества в российской провинции: общественные организации Иваново-Вознесенска (конец XIX — начало XX в.). Иваново: Иван. гос. ун-т, 2021. 268 с. // Интеллигенция и мир. 2022. № 4. С. 157—167.*

Review

**PUBLIC ACTIVISTS —
CREATORS OF CIVIL SOCIETY ELEMENTS**
Review on the book: Baldin K. E. At the origins of civil society in the Russian province: public organizations of Ivanovo-Voznesensk (late XIX — early XX century). Ivanovo: Ivanovo State University, 2021. 268 p.

Aleksey A. Soloviev

Ivanovo Secondary School no 26 with advanced study of natural sciences,
Ivanovo, Russia, aleksey.s37@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-1211-8690>

Abstract. The review analyzes another monograph by K. E. Baldin “At the origins of civil society in the Russian province: public organizations of Ivanovo-Voznesensk (late XIX — early XX century)”, which is based on the research project prepared with the financial support of the Russian Humanities Research Foundation. Kirill Evgenievich Baldin is the author of several hundred publications on the history of the Ivanovo Region, Doctor of Historical Sciences, Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation and Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation. He devoted almost 50 years of his life to studying and popularizing the history of the Ivanovo Region. He is rightfully considered one of the most authoritative local historians of the city of Ivanovo and the Ivanovo region, whose name is well known among the Russian historical community. The reviewed monograph is the logical conclusion of a series of publications by K. E. Baldin devoted to the history of non-profit and non-political public organizations that operated in Ivanovo-Voznesensk in the late XIX — early XX century. The classification of organizations in this monograph is based on the principle of goal-setting, i. e. societies are divided depending on the goals they pursued. The book shows the process of formation

of elements of civil society in Ivanovo-Voznesensk in the late XIX — early XX century. This process proceeded progressively, and public associations gradually began to perform an important social function. Much attention in the book is paid to identifying the characteristic features of self-organization of society in industrial Ivanovo-Voznesensk. Attention is focused on the fact that among public figures at the turn of the XIX and XX centuries there are more and more representatives of various social strata. The peculiarity of Ivanovo-Voznesensk was that there were many large textile manufacturers-entrepreneurs among them. Representatives of the local intelligentsia, many of whom initiated the creation of various public associations, played a huge role (primarily of an organizational nature) in the activities of urban public organizations. It is particularly noted that the permissive nature of the registration of non-political non-profit organizations in the Russian Empire, as well as the insufficient persistence of the founders and the passivity of some members of such organizations, was a brake on the more dynamic development of public structures. The monograph is replete with interesting materials from the State Archives of the Ivanovo and Vladimir regions, including those that were previously little known to readers. It is also organically complemented by numerous photographs, including local manufacturers and intellectuals, taken in pre-revolutionary Ivanovo-Voznesensk, which noticeably enlivens this publication. The importance and usefulness of the reviewed monograph is beyond any doubt. The issue of building a civil society is currently quite topical.

Keywords: public organizations, public, civil society, Ivanovo-Voznesensk, K. E. Baldin

For citation: Soloviev, A. A. (2022), 'Public activists — creators of civil society elements. Review on the book: Baldin K. E. (2021), *U istokov grazhdanskogo obshchestva v rossiiskoi provintsii: obshchestvennye organizatsii Ivanovo-Voznesenska (konets XIX — nachalo XX v.)* [At the origins of civil society in the Russian province: public organizations of Ivanovo-Voznesensk (late XIX – early XX century)], Ivanovo State University, Ivanovo, 268 p.', *Intelligentsia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 4: 157—167 (in Russ.).

В 2021 г. в издательстве Ивановского государственного университета вышла в свет очередная монография известного ивановского ученого, доктора исторических наук, профессора Кирилла Евгеньевича Балдина. Основой для данной книги стал исследовательский проект, подготовленный К. Е. Балдиным

при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) № 12-11-37001.

Краеведческие публикации К. Е. Балдина — потомственно-го ивановца в седьмом поколении — всегда с интересом читаются. Они написаны грамотным литературным языком, изобилуют большим количеством интересных исторических фактов. Именно Кирилл Евгеньевич привил автору настоящей рецензии интерес к истории Ивановского края. Под его научным руководством была написана дипломная работа и кандидатская диссертация. Наконец, он выступил научным консультантом при защите автором докторской диссертации. К. Е. Балдин по праву считается одним из самых авторитетных ивановских историков-краеведов, внесших значительный вклад в популяризацию истории родного края. Его научная и общественная активность оценена по достоинству. Ему присвоены звания «Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации» и «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации». Он был удостоен почетного знака «За заслуги перед Ивановской областью», награжден патриаршей медалью «В память 200-летия победы в Отечественной войне 1812 года» и грамотой Патриарха Московского и всея Руси Кирилла.

Рецензируемая монография является логическим завершением серии публикаций, написанных в разные годы К. Е. Балдиным и посвященных истории некоммерческих и неполитических общественных организаций, которые действовали в Иваново-Вознесенске в конце XIX — начале XX в. [Балдин, 2013: 306—313; Балдин, 2012: 3—9; Балдин, Соловьев, 2008; Балдин, 2002: 81—85; Балдин, 2001a: 256—261; Балдин, 2001b: 129—132]

Структурно книга К. Е. Балдина состоит из трех глав, две из которых разделены на параграфы, приложения (в нем перечислены неполитические некоммерческие организации Иваново-Вознесенска) и списка архивных источников, которые использовались в монографии. Во введении дано определение термину «общественная организация», а также названы шесть принципов построения общественных организаций в провинциальном городе конца XIX — начале XX в.

В основу классификации неполитических организаций в данной монографии положен принцип целеполагания, т. е. общества разделены в зависимости от целей, которые они преследовали. В первом параграфе первой главы на основе архивных материалов речь идет о так называемых обществах рационального хозяйствования [Балдин, 2021: 7]. К ним отнесены Иваново-Вознесенское общество охоты и общедоступное Иваново-Вознесенское общество правильной охоты, а также кружок любителей рыболовства, общество пчеловодов, потребительское общество «Почин» и общество благоустройства местечка Ямы.

Много внимания во втором параграфе первой главы монографии уделяется истории возникновения и деятельности городских объединений по оказанию помощи [Балдин, 2021: 48]. В нем речь идет о благотворительном обществе, обществе приказчиков, еще одной организации, объединившей горожан в соответствии с их профессиональными интересами, обществе фельдшеров, а также польском отделе (появление которого было связано с событиями Первой мировой войны), так называемом обществе московских студентов и обществе ушаковских домовладельцев.

Интересный материал собран К. Е. Балдиным в третьем параграфе первой главы. Здесь исследование посвящено городским организациям, занимавшимся охраной здоровья: медицинскому и фармацевтическому обществам, а также Иваново-Вознесенскому отделу Всероссийской лиги для борьбы с туберкулезом [Балдин, 2021: 90]. Последняя общественная организация была весьма востребована, а ее появление в городе, в котором чахотка (или, как ее еще называли, «белая чума») ежегодно уносила из жизни более тысячи человек, являлось весьма актуальным и своевременным.

В четвертом параграфе первой главы, профессор К. Е. Балдин попытался обобщить имеющийся в настоящее время в его распоряжении архивный материал о деятельности первых спортивных объединений Иваново-Вознесенска, о которых ранее практически не было публикаций в научной печати [Балдин, 2021: 109]. На страницах монографии можно найти немало интересных сюжетов о городском обществе велосипедистов, атлетическом обществе и военно-спортивном комитете, возникшем в годы войны, в 1916 г.

Не менее интересно и познавательно для любителей истории Иваново-Вознесенска выглядит вторая глава монографии, посвященная обществам совершенствования духовной жизни людей [Балдин, 2021: 129]. В первом параграфе второй главы К. Е. Балдин показал вклад объединений интеллектуального развития (технического общества, кружков технологов и химиков-техников, а также общества эсперантистов «Зеленая звезда») в дело становления элементов гражданского общества в дореволюционном Иваново-Вознесенске.

Во втором параграфе второй главы К. Е. Балдин обратился к городским организациям нравственного воспитания [Балдин, 2021: 153]. Прежде всего, это Иваново-Вознесенское общество трезвости. Борьба с пьянством, особенно среди рабочих, была весьма актуальна в конце XIX — начале XX в., а трезвенническое движение усилиями местной интеллигенции в эти годы набирало все большую силу. Но если об истории городского общества трезвости публикации встречались и ранее, то факты создания Иваново-Вознесенского отделения Всероссийского общества покровительства животным являются малоизвестными. На наш взгляд, в современных реалиях, когда общественность все чаще обеспокоена участвовавшими случаями жесткого обращения с животными, дореволюционный опыт работы подобных организаций следует изучать особенно тщательно.

История становления и развития обществ эстетического направления Иваново-Вознесенска (музыкального общества и кружка, а также кружка любителей художеств) нашла отражение в третьем параграфе второй главы [Балдин, 2021: 178]. Их появление в городе не было случайным, так как в Иваново-Вознесенске любителей музыки и живописи хватало. Среди последних большинство составляли рисовальщики (художники текстильного рисунка), что являлось особенностью Русского Манчестера.

Завершает вторую главу параграф, посвященный развлекательным обществам города [Балдин, 2021: 193]. В ней К. Е. Балдин обращается к важным местам досугового времяпрепровождения горожан — клубам. Здесь на основе интересных архивных источников, а также печатных отчетов собран богатейший материал о деятельности подобных организаций, которые объединяли разные городские слои населения. Среди них:

общественное собрание, клуб приказчиков, новый клуб, общедоступный клуб, общество содействия дошкольному воспитанию детей и народный дом.

Большое внимание в монографии уделено выявлению характерных черт самоорганизации общества в индустриальном Иваново-Вознесенске (третья глава) [Балдин, 2021: 222]. Акцентируется внимание на том, что среди общественников на рубеже XIX и XX вв. становится все больше представителей из самых разных социальных слоев. Особенностью Иваново-Вознесенска стало то, что среди них было немало крупных текстильных фабрикантов-предпринимателей. Огромную роль (прежде всего организаторского характера) в деятельность городских общественных организаций внесли представители местной интеллигенции, многие из которых инициировали создание различных общественных ассоциаций. Однако техническая интеллигенция города (т. е. инженеры) проявляли малый интерес к общественной работе — это еще одна особенность Иваново-Вознесенска. В то же время среди местной общественности насчитывалось много фабричных служащих, а вот рабочих среди общественников почти не было. Свою лепту в развитие городских общественных организаций внесла и немногочисленная прослойка иностранцев (французов, немцев, швейцарцев), проживавшая в Русском Манчестере.

Особо отмечено, что тормозом для более динамичного развития общественных структур был разрешительный характер регистрации неполитических некоммерческих организаций в Российской империи, а также недостаточное упорство учредителей и пассивность некоторых членов таких объединений. Однако процесс становления элементов гражданского общества в Иваново-Вознесенске в конце XIX — начале XX в. шел, безусловно, поступательно, а общественные ассоциации постепенно начали выполнять важную социальную функцию.

Книга изобилует интересными материалами из Государственных архивов Ивановской и Владимирской области, в том числе теми, которые ранее были малодоступны заинтересованным читателям. Ее также органично дополняют многочисленные фотографии, в том числе местных фабрикантов и представителей интеллигенции, сделанные в дореволюционном Иваново-Вознесенске, что заметно оживляет данное издание.

Важность и полезность рецензируемой монографии не вызывает никакого сомнения. Вопрос построения гражданского общества и в настоящее время достаточно злободневен. В ней поднята значимая для наших дней тема. В целом, следует согласиться с К. Е. Балдиным, что «на примере такого крупного промышленного центра, как Иваново-Вознесенск, можно с уверенностью утверждать, что здесь сложились лишь отдельные элементы гражданского общества, уровень зрелости которых соответствовал государственному политическому строю и социальной структуре российского общества» [Балдин, 2021: 263].

В завершении, в юбилейный для Кирилла Евгеньевича год, хотелось бы пожелать ему дальнейших творческих успехов, научных свершений, новых исследовательских открытий и такой же неудержимой энергии в деле популяризации истории Ивановского края.

Список источников

- Балдин К. Е.* Деятельность Иваново-Вознесенского благотворительного общества в начале XX в. // Государство и Церковь в России: история взаимодействия в сфере благотворительности: материалы межрегион. науч.-практ. конф. Иваново: Изд-во «Иваново», 2002. С. 81—85.
- Балдин К. Е.* Иваново-Вознесенское общество приказчиков // Краеведческие записки. Вып. VI—VII. Иваново: [Б. и.], 2001а. С. 256—261.
- Балдин К. Е.* Музыкальный кружок в Иваново-Вознесенске в начале XX в. // Шереметевы и Иваново: сб. статей по материалам Шереметевских чтений 1991—2001 гг. / авт.-сост. Е. Н. Бобров, Иваново: [б. и.], 2001б. С. 129—132.
- Балдин К. Е.* У истоков гражданского общества в российской провинции: неполитические организации в Иваново-Вознесенске на рубеже XIX—XX вв. // Краеведческие записки. Вып. XIII. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2012. С. 3—9.
- Балдин К. Е.* У истоков гражданского общества в российской провинции: общественные организации Иваново-Вознесенска (конец XIX — начало XX в.). Иваново: Иван. гос. ун-т, 2021. 268 с.
- Балдин К. Е.* Характерные черты самоорганизации общества в провинциальном индустриальном городе в начале XX в. (на примере

Иваново-Вознесенска) // Государство, общество, церковь в истории России XX в.: материалы XII Междунар. науч. конф., Иваново, 20—21 февр. 2013 г.: в 2 ч. Ч. 2. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2013. С. 306—313.

Балдин К. Е., Соловьев А. А. Ивоблохотрыболовобщество: 110 лет на пути правильной охоты. Иваново: Референт, 2008. 266 с.

References

- Baldin, K. E. (2012), ‘At the origins of civil society in the Russian provinces: non-political organizations in Ivanovo-Voznesensk at the turn of the XIX—XX centuries’, *Kraevedcheskie zapiski* [Local history notes], iss. XIII, Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Ivanovo, Russia: 3—9.
- Baldin, K. E. (2013), ‘Characteristic features of the self-organization of society in a provincial industrial city at the beginning of the XX century (on the example of Ivanovo-Voznesensk)’, *Gosudarstvo, obshchestvo, tserkov’ v istorii Rossii XX v.: materialy XII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [State, Society, Church in the History of Russia in the XX century: Proceedings of the XII International Scientific Conference], Ivanovo, Russia, 20—21 February 2013, part 2, Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Ivanovo: 306—313.
- Baldin, K. E. (2001a), ‘Ivanovo-Voznesensk Society of Bailiffs’, *Kraevedcheskie zapiski* [Local history notes], iss. VI—VII, [Bez izdatel’sтва], Ivanovo, Russia: 256—261.
- Baldin, K. E. (2001b), ‘Music circle in Ivanovo-Voznesensk at the beginning of the XX century’, in Bobrov, E. N. (ed.), *Sheremetevy i Ivanovo: sbornik statei po materialam Sheremetevskikh chtenii 1991—2001 gg.* [Sheremetev and Ivanovo: a collection of articles based on the materials of the Sheremetev readings 1991—2001], bez izdatel’sтва, Ivanovo, Russia: 129—132.
- Baldin, K. E. (2002), ‘The activities of the Ivanovo-Voznesensky charitable society in the early twentieth century’, *Gosudarstvo i Tserkov’ v Rossii: istoriia vzaimodeistviia v sfere blagotvoritel’nosti: materialy mezhregional’noi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [State and Church in Russia: the history of interaction in the field of charity: materials of the interregional scientific and practical conference], Izdatel’sтво “Ivanovo”, Ivanovo, Russia: 81—85.
- Baldin, K. E. (2021), *U istokov grazhdanskogo obshchestva v rossiiskoi provintsii: obshchestvennye organizatsii Ivanovo-Voznesenska (konets XIX — nachalo XX v.)* [At the origins of civil society in the Russian

provinces: public organizations of Ivanovo-Voznesensk (late XIX — early XX centuries)], Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Ivanovo, Russia.

Baldin, K. E. and Soloviev, A. A. (2008), *Ivoblokhotrybolovobshchestvo: 110 let na puti pravil'noi okhoty* [Ivofleafisherman society: 110 years on the way to the right hunting], Referent, Ivanovo, Russia.

Статья поступила в редакцию 30.06.2022; одобрена после рецензирования 29.07.2022; принята к публикации 25.08.2022.

The article was submitted 30.06.2022; approved after reviewing 29.07.2022; accepted for publication 25.08.2022.

Информация об авторе / Information about the author

А. А. Соловьев — доктор исторических наук, доцент, заместитель директора по учебно-воспитательной работе, средняя школа № 26 с углубленным изучением предметов естественно-научного цикла, Иваново, Россия.

A. A. Soloviev — Doctor of Science (History), Associate Professor, Deputy Director for Educational Work, Secondary School no 26 with in-depth study of subjects of the natural science cycle, Ivanovo, Russia.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

SCIENTIFIC LIFE

Интеллигенция и мир. 2022. № 4. С. 168—176.

Intelligentsia and the World. 2022. No. 4. P. 168—176.

Научная жизнь

УДК 061

DOI: 10.46725/IW.2022.4.10

**МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ПРОБЛЕМАМ РОЛИ
ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ РОССИИ
И МИРА В XXI СТОЛЕТИИ**

Галина Анатольевна Будник

Ивановский государственный энергетический университет

имени В. И. Ленина, Иваново, Россия,

budn@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2338-5276>

Сергей Михайлович Усманов

Ивановский государственный университет, Иваново,

Россия, orvozi@rambler.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8140-5680>

Аннотация. Авторы освещают работу XXXII Международной научной конференции «Интеллигенция и интеллектуалы XXI столетия в контексте вызовов окружающего мира», которая прошла в г. Иваново с 22 по 23 сентября 2022 г. В статье выделены наиболее содержательные доклады и выступления участников форума интеллигентоведов. Рассматриваются различные концептуальные подходы к изучению места и роли интеллектуалов и интеллигенции в общественной жизни. Анализируются стратегии их поведения в различные периоды российской и мировой истории. Выявляются некоторые существенные аспекты участия интеллигенции и интеллектуалов в социально-политических трансформациях современного мира.

© Будник Г. А., Усманов С. М., 2022

Ключевые слова: XXXII Международная научная конференция интеллигентоведов в г. Иваново, интеллектуалы, интеллигенция, Россия, СССР, Запад, противоречия современного мира, В. С. Меметов, В. Л. Черноперов

Для цитирования: Будник Г. А., Усманов С. М. Международная научно-теоретическая конференция по проблемам роли интеллигенции и интеллектуалов России и мира в XXI столетии // Интеллигенция и мир. 2022. № 4. С. 168—176.

Scientific life

INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND THEORETICAL CONFERENCE ON THE ROLE OF INTELLIGENTSIA AND INTELLECTUALS OF RUSSIA AND THE WORLD IN THE XXI CENTURY

Galina A. Budnik

Ivanovo State Power Engineering University named after V. I. Lenin,
Ivanovo, Russia, budn@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2338-5276>

Sergey M. Usmanov

Ivanovo State University, Ivanovo, Russia,
orvozi@rambler.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8140-5680>

Abstract. The authors covers the work of the XXXII International Scientific Conference “Intelligentsia and Intellectuals of the XXI century in the context of the challenges of the surrounding world”, which was held in Ivanovo from September 22 to 23, 2022. The article highlights the most informative reports and speeches of the participants of the forum of intellectuals. The strategies of the behavior of the intelligentsia and intellectuals in various periods of Russian and world history are analyzed. Some significant aspects of the participation of intelligentsia and intellectuals in the socio-political transformations of the modern world are revealed.

Keywords: XXXII International Scientific Conference of Intellectuals in Ivanovo, intellectuals, intelligentsia, Russia, USSR, West, contradictions of the modern world, V. S. Memetov, V. L. Chernoperov

For citation: Budnik, G. A. and Usmanov, S. M. (2022), ‘International scientific and theoretical conference on the role of intelligentsia and intellectuals of Russia and the world in the XXI century’, *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 4: 168—176 (in Russ.).

22 и 23 сентября 2022 г. в Ивановском государственном университете проходила XXXII Международная научно-теоретическая конференция «Интеллигенция и интеллектуалы XXI столетия в контексте вызовов окружающего мира». Ежегодные встречи на ивановской земле стали доброй традицией специалистов-интеллектоведов. Именно такая форма общения, заложенная известным ученым, профессором, заслуженным работником высшей школы РФ, лауреатом знака «За заслуги перед городом Иваново» Валерием Сергеевичем Меметовым, позволяет более глубоко и предметно рассмотреть вопросы состояния и развития интеллигенции и интеллектуалов в прошлом, настоящем и в какой-то мере в будущем. Конференция была подготовлена Научно-образовательным центром «Интеллигенция и интеллектуалы в мировой и отечественной истории и политике» Ивановского государственного университета, возглавляемого доктором исторических наук, профессором Василием Львовичем Черноперовым.

В этом году форум собрал ученых из ведущих научных и образовательных центров России: Москвы, Санкт-Петербурга, Иркутска, Костромы, Липецка, Нижнего Новгорода, Перми, Саратова, Сочи, Тулы, Ульяновска и Ярославля, а также из Белоруссии, Сербии. И, конечно, Иванова.

В ходе научного собрания учеными были изложены результаты новейших исследований, приведено много новых фактов, почерпнутых из различного рода архивных материалов, воспоминаний участников событий и т. д.

На **пленарном заседании** к участникам научного форума с приветственным словом обратились первый проректор Ивановского государственного университета профессор *О. В. Кузьмина*, директор Института гуманитарных наук ИвГУ *С. А. Маник*, глава Ивановской городской Думы *А. С. Кузьмичев* и директор Государственного архива Ивановской области *А. М. Семененко*. Научную часть конференции открыл доклад *В. А. Порозова* (Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет). Ученый осветил основные выводы В. С. Меметова по ключевому в интеллектоведении понятию «интеллектуал» и высказал собственный подход к данному феномену. Обратил внимание участников конференции на то, что с точки зрения социологического подхода между интеллигенцией и интеллектуалами много общего (высокий

уровень образования, высококвалифицированная профессиональная деятельность и т. д.). Исходя из этого, можно предположить, что интеллектуалы — часть интеллигенции. Однако с позиций других подходов между этими понятиями много различий. Таким образом, подчеркнул Владимир Александрович, необходимо, как указывал В. С. Меметов, продолжать работу по уточнению и корректировке интеллигентообразующих понятий.

Сложная международная обстановка, проведение Россией с 24 февраля этого года специальной военной операции наложили свой отпечаток на проблематику многих материалов, опубликованных в сборнике, на выступления ученых и научные дискуссии. Так, например, участники конференции в ходе дискуссий не раз обращались к соображениям *А. В. Зябликова* (Костромской государственной университет), который в своей статье проанализировал причины мирового кризиса 2022 г. в контексте культурософских идей А. И. Герцена и А. А. Зиновьева. Ученый убежден, что события на Украине стали всего лишь хорошим и удобным поводом для сведения «так называемым коллективным Западом» с Россией неких исторических счетов. В основе конфликта — историческое отчуждение России и Запада, мотивы которого кроются, по мнению исследователя, в глубинных основаниях культуры. «Конфликт Запада и России является исторической реальностью, обусловленной не столько политическими или социально-экономическими обстоятельствами, сколько факторами культурно-цивилизационного и экзистенциального свойства», сделал вывод А. В. Зябликов.

Аналогичные мысли были высказаны и *Г. А. Будник* (Ивановский государственный энергетический университет), которая в своем выступлении проанализировала особенности формирования и традиционные черты отечественной интеллигенции. По мнению исследователя, в своем большинстве российская интеллигенция не может принять ценности западной культуры. В контексте стоящих сегодня перед Россией вызовов роль интеллигенции должна возрасти, так как именно она может стать тем социокультурным ядром, которое позволит сохранить устойчивость общества, определить вектор прогрессивного развития страны.

Весьма актуальным и значимым было выступление *С. М. Усманова* (Ивановский государственный университет),

посвященное особенностям восприятия окружающего мира российской университетской интеллигенцией весной 2022 г. Основываясь на типологии участия интеллигенции России в общественной жизни, разработанной Сергеем Михайловичем совместно с В. Л. Черноперовым, докладчик представил вниманию участников конференции выявленные и проанализированные им основные противоречия в самосознании современной российской интеллигенции, в том числе и в университетской среде. По мнению С. М. Усманова, для российской интеллигенции характерны три основные модели участия в общественной жизни: «хождение во власть», «вечное противостояние» и «башня из слоновой кости». Основное внимание в докладе было обращено на реакцию университетской интеллигенции на события вокруг России и Украины в первые месяцы 2022 г. Были названы факторы, определившие сдержанную позицию подавляющей части российской интеллигенции к происходящим событиям. Анализ поведения университетской интеллигенции привел ученого к предположению, что оно близко к модели «башни из слоновой кости», т. е. подавляющее большинство преподавателей и сотрудников вузов и большая часть студентов не обозначили четко свое отношение к происходящему, хотя для ряда университетских преподавателей и студентов, в первую очередь столичных вузов, присуще и «вечное противостояние» политике руководства страны. В настоящее время, отметил докладчик, «российской интеллигенции предстоит по-новому осознать пути дальнейшего развития страны, места России между Востоком и Западом и свои собственные задачи на историческую перспективу». Участники конференции восприняли доклад С. М. Усманова с большим вниманием. Так, *И. В. Купцова* (Московский государственный университет) отметила, что в своем выступлении Сергей Михайлович сумел достаточно корректно затронуть острые темы бытия интеллигенции наших дней.

К сожалению, ряд ученых не смогли приехать на конференцию. Однако благодаря тому, что сборник материалов оргкомитетом заранее был разослан всем авторам, многие выступающие обращались к опубликованным докладам. Так, немалый интерес вызвали у участников конференции статья *Н. Н. Васильева* (Саратовский полиграфический комбинат), посвященная общественной активности российской интеллигенции с позиции «мягкой

силы» и теории социального действия в контексте современности; статьи независимого исследователя из Сербии *А. Б. Арсеньева* (Нови Сад), *Н. Э. Вашкау* (Липецкий государственный педагогический университет), *О. Я. Яновского* (Белорусский государственный университет), в которых авторы анализируют подвижническую деятельность конкретных представителей интеллигенции.

Е. М. Раскатова (Ивановский государственный университет), посвятила свое выступление осмыслению практик эмиграции художественной интеллигенции позднего советского времени. Докладчик ярко и эмоционально рассуждала о мотивах, факторах, обстоятельствах выезда деятелей литературы и искусства из советской страны. Так, осмысление истории эмиграции выдающегося режиссера А. А. Тарковского, которому 4 апреля 2022 г. исполнилось бы 90 лет, позволило Е. М. Раскатовой сделать вывод о его вынужденной эмиграции. Научные обоснования Елены Михайловны обладали высокой степенью новизны, что вызвало бурные дебаты и комментарии участников конференции. Они уточняли те или иные сюжеты, связанные с судьбами героев ее выступления, а также отдельные обстоятельства и детали биографий видных советских интеллигентов той поры. *А. М. Семененко*, возглавляющий государственный архив Ивановской области, в качестве дополнения к теме доклада проинформировал присутствующих о пополнении архивохранилища новыми документами, позволяющими углубить представление о жизни и профессиональной деятельности представителей интеллигенции Ивановского края.

Серьезного размышления и дальнейшего обсуждения требует доклад *О. В. Шимельфенига* (Саратовский национальный исследовательский государственный университет), посвященный мировоззренческой проблематике начала XXI столетия и предложениям их решения через сюжетно-игровую парадигму.

На конференции работало 3 секции. Доклады *первой* из них — **«Интеллигенция и интеллектуалы: специфика ответа на вызовы окружающего мира»** касались мировоззренческих установок интеллигенции и специфики их деятельности. *И. В. Купцова* (Московский государственный университет) посвятила свое выступление проблеме конформизма российской интеллигенции. Она выделила и тщательно проанализировала

различные подходы к пониманию конформизма интеллигенции в отечественной науке. Выступление Ирины Валентиновны по настоящему «держало внимание» аудитории. *Б. А. Воскресенский* (Российский национальный исследовательский университет имени Н. И. Пирогова) обрисовал некоторые социально-психологические аспекты самосознания интеллигенции. Отвечая на вопросы, докладчик выразил свое намерение в дальнейшем обратить внимание на разработки российских интеллигентоведов, чьи подходы пересекаются с интересами выступающего. Выступление *М. В. Жулькова* (Ивановский государственный университет) было весьма оригинальным и по содержанию, и по форме. Пожалуй, докладчик больше, чем все остальные участники конференции, поработал над презентацией своего доклада.

Доклады *второй секции* — «*Личность в интеллигентоведческом дискурсе*» отражали творчество выдающихся ученых, писателей, государственных и религиозных деятелей. Большой интерес собравшихся вызвало выступление *А. А. Кузнецова* (Российская академия ракетных и артиллерийских наук) о С. П. Королеве. Отвечая на вопросы, докладчик подчеркнул, что жизнь и деятельность С. П. Королева имеет еще немало неизвестных или недостаточно проясненных страниц. *В. Н. Прямыцын* (Военная Академия Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации) изучил жизнь и судьбу малоизвестного военного интеллигента А. А. Фридмана. Основное внимание он уделил деятельности А. А. Фридмана до революционных потрясений 1917 г., а вот вопросы участников конференции касались жизни Александра Александровича при советской власти. Как отметил В. Н. Прямыцын, по этой части биографии военного интеллигента многое еще остается неясным. *А. Е. Коняев* (Ярославская региональная организация «Ветераны военных действий») посвятил свое выступление воссозданию образа провинциального интеллигента на примере нотариуса К. В. Грязнова, который, будучи уроженцем г. Шуи, очень много потрудился на ярославской земле. *Л. В. Климович* (Ульяновский государственный педагогический университет) представила аудитории результаты совместного с коллегой Е. П. Галкиной исследования, посвященного изучению работы преподавателей гуманитарных дисциплин университетов г. Ульяновска по формированию патриотического

сознания молодежи. Оригинальным по форме было выступление *А. А. Корнилова* (Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет). Поскольку в этот день Александр Алексеевич был занят на заседании диссертационного совета, он заранее прислал организаторам конференции свое выступление в видеозаписи. Не будучи в состоянии задать докладчику вопросы, участники конференции заочно поблагодарили профессора Корнилова аплодисментами.

На *третьей секции* — «*Опыты и уроки исторического развития интеллигенции и интеллектуалов*» — были представлены материалы, касавшиеся конкретных вопросов деятельности интеллигенции России и мира. Очень тепло собравшиеся приняли выступление аспирантки *А. П. Анисимовой* (Ивановский государственный университет), которая обрисовала сложную траекторию духовно-нравственных и общественных исканий наших бывших соотечественников-интеллигентов в Израиле. Не остались без внимания и присланные на конференцию тексты *А. Н. Кураева* (Московский государственный университет технологий и управления), *В. С. Околотина* (Ивановский государственный университет) и др.

Надо отметить, что среди слушателей докладов были и студенты-историки Ивановского государственного университета. Судя по их откликам, целый ряд поставленных на конференции вопросов их явно заинтересовал.

Во второй день работы конференции под председательством *В. Л. Черноперова* состоялось заседание «Круглого стола», на котором были подведены основные итоги работы научного форума, определены магистральные направления дальнейших научных изысканий, а также приняты рекомендации и предложения властным структурам и российской общественности. Василий Львович отметил положительную тенденцию расширения числа участников конференции, в том числе молодых ученых, а также повышение интереса к интеллигентоведческим проблемам представителей различных сфер научного знания: не только историков, но и психологов, культурологов, социологов, политологов и др.

В. Л. Черноперов также проинформировал коллег о возросшем в последние годы рейтинге журнала «Интеллигенция и мир», основных рубриках журнала, увеличившемся количестве статей, поступающем в редакцию. В связи с этим участниками

«Круглого стола» было высказано предложение о публикации на страницах российского издания статей, подготовленных на основе докладов, прозвучавших на прошедшей конференции, которые отличались актуальностью, научной новизной, оригинальностью и аргументированностью суждений и вызвали наибольший отклик со стороны коллег. Авторы данной публикации надеются, что в скором времени читатели журнала смогут подробно познакомиться с новейшими работами ведущих ученых-интеллектуалов — участников международной научно-теоретической конференции «Интеллигенция и интеллектуалы XXI столетия в контексте вызовов окружающего мира».

Статья поступила в редакцию 12.10.2022; одобрена после рецензирования 25.10.2022; принята к публикации 27.10.2022.

The article was submitted 12.10.2022; approved after reviewing 25.10.2022; accepted for publication 27.10.2022.

Информация об авторах / Information about the authors

Г. А. Будник — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории, философии и права, Ивановский государственный энергетический университет имени В. И. Ленина, Россия.

С. М. Усманов — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, Россия.

G. A. Budnik — Doctor of Science (History), Professor, Professor of the Department of Iстриa, Philosophy and Law, Ivanovo State Power Engineering University named after V. I. Lenin, Russia.

S. M. Usmanov — Doctor of Science (History), Associate Professor, Professor of the Department of General History and International Relations, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Russia.

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА ЗА 2022 ГОД

Наименование статьи	№
1	2

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Абидулин А. М., Кутлай Э. Б. Османская музыка в XVIII — начале XX столетия: на пути модернизации музыкальной культуры	3
Евсеев В. А. Феномен кофейни — инновационная форма досуга лондонского образованного общества эпохи поздних Стюартов или?..	1
Золотарев О. В. Материальное положение советской интеллигенции (конец 1920-х — начало 1950-х гг.)	2
Литовченко Е. В., Семичева Е. А. Переписка в поздней античности: о роли некоторых курьеров Сидония в функционировании «эпистолярной сети» (по письмам IV. 4, IV. 7, IV. 12)	4
Турыгин А. А. Немецкая медицина, стоматология и пангерманизм	4

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В РАЗВИТИИ РЕГИОНОВ

Балдин К. Е. Интеллигенция в провинциальном городе: деятельность Иваново-Вознесенского отделения Императорского Русского технического общества в конце XIX — начале XX в.	2
--	---

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Анисимова А. П., Точенов С. В. Российско-израильские отношения в 2000–2021 гг.: сотрудничество в области культуры, науки, образования	1
Волкова Е. С. Взаимодействие общества и власти в России в 1990—2000-х гг. в зеркале дальневосточной художественной литературы	2
Трушкова И. Ю. Модели повседневного поведения интеллигенции в период первой волны пандемии COVID-19 (на примере Кировской области)	1

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ, РЕЛИГИЯ, ЦЕРКОВЬ

- Красницкая Т. А.** Безмерно преданы: о просветительской деятельности церковной интеллигенции российской провинции в последней четверти XIX — начале XX в. 1
- Савчук Р. А.** Отношение к религии украинской позднесоветской атеистической интеллигенции второй половины 1980-х гг. (по материалам журнала «Человек и мир») 3

ЛИЧНОСТЬ В ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

- Вязинкин А. Ю.** Ричард Хофстедтер о феномене американского популизма 3
- Жиркова М. А., Капустина О. В.** Интеллигент в советской пенсионной системе начала 1930-х гг.: «пенсионная история» А. А. Достоевского 4
- Зябликов А. В.** Мемуары князя В. А. Друцкого-Соколинского как источник для изучения истории Костромской земли 4
- Кареев Д. В.** Аммиан Марцеллин и платоновский интеллектуализм: история и философия в поздней Римской Империи IV века 1
- Климович Л. В.** Жизненный путь и общественная деятельность российского эмигранта К. Д. Померанцева 2
- Мазарчук Д. В.** Итальянские войны 1494—1559 гг. в лекционном курсе Т. Н. Грановского 3
- Масленникова О. Н., Назаров В. И.** Homo Agens: с правом на счастье (интервью О. Н. Масленниковой с профессором Ивановского государственного университета В. И. Назаровым) 4
- Ованесян С. Г.** У истоков создания оперы «Алмаст» 2
- Полывянный Д. И.** Художник Федор Каурцев: долгое возвращение в Палех 1
- Сорокин Н. Д.** Винсент д'Абернон и франко-британская военно-дипломатическая миссия в Польше (1920 г.) 1

- Ткачев В. В.** Интерес М. Д. Бутина к развитию социокультурных связей в среде художественной интеллигенции Байкальской Сибири второй половины XIX — начала XX в. 3
- Хавкин Б. Л.** «Теневого канцлер» антигитлеровской оппозиции Карл Фридрих Гёрделер и Россия 3

ДЕБЮТ

- Гаврилюк М. Н.** Изобразительное искусство и органы власти Крымской АССР во второй половине 1930-х гг. Управление по делам искусств при Совете народных комиссаров Крымской АССР 3
- Мартынов А. Ф.** Мировая и отечественная культура. Памятники истории и культуры. Сравнительный анализ национальных законодательных актов России и Италии в сфере сохранения недвижимого культурного наследия 3
- Панов С. В.** Война и мир во взглядах польской национал-демократической интеллигенции (на примере З. Балицкого и Р. Дмовского) 4
- Трофимов И. А.** Служащие канцелярии попечителя Санкт-Петербургского учебного округа в период правления Александра III: опыт просопографического исследования 2

ДИСКУССИЯ

- Лю Цзяминь.** Новейшие оценки китайскими экспертами концепции «Один пояс — один путь» и ее реализации на киргизском и казахстанском направлениях 4
- Смирнов Г. С.** Миниатюры всечеловеческого: дистантные разговоры с магистрантами (размышления над книгой академика А. В. Смирнова «Всечеловеческое vs. общечеловеческое») 2

ИЗ АРХИВНЫХ ФОНДОВ

- Черноперов В. Л.** Крутлый стол «Интеллигенция и интеллигентность в наше время» в редакции газеты «Прямая речь» 6 декабря 1994 года 4

ПО СЛЕДАМ ПРОЧИТАННОГО

- Комиссаров В. В.** «Плоды учености»: народные университеты России. *Рец. на кн.: Фандо Р. А. Народные университеты Российской империи: от популяризации к организации науки. М.: Янус-К, 2020, 344 с.* 3
- Порозов В. А.** Интеллигенты об интеллектуалах, интеллектуалы об интеллигенции. *Рец. на кн.: Интеллигенция и интеллектуалы: генезис, формирование, развитие, деятельность: материалы XXXI Междунар. науч.-теорет. конф., Иваново, 23—24 сентября 2021 г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2021. 312 с.* 2
- Смирнов Д. А.** Освальд Шпенглер и его идеи в политических образах и научных концепциях. *Рец. на кн.: Терехов О. Э. История и политика в трудах Освальда Шпенглера: проблемы историографии. Кемерово: Кемер. гос. ун-т, 2020. 163 с.* 2
- Соловьев А. А.** Активисты-общественники — создатели элементов гражданского общества. *Рец. на кн.: Балдин К. Е. У истоков гражданского общества в российской провинции: общественные организации Иваново-Вознесенска (конец XIX — начало XX в.). Иваново: Иван. гос. ун-т, 2021. 268 с.* 4
- Юрков С. Е.** Этизация правовых норм: к проблеме эффективности современной судебной системы. *Рец. на кн.: Большаков Е. В., Назаров И. Д. Этические аспекты правосудия (философско-правовое исследование): монография. Иваново: Иван. изд. дом, 2021. 172 с.* 1

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Будник Г. А., Усманов С. М.** Международная научно-теоретическая конференция по проблемам роли интеллигенции и интеллектуалов России и мира в XXI столетии 4

AV MEMORIAM

- Варлен Львович Соскин (1925—2021)** 1
- Человек большого стиля (памяти Валерия Петровича Ракова (1936—2021))** 1

CONTENTS

Name of the article	№
1	2

FROM THE HISTORY OF THE INTELLIGENTSIA

Abidulin A. M., Kutlay E. Ottoman music in the XVIII — early XX century: towards the modernization of musical culture	3
Evseev V. A. The phenomenon of the coffee house — an innovative form of leisure of London’s educated society of the late Stuart era or?..	1
Zolotarev O. V. The financial situation of the Soviet intelligentsia (late 1920s — early 1950s)	2
Litovchenko E. V., Semicheva E. A. Correspondence in late antiquity: on the role of some couriers of Sidonius in the functioning of the “epistolary network” (from letters IV. 4, IV. 7, IV. 12)	4
Turygin A. A. German medicine, dentists and Pan-germanism	4

INTELLIGENCE IN THE DEVELOPMENT OF REGIONS

Baldin K. E. Intelligentsia in a provincial city: the activities of the Ivanovo-Voznesensk branch of the Imperial Russian Technical Society in the late XIX — early XX century	2
---	---

INTELLIGENCE IN MODERN SOCIETY

Anisimova A. P., Tochenov S. V. Russian-Israeli relations in 2000—2021: cooperation in the field of culture, science and education	1
Volkova E. S. Interaction between the society and the authorities in Russia in the 1990—2000s in the mirror of far eastern fiction	2
Trushkova I. Yu. Everyday behavioral models of the intelligentsia during the first wave of COVID-19 pandemic (on the example of the Kirov region)	1

INTELLIGENTSIA, RELIGION, CHURCH

Krasnitskaya T. A. Immensely devoted: on the educational activities of the church intelligentsia of the Russian province in the last quarter of the XIX — early XX century	1
---	---

- Savchuk R. A.** Attitude to religion of the Ukrainian late soviet atheistic intelligentsia of the second half of the 1980s (based on the materials of the magazine “Human and the world”) 3

PERSONALITY IN THE DISCOURSE OF INTELLIGENTSIA STUDIES

- Vyazinkin A. Yu.** Richard Hofstadter about the phenomenon of American populism 3
- Zhirkova M. A., Kapustina O. V.** An intellectual in the Soviet pension system of the early 1930s: “pension history” of A. A. Dostoevsky 4
- Zyablikov A. V.** Memoirs of Prince V. A. Drutskoy-Sokolinsky as a source for studying the history of the Kostroma land 4
- Kareev D. V.** Ammianus Marcellinus and Plato’s Intellectualism: History and Philosophy in the Late Fourth-Century Roman Empire 1
- Klimovich L. V.** Life and public activity of Russian emigrants K. D. Pomerantsev 2
- Mazarchuk D. V.** Italian wars of 1494—1559 in lecture course by T. N. Granovsky’ 3
- Maslennikova O. N., Nazarov V. I.** Homo Agens: with the right to happiness (interview of O. N. Maslennikova with Professor of Ivanovo State University V. I. Nazarov) 4
- Hovanesyan S. G.** At the Origins of the “Almast” Opera Creation 2
- Polyvyanny D. I.** Artist Fyodor Kaurtsev: Long Return to Palekh 1
- Sorokin N. D.** Vincent d’Abernon and the Franco-British Military-diplomatic Mission in Poland (1920) 1
- Tkachev V. V.** M. D. Butin’s interest in the development of socio-cultural ties among the artistic intelligentsia of Baikal Siberia in the second half of the XIX — early XX century 3
- Khavkin B. L.** The “Shadow Chancellor” of the Anti-Hitler Opposition Karl Friedrich Goerdeler and Russia 3

DEBUT

- Gavrilyuk M. N.** Fine arts and authorities of the Crimean ASSR in the second half of the 1930s. Department of arts under the Council of people's commissars of the Crimean ASSR 3
- Martynov A. F.** World and domestic culture. Monuments of history and culture. Comparative analysis of national legislative acts of Russia and Italy in the sphere of preservation of immovable cultural heritage 3
- Panov S. V.** War and peace in the views of the Polish National Democratic intelligentsia (on the example of Z. Balitsky and R. Dmovsky) 4
- Trofimov I. A.** Officials in the office of the trustee of the St. Petersburg educational district during the reign of Alexander III: Experience of prosopographic research 2

DISCUSSION

- Liu Jiamin.** The latest assessments by Chinese experts of the “One Belt, One Road” concept and its implementation in the Kyrgyz and Kazakh directions 4
- Smirnov G. S.** Miniatures of the all-human: distant conversations with undergraduates (reflections on the book of academician A. V. Smirnov “All-human vs. Generally-human”) 2

FROM ARCHIVAL FUNDS

- Chernoperov V. L.** Round table “Intelligentsia and Intelligence in our time” in the editorial office of the newspaper “Priamaia rech” on December 6, 1994 4

READING AND DISCUSSION

- Komissarov V. V.** “Benefits of scholarship”: people’s universities in Russia. *Review on the book: Fando R. A. People’s universities of the Russian Empire: from popularization to the organization of science., M.: Janus-K, 2020. 344 p.* 3

- Porozov V. A.** *Intelligentsia about intellectuals, intellectuals about intelligentsia. Review on the book: Intelligentsia and Intellectuals: genesis, formation, development, activity: proceedings of the XXXI International scientific and theoretical conference], Ivanovo, Russia, 23—24 September 2021. Ivanovo: Ivanovo State University, 2021. 312 p.* 2
- Smirnov D. A.** *Oswald Spengler and his ideas in political images and scientific concepts. Review on the book: Terekhov O. E. History and politics in the writings of Oswald Spengler: problems of historiography. Kemerovo: Kemerovo State University, 2020. 163 p.* 2
- Soloviev A. A.** *‘Public activists — creators of civil society elements. Review in the book: Baldin K. E. At the origins of civil society in the Russian province: public organizations of Ivanovo-Voznesensk (late XIX – early XX century). Ivanovo: Ivanovo State University, 2021. 268 p.* 4
- Yurkov S. E.** *Ethization of legal standards: to the problem of efficiency of the modern judicial sistem. Review on the book: Bolshakov E. B., Nazarov I. D. Ethical aspects of justice (philosophical and legal research): monograph], Ivanovo: Ivanovskii izdatel'skii dom, 172 p.* 1

SCIENTIFIC LIFE

- Budnik G. A., Usmanov S. M.** *International scientific and theoretical conference on the role of intelligentsia and intellectuals of Russia and the world in the XXI century* 4

AB MEMORIAM

- Varlen Lvovich Sosrin (1925—2021)** 1
- Man of great Style (In memory of Valery Petrovich Rakov (1936—2021))** 1

Информация для авторов

Information for authors

Редколлегия междисциплинарного журнала социально-гуманитарных наук «Интеллигенция и мир» приглашает к сотрудничеству ведущих специалистов и начинающих исследователей, работающих в различных сферах гуманитарного знания. С 2010 года наш журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата исторических наук. Материалы журнала размещены в Научной электронной библиотеке (e-library.ru) и Восточно-европейской электронной библиотеке (www.cceol.com).

Реквизиты журнала

ISSN 1993-3959

Подписной индекс в каталоге «Пресса России» 41533

Мы будем рады видеть на страницах журнала «Интеллигенция и мир» Ваши публикации по следующим актуальным проблемам:

- ***Актуальные проблемы современного интеллигентоведения***
- ***Генезис, становление, развитие и деятельность интеллигенции***
- ***Роль интеллигенции в развитии государственности и культуры России и зарубежных стран***
- ***Интеллигенция и общество в современных условиях***
- ***Роль личности в мировой и отечественной культуре и истории***
- ***Международные отношения и личность***
- ***Роль религии в развитии мировой культуры***
- ***Учебно-методические проблемы преподавания интеллигентоведения и других дисциплин социально-гуманитарного цикла***
- ***Рецензии на научные издания и диссертации, хроника научной жизни***
- ***Из архивных фондов: публикация исторических источников***

Требования к оформлению статей

1. К публикации принимаются научные статьи, обзорные статьи, редакционные статьи, дискуссионные статьи, персоналии, редакторские заметки, рецензии на книгу, рецензии на статью, спектакль и т. п. Рекомендуемый объем статьи и обзоров 30—40 тыс. знаков (до 1 авторского листа), в исключительных случаях до 45 тыс. знаков. Объем сообщения примерно 20 тыс. знаков (0,5 авторского листа), редакторские заметки и рецензии 10—15 тыс. знаков. Материалы представляются в электронном виде в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman, кегль 14, через 1,5 интервала.

2. Материалы принимаются по адресу, указанному на сайте журнала (http://ivanovo.ac.ru/about_the_university/science/magazines/intelligentsia/), а также по следующим адресам: int_i_mir@mail.ru, vlchernoperov@rambler.ru, orvozi@rambler.ru.

В соответствии с новым ГОСТ Р 7.07-2021 начиная с 2022 г. требования к оформлению публикаций изменились.

3. Комплект документов должен состоять **из двух файлов**:

3.1. В первом файле материал должен быть оформлен в следующей последовательности:

3.1.1. Отдельной строкой слева указывается тип публикации — научная статья, обзорная статья, редакционная статья, дискуссионная статья, персоналии, редакторская заметка, рецензия на книгу, рецензия на статью, спектакль и т. п.

3.1.2. На следующей строке для статьи, обзора, сообщения, рецензии и т. п. в левом верхнем углу указывается **УДК**.

3.1.3. На следующей строке по центру — **ЗАГЛАВНЫМИ БУКВАМИ, полужирным шрифтом** название работы.

3.1.4. На следующей строке — **полужирным шрифтом** имя, отчество, фамилия автора / авторов (полностью).

3.1.4. Далее через пробел следует публикация.

Статья должна иметь следующую структуру:

введение с обязательными и указанными в тексте рубриками: *актуальность, постановка вопроса* (приветствуются также краткие *историографический и источниковедческий обзоры*);

методология и методы исследования;

основная часть (приветствуется разделение на смысловые разделы);

заключение, в котором подводятся итоги исследования.

Обзорные материалы, сообщения или рецензии строгой внутренней структуры не имеют.

Ссылки в статье, обзоре, сообщении или рецензии **двух видов**.

Первый вид — *подстрочные*: ссылки / сноски *только* на архивы, информационные или небольшие материалы газет и интернет-сайтов, не содержащие глубокого аналитического анализа; они оформляются автоматически со сквозной постраничной нумерацией; фамилии авторов выделяются *курсивом*, кегель 11, через 1 интервал.

Второй вид — *внутритекстовые* ссылки: на издания из «Списка источников». В квадратных скобках указывается [фамилия автора] (без инициалов), далее, через запятую, год издания работы и, после двоеточия (:), страница. Если у источника два автора, то фамилии указываются через запятую.

Различные варианты оформления библиографических ссылок / ссылок можно посмотреть на сайте журнала в разделе «Правила публикации», далее — «Образцы оформления».

Библиографическое описание цитируемых документов / литературных источников оформляется в соответствии с ГОСТ 7.1—2003, 7.0.5—2008.

В ссылке на электронный ресурс обязательно указание даты обращения.

Дополнительные рекомендации:

- переносы в тексте только автоматические;
- при цитировании используются кавычки « » , при внутреннем цитировании ставятся “ ”;
- следует соблюдать пунктуационное и графическое отличие «—» (тире: Ctrl + Alt + минус на правой цифровой клавиатуре) от «-» (дефиса);
- для обозначения промежутка между датами, номерами страниц и т. п. используется «—» (тире). Например, 1920—1930 гг.; С. 258—259.

3.2. Во **втором файле** материал должен быть оформлен в следующей последовательности:

3.2.1. Отдельной строкой слева указывается тип публикации — научная статья, обзорная статья, редакционная статья, дискуссионная статья, персоналии, редакторская заметка, рецензия на книгу, рецензия на статью, спектакль и т. п.

3.2.2. На следующей строке по центру — название публикации.

3.2.3. На следующей строке слева — фамилия, имя, отчество автора / авторов, ученая степень, ученое звание.

3.2.3. На следующей строке слева — наименование организации (учреждения), ее подразделения, где работает / работают или учится / учатся автор / авторы (без обозначения организационно-правовой формы юридического лица: ФГБУН, ФГБОУ ВО, ПАО, АО и т. п.).

3.2.4. На следующей строке слева через запятую — адрес организации (учреждения), ее подразделения, где работает / работают или учится / учатся автор / авторы (город и страна), электронный адрес автора / авторов (e-mail), открытый идентификатор ученого / ученых (Open Researcher and Contributor ID — ORCID) (при наличии).

3.2.5. На следующей строке по ширине — аннотация объемом 200—250 слов, которая должна включать обоснование проблемы, постановку вопроса, описание методологии и методов исследования, базовые выводы.

3.2.6. На следующей строке по ширине — ключевые слова (10—15 слов), которые должны отражать предметную, терминологическую область публикации (не используют обобщенные и многозначные слова, а также словосочетания, содержащие причастные обороты).

3.2.7. На следующей строке по ширине — (при необходимости) слова благодарности организациям (учреждениям), научным руководителям и другим лицам, оказавшим помощь в подготовке публикации; сведения о грантах, финансировании подготовки и публикации материала, проектах, научно-исследовательских работах, в рамках или по результатам которых опубликована статья (эти сведения приводят с предшествующим словом «Благодарности:»).

3.2.8. На следующей строке слева *на английском языке* тип публикации — научная статья, обзорная статья, редакционная статья, дискуссионная статья, персоналии, редакторская заметка, рецензия на книгу, рецензия на статью, спектакль и т. п.

3.2.9. На следующей строке по центру — *на английском языке* название публикации.

3.2.10. На следующей строке слева — *на английском языке* имя и фамилия автора / авторов, ученая степень, ученое звание (имя и фамилию автора / авторов приводят полностью, отчество сокращают до одной буквы; в отдельных случаях, обусловленных особенностями перевода, — до двух букв). Англоязычное написание фамилии и имени следует приводить в форме, которую автор публикации ранее сам прописал в международных индексах цитирования или которую использует чаще всего.

3.2.11. На следующей строке слева — *на английском языке* наименование организации (учреждения), ее подразделения, где работает / работают или учится / учатся автор / авторы (без обозначения организационно-правовой формы юридического лица: ФГБУН, ФГБОУ ВО, ПАО, АО и т. п.).

3.2.12. На следующей строке слева — *на английском языке* через запятую адрес организации (учреждения), ее подразделения, где работает / работают или учится / учатся автор /

авторы (город и страна); электронный адрес автора (e-mail), открытый идентификатор ученого / ученых (Open Researcher and Contributor ID — ORCID) (при наличии).

3.2.13. На следующей строке по ширине — *на английском языке* аннотация (Abstract) объемом 200—250 слов, которая должна включать обоснование проблемы, постановку вопроса, описание методологии и методов исследования, базовые выводы.

3.2.14. На следующей строке по ширине — *на английском языке* ключевые слова (Keywords:) (10—15 слов), которые должны отражать предметную, терминологическую область публикации (не используют обобщенные и многозначные слова, а также словосочетания, содержащие причастные обороты).

3.2.15. На следующей строке по ширине — (при необходимости) *на английском языке* слова благодарности организациям (учреждениям), научным руководителям и другим лицам, оказавшим помощь в подготовке публикации, сведения о грантах, финансировании подготовки и публикации материала, проектах, научно-исследовательских работах, в рамках или по результатам которых опубликована статья (эти сведения приводятся с предшествующим словом «Acknowledgments:»).

3.2.16. На следующей строке по центру — **Список источников**.

Описание цитируемых документов / литературных источников оформляется в соответствии с ГОСТ 7.1—2003, 7.0.5—2008.

«Список источников» включает только использованную литературу и формируется по алфавитному принципу. Сначала идут работы на русском языке, затем — на иностранных. Для переводных изданий необходимо указывать авторов переводов. В выходных сведениях для книг обязательно указание издательства и общего количества страниц, для статей — диапазон страниц. Такие элементы, как [текст] или фамилии авторов через косую черту, тире между элементами описания, ISBN, указывать не следует. В «Список источников» не включаются архивы, информационные или небольшие материалы газет и интернет-сайтов, не содержащие глубокого аналитического анализа. На все подобные источники делаются постраничные сноски в тексте статьи.

3.2.17. На следующей строке по центру **References**.

Список «References» (латинизированный список) оформляется в соответствии с Harvard referencing guide и содержит все публикации «Списка источников» в латинизированной форме, расположенные по латинскому алфавиту. Транслитерация изданий в «References» выполняется в системе, принятой Библиотекой Конгресса США (Library of Congress; LG). Правила перевода с кириллицы на латиницу см.: <https://translit.ru/ru/lc/> или www.convertcyrillic.com/Convert.aspx.

Для русскоязычных источников (и других источников, изданных во всех алфавитах, кроме латинского) в «References» через запятую (,) следующий порядок расположения элементов:

для книг, диссертаций, авторефератов диссертаций:

— в переводе на английский язык фамилия, инициалы автора(ов) (в скобках год издания),

— в транслитерации курсивом название книги, диссертации, автореферата диссертации,

— в [квадратных скобках] — перевод работы на английский язык,

— издательство в транслитерации,

— место издания в переводе на английский язык,

— страна в переводе на английский язык;

для статей в журналах, в сборниках статей, сборниках материалов конференций или глав в книгах:

— в переводе на английский язык фамилия, инициалы автора(ов) (в скобках год издания),

— название статьи в журнале, сборнике материалов конференции или главы в книге в переводе на английский язык в кавычках (‘ ’)

— в транслитерации курсивом название журнала, сборника статей, сборника материалов конференции или книги,

— в [квадратных скобках] — перевод на английский язык названия журнала, сборника статей, сборника материалов конференции или книги,

— в транслитерации издательство для сборников статей, материалов конференций, глав из книг,

— место издания в переводе на английский язык для сборников статей, материалов конференций или книги,

— страна в переводе на английский язык для сборников статей, материалов конференций или книги,

— после двоеточия (:) указание диапазона страниц статьи в журнале, сборнике статей, сборнике материалов конференции или книге.

Названия работ, изданных на латинице, дублируются в «Списке источников» и в «References».

Для латинизированных источников в «References» через запятую (,) следующий порядок расположения элементов:

для книг, диссертаций, авторефератов диссертаций:

— фамилия, инициалы автора(ов) (в скобках год издания),

— курсивом название книги, диссертации, автореферата диссертации;

— издательство, кроме диссертаций и авторефератов диссертаций,

— место издания,

— страна (для США при необходимости указание штата);

для статей в журналах, в сборниках статей, сборниках материалов конференций или глав в книгах:

— фамилия, инициалы автора(ов) (в скобках год издания),

— название статьи в журнале, сборнике материалов конференции или главы в книге в кавычках (‘ ’),

— курсивом название журнала, сборника статей, сборника материалов конференции или книги,

—издательство для сборников статей, материалов конференций или книги,

—место издания для сборников статей, материалов конференций или книги,

— страна (для США при необходимости указание штата),

— после двоеточия (:) указание диапазона страниц статьи в журнале, сборнике статей, сборнике материалов конференции или главы в книге.

Если цитируемая статья имеет DOI (Digital Object Identifier), необходимо указывать его как завершение описания.

В «References» порядок источников диктуется латинским алфавитом.

Образцы оформления ссылок, «Списка источников» и «References» приводятся на сайте журнала.

4. Не допускаются к публикации в журнале «Интеллигенция и мир» тексты, если:

— содержат ранее опубликованный материал;

— имеют оригинальность текста при проверке на антиплагиат менее 75 %;

— представлены без соблюдения правил оформления публикации;

— представляют собой отдельные этапы незавершенных исследований;

— авторы отказываются от технической доработки публикации;

— авторы не выполняют конструктивные замечания рецензентов или аргументировано не опровергают их.

5. Редакция оставляет за собой право осуществлять литературную правку, редактирование и сокращение текстов статей без ущерба для их содержания и авторского стиля.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР
Российский междисциплинарный журнал
социально-гуманитарных наук

2022. № 4

[12+]

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Редактор *Э. В. Кромер*
Технический редактор *И. С. Сибирева*
Компьютерная верстка *Т. Б. Земсковой*

Дата выхода в свет 06.12.2022 г.
Формат 60 × 84¹/₁₆. Бумага писчая. Печать плоская.
Усл. печ. л. 11,2. Уч.-изд. л. 10,7. Тираж 100 экз.
Заказ № 150. Цена свободная

Адрес редакции: 153025 Иваново, ул. Тимирязева, 5
Факс: (+7920) 672-03-68. E-mail: int_i_mir@mail.ru

Отпечатано в издательстве «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39
☎ (4932) 93-43-41. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

Генезис

Формирование

Деятельность

Типология

**Представлены
основные направления
интеллигентоведения**

**Роль
в современном
обществе**

**Сущностные
черты**

*Основан в 2001 году
Выходит 4 раза в год*

Журнал адресован
научным сотрудникам,
преподавателям, студентам вузов

*Распространяется по подписке
и предварительным заявкам*

Междисциплинарный журнал,
не имеющий аналогов в России

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР